

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2023 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

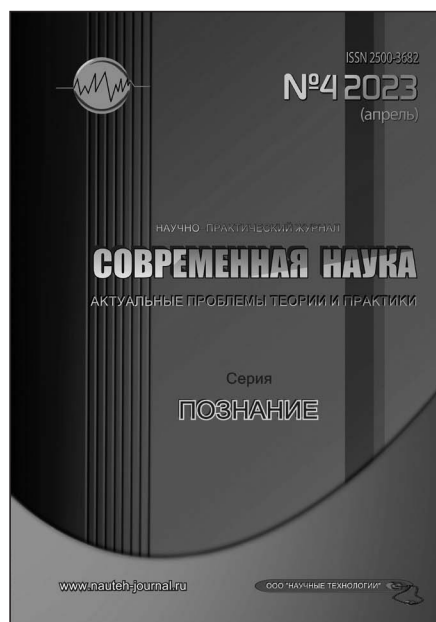
Подписано в печать 10.04.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №4 (апрель) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Атанов А.А., Зверева О.Ю.** – Музыкальное произведение в структурном аспекте исторического анализа
Atanov A., Zvereva O. – Musical composition in the structural aspect of historical analysis. 6
- Атанов А.А., Зверева О.Ю.** – Смысловая концепция музея и формы ее выражения в концепции «воображаемого музея» А. Мальро
Atanov A., Zvereva O. – Meaning concept of the museum and forms of its expression in the concept "imaginary museum" A. Malraux. 11
- Бернадская К.В.** – Образ как культурный феномен
Bernadskaya K. – Image as a cultural phenomenon. 19
- Вэй Вэнь, Федоровская Н.А.** – Исследование узоров и костюмов народа ороchon в Китае
Wei Wen, Fedorovskaya N. – Study of patterns and costumes of the orochon people in China. 23
- Заболотская Е.А.** – Стилистический прием «метафора» в искусстве и графике
Zabolotskaya E. – Stylistic device "metaphor" in art and graphics. 28
- Иващенко А.В., Ваванов Д.А.** – Геометрический анализ архитектурных объектов Москвы
Ivashchenko A., Vavanov D. – Geometric analysis of architectural objects in Moscow. 32
- Изыкенова И.Т.** – Коммунальная квартира: дореволюционная и советская эпоха в музейной экспозиции
Izykenova I. – Communal apartment: pre-revolutionary and soviet era in the museum exposition. 35
- Кашлатова Л.В.** – Женские персонажи в роли прародительниц и дарительниц жизни в фольклоре среднеобских ханты
Kashlatova L. – Female characters in the role of progenitors and givers of life in the folklore of the Central Siberian Khanty. 40
- Кириллов К.О., Могучев И.В., Латыпова Э.Р.** – Значение аккультурации для современного общества
Kirillov K., Moguchev I., Latypova E. – The significance of acculturation for modern society. 44
- Комиссаренко С.С., Костюк Е.Б.** – Диалогичность как константа континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре
Komissarenko S., Kostyuk E. – Dialogicality as a constant of the "elitist" and "mass" continuum in musical culture. 47
- Лю Сьюй** – Историко-культурное значение фортепианного творчества китайского композитора Цзянь Вэнье на примере его фортепианного цикла «Пекинская коллекция Ваньхуа»
Liu Siyu – Historical and cultural significance of the piano creativity of the Chinese composer Jiang Wenye on the example of his piano cycle "Beijing Wanhua collection" 51
- Семухина Е.А.** – Праведность русских как ключевой культурный смысл в книге Т. Готье «Путешествие в Россию»
Semukhina E. – The righteousness of Russians as a key cultural meaning in T. Gautier's book "Travels in Russia". 58
- Скопа В.А.** – Православие в культуре России: историко-культурологический аспект
Skopa V. – Orthodoxy in Russian culture: historical and cultural aspect. 61
- Юй Юнмин, Ван Луйян, Ван Гун** – Исследование культурного наследия в бассейне реки Хэйлунцзян на границе России и Китая
Yu Yongming, Wang Luyang, Wang Gong – Research on cultural heritage in the Heilongjiang river basin on the Russian-Chinese border 64

- Аврамцев В.В., Потемкина А.А.** – Индивидуально-психологические особенности обучающихся как фактор эффективности школьного дистанционного обучения
Avramtsev V., Potemkina A. – Individual and psychological characteristics of students as a factor of the efficiency of school distance learning 67
- Автух В.В.** – Психологические особенности оценки профессиональной эффективности и эмпатийности педагогов дополнительного образования художественной направленности разных квалификационных категорий
Avtukh V. – Psychological features of evaluation of professional efficiency and empathy of teachers of additional artistic education of different qualification categories 73
- Барзых А.В., Морозова О.В.** – Теоретические подходы к трактовке понятия «креативность»
Barzyh A., Morozova O. – Theoretical approaches to the interpretation of the concept of "creativity" 76
- Бурыкина М.Ю., Шибаршина Ю.И.** – Особенности самоотношения и отношения родителей к детям дошкольного возраста с тяжелыми нарушениями речи
Burykina M., Shibarshina Yu. – Features of self-attitude and parents' attitude to preschool children with severe speech disorders 81
- Бурыкина М.Ю., Фатеева А.А.** – Использование игр с мячом в процессе автоматизации звуков у детей 5-6 лет с общим недоразвитием речи
Burykina M., Fateeva A. – The use of ball games in the process of automating sounds in children 5-6 years old with general speech underdevelopment 87
- Васина М.В.** – Цифровая музыкотерапия программы «My energy stream» в коррекции психоэмоционального состояния при панических атаках
Vasina M. – Digital music therapy of the program "My energy stream" in correction of the psycho-emotional state in panic attacks 93
- Ганьшин С.О.** – Влияние перцептивной готовности на скорость восприятия новой информации
Ganshin S. – Influence of perceptive readiness on the speed of perception of new information 97
- Гудименко О.В., Чарикова Т.В.** – Особенности временной перспективы в юношеском возрасте
Gudimenko O., Charikova T. – Features of the time perspective in adolescence 101
- Елисеева Е.Ю., Елисеев Ю.А.** – Социально-психологическая поддержка иностранных обучающихся в рамках тьюторского сопровождения
Eliseeva E., Eliseev Yu. – Socio-psychological support for foreign students within the framework of tutor support 105
- Заславский Д.А.** – Влияние цифровой обратной связи на самооценку пользователей социальных сетей
Zaslavskii D. – Influence of digital feedback on the social networks users' self-esteem 109
- Кирнарская Д.К.** – Психологические детерминанты личности музыканта-исполнителя в условиях современности
Kirnarskaya D. – Psychological determinants of the personality of a musician-performer in modern conditions 113
- Майорова В.А.** – Эффективность психотехнологии профессионального общения юриста
Mayorova V. – Efficiency of psychotechnology of professional communication of a lawyer 118
- Поднебесная Е.Б.** – Работа с транспоколенческой передачей травмы методом расстановок: случай Натальи
Podnebesnaya E. – Work with the trans-generational transmission of trauma by the method of system constellations: Natalia's case 122
- Савиных Л.Е., Булгакова О.В.** – Изменение психоэмоционального состояния спортсменов, занимающихся художественной гимнастикой в период подготовки к соревнованиям
Savinykh L., Bulgakova O. – Changes in the psycho-emotional state of athletes engaged in rhythmic gymnastics during the preparation for competitions 128

Философия

- Бушueva В.В., Гришнова Е.Е., Ламинина О.Г.** – Некоторые аспекты философского анализа научного творчества
Bushueva V., Grishnova E., Laminina O. – Some aspects of the philosophical analysis of scientific creativity131
- Ковалева М.В., Орлова Е.М.** – Философская интерпретация культуры брачно-семейных отношений
Kovaleva M., Orlova E. – Philosophical interpretation of the culture of marriage and family relations135
- Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Король Л.Г., Рахинский Д.В., Шепелева Ю.С.** – Репрезентация социального статуса женщины в контексте мужского гендерного режима: историко-философский анализ
Malimonov I., Sinkovskaya I., Korol L., Rakhinsky D., Shepeleva J. – Representation of a woman's social status in the context of the male gender regime: historical and philosophical analysis139

- Наркевич-Иодко М.С.** – Спортивная героика античности в работе вузовского тренера: этический аспект
Narkevich-Iodko M. – Sports heroics of antiquity in the work of a university coach: an ethical aspect144
- Раитина М.Ю., Кокаревич М.Н.** – Смена образов науки в культурно-исторической динамике
Raitina M., Kokarevich M. – Changing images of science in cultural and historical dynamics147
- Скопа В.А.** – Рассуждения К. Поппера об открытом обществе: социально-философский аспект
Skopa V. – C. Popper's reasoning about an open society: Social and philosophical analysis150

Информация

- Наши авторы. Our Authors.....153
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....155

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРНОМ АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

MUSICAL COMPOSITION IN THE STRUCTURAL ASPECT OF HISTORICAL ANALYSIS

**A. Atanov
O. Zvereva**

Summary: Within the framework of historical methodology, it becomes possible to analyze a musical work based on its structures: the artist and the work; the performer and the listener. The allocation of the basic foundations for the purposes of music analysis depends on the musical practice, which is historical in nature and creates different semantic certainty. The article is devoted to the organization of music and musical composition in relation to specific structures and elementary foundations that are in the system of historical disclosure. The purpose of the research is to build an analytical base of philosophical and art criticism foundation in the system of interaction of the categories "fundamentals" and "justified" for conducting research in the field of music, taking into account the historical context.

Keywords: musical composition, author, genius, composer, performer, listener, authentic performance, interpretation.

Атанов Андрей Алексеевич

доктор философских наук, Байкальский государственный университет, (Иркутск)
atanovaa777@gmail.com

Зверева Ольга Юрьевна

старший преподаватель, Байкальский государственный университет (Иркутск)
zvereva.o.y@mail.ru

Аннотация: В рамках исторической методологии возникает возможность анализа музыкального произведения, исходя из его структур: художник и произведение; исполнитель и слушатель. Выделение базовых оснований для целей анализа музыки зависит от музыкальной практики, носящей исторический характер и создающей различную смысловую определенность. Статья посвящена организации музыки и музыкального произведения в отношении конкретных структур и элементарных оснований, находящихся в системе исторического раскрытия. Целью исследования является построение аналитической базы философско-искусствоведческого основания в системе взаимодействия категорий «основы» и «обоснованного» для проведения исследований в области музыки, с учетом исторического контекста.

Ключевые слова: произведение искусства. музыкальное произведение, автор, гений, композитор, исполнитель, слушатель, зритель, аутентичное исполнение, интерпретация.

В качестве базового метода исследования используется исторический для целей объектного выражения оснований для проведения анализа музыки и музыкального произведения.

Базовая посылка исследования относится к системе ограничений объекта изучения и принадлежит И. Канту, формулируется она так, мы не можем ограничить правила природы, поэтому И. Кант вполне резонно заявляет об ограничении искусства правилами природы. Произведение искусства, включенное в систему человеческого опыта, находится в движении, но возникает ряд вопросов о характере этого движения, хотя бы в системе смыслов.

Вопрос скрытых смыслов произведения связан с человеческим восприятием, понимание этого дает нам возможность перейти к формулировке следующей проблемы, характеризующей включенность в произведение акторов, исходя из специфики музыкального произведения. Немецкая классическая философия апеллирует к пониманию искусства через трактовку гения, который создает само произведение, что, несомненно, имеет под собой весьма веские основания, однако взаимосвязь «художник – произведение» не является достаточной

для рассмотрения специфики музыкального произведения. В этом случае мы должны ввести еще два основания, создающих возможность структурного взаимодействия – это исполнитель и слушатель. Начнем с исполнителя, отметим, что композиторское искусство органически связано с исполнительским, и до определенного момента практически не разделялось.

Исполнительское искусство в некотором смысле вторично по сравнению с творчеством композитора. При этом нужно помнить, что теория музыкально-исполнительского искусства является одной из самых разработанных. Тема исполнительства и интерпретации – одна из ведущих в творчестве Б.В. Асафьева, одного из самых известных отечественных ученых-музыковедов. Музыку Б.В. Асафьев определяет посредством процесса интонирования. Он отмечает различие восприятия музыки инструментальной и вокальной. «Музыку слушают многие, а слышат немногие, в особенности инструментальную... Под инструментальную музыку приятно мечтать. Слышать так, чтобы ценить искусство, – это уже напряженное внимание, значит, и умственный труд, умозрение. Даже в таком искусстве, как балет музыку терпят, пока она нечто прикладное... Но если человек запел – другое дело: внимание, настороженность, «вчувствование»...

Теперь за один голос (за его качество) люди готовы певцу простить и глупость, и чувственную наглость, чванность пошляка и дурной вкус» [7, с. 215]. Возможно, сравнение некорректное и неуместное, однако, заметим, что подобная мысль относительно вокала высказывалась героем П. Зюскинда: «Знаете, красивый голос уже сам по себе духовен, а женщина [певица] может быть глупой, и я считаю, что это самое ужасное в музыке» [8]. Возникает резонный вопрос, если красивый голос духовен, может ли быть глупым его носитель и почему именно женщина (певица)? Не система ли это личных предпочтений П. Зюскинда? То есть при анализе нужно раскрывать и систему личных представлений исследователей, авторов, исполнителей, иначе будет постоянно происходить гиперболизация смыслов из-за утрированного раздувания эмоциональной сферы, что весьма характерно для музыки.

Б.В. Асафьев вводит понятие жизнь, которую произведение обретает посредством исполнения: «жизнь музыкального произведения – в его исполнении... а далее в его повторных воспроизведениях слушателями». Именно от исполнителя зависит как сам процесс воспроизводства, так и что услышит слушатель. Для слушателя есть только исполнительская интерпретация, ему все равно, да и неизвестно насколько она отвечает и соответствует запросам композитора. От этого зависит дальнейшая «жизнь» произведения, ведь количество написанных произведений в разы превышает то, что постоянно исполняется, «общественно звучит».

О.А. Якупова исходит из положения, что в конце XVIII – в начале XIX века «деятельность композитора и исполнителя все более дифференцировалась», заметно возросло количество профессиональных исполнителей, чья виртуозность уже не могла сравниться с предыдущими музыкантами. Композиторы в XX веке настаивают именно на исполнении своих произведений, а не на их интерпретации. О.А. Якупова отмечает, что, например, Б. Барток определяет время исполнения отдельных пьес цикла «Микрокосмос» с точностью до секунды [9, с. 177]. Конечно, важно отметить, что Б. Барток в предисловии оговаривает цель тетрадей этого цикла, которая заключается в обеспечении обучающихся игре на фортепиано учебными материалами, структурирующего свойства. Именно этот факт, возможно, и объясняет такой тщательный подход Б. Бартока, а не только его подход к музыкальному произведению как композитора. Современные авторы, особенно при работе на заказ в условиях ограниченности времени, зачастую не так скрупулезно подходят к нотному материалу, допуская небрежности.

О.А. Якупова анализирует спор между И.Ф. Стравинским и А. Корто относительно роли исполнителя и степени его свободы. И.Ф. Стравинского она относит к исполнителям-объективистам, чьим лозунгом стало вы-

сказывание М. Равеля: «Я не желаю, чтобы мою музыку интерпретировали, достаточно ее играть» [9, с. 182]. А. Корто представляет противоположную точку зрения и фактически считает интерпретацию обязанностью исполнителя. И.Ф. Стравинский же демонстрирует отношение к исполнителю своим удовольствием от возможности использования грампластинок для фиксации авторского исполнения, чтобы установить границы «опасной свободы» исполнителя. Он считает, что исполнитель должен руководствоваться этими записями, чтобы не мешать слушателю составить точное представление о музыкальном тексте [10].

Такое противостояние мнений существует и сейчас. П. Булез, известный как интерпретатор музыки Новой венской школы, вполне закономерно считает, что «интерпретация – это полная свобода. Берешь материал и переделываешь его под себя» [11, с. 64]. Авангардный композитор Ф. Ниблок высказывается по этому поводу отрицательно: «Я пишу решительно закрытые партитуры! Как только я записал их на бумаге, больше никакой свободы» [11, с. 222]. То есть сами композиторы не имеют в отношении интерпретации единой точки зрения. Но актуальным для большинства музыкальных произведений является не авторский подход, а подход исполнителя. И именно здесь находится область актуальных смыслов, большинство исполнителей интерпретаторы, с этой темой связана и тема аранжировки.

В настоящее время актуальным стал вопрос об аутентичности исполнения старых произведений, относительно новых вопросов гораздо меньше, речь идет о способе исполнения, который часто называют «историческим». Во второй половине XX века появился новый подход к исполнению сочинений XVII–XVIII веков, интерпретация теперь стремится к точному воспроизведению оригинального текста. Аутентичность обеспечивается в том числе специальными модификациями инструментов, например, на широко используемых «барочных скрипках» исполняется репертуар XVI–XVIII веков.

В качестве частного элемента проводимого нами анализа, можно проследить эволюцию скрипки как инструмента с целью объяснения трудности и подчас невозможности аутентичного исполнительства в наше время, даже на уровне материального воссоздания инструментов. К началу XVI века заканчивается процесс трансформации народных инструментов, скрипка обретает свои главные качества, появляются образцы, близкие к классической форме, однако в конструктивном отношении инструмент еще не оформился [12, с. 13]. В XVI веке классический тип скрипки представлен «польской скрипкой» – четырехструнная, настроенная по квинтам. Кроме того, описывается еще одна разновидность польского инструмента – маленькие трехструнные скрипки. В XVI–XVII веках в Европе складываются крупнейшие

школы скрипичных мастеров (Маджини, Амати, Гварнери, Страдивари, Гваданини, Штайнер и многие другие). Во Франции в XVI веке существовало две разновидности скрипки: итальянская пятиструнная с настройкой по квартам и французская, меньшая по размеру, четырехструнная с настройкой по квинтам [12, с. 137]. В XVII особую популярность среди учителей танцев и уличных музыкантов приобрели «карманные скрипки» – так называемые пошеты с небольшим корпусом в виде лодочки. Меняется не только визуальный облик инструмента, значение имеет огромное количество фактов: качество древесины, толщина дек, пропорции, лакировка (и приготовление лака, и его наложение) и другие. Кроме того, нужно иметь в виду, что до Первой мировой войны использовались жильные струны.

Отдельно оговаривается специальная конструкция «барочного смычка». До появления классической скрипки существовали две разновидности смычка – малый и крупный дугообразный. Современный смычок появился в результате реформы Франсуа Турта в конце XVIII века, именно он установил длину трости, изгиб внутрь, вид дерева.

Однако, темой нашего исследования не являются особенности конструкции аутентичных музыкальных инструментов и, как следствие, специфика постановки рук и исполнения (этой теме посвящены специальные исследования), хотя об этом нужно помнить при анализе понятия «аутентичность».

Отметим, что в кругу профессиональных музыкантов отношение к «аутентистам» весьма неоднозначное и зачастую критическое. «Традиция в музыке... убивает всякий живой дух», – пишет Л. Ауэр. Критерием стиля он утверждает не традицию или традиции, а красоту, причем смысловая нагрузка последнего понятия может естественно меняться в зависимости от времени, эпохи – то есть красота рассматривается как историческое понятие, что стало возможным только после возникновения концепции Г.В.Ф. Гегеля, мы заходим в одно из возможных направлений анализа, другие Л. Ауэром не рассматриваются как значимые.

Традиционное представление относительно исполнения произведения формальны, поскольку «исчезли те люди, чья индивидуальность придавала им живой смысл». Красоту исполнения ни в коем случае не нивелирует разный подход артистов, потому что правдивость исполнения слушателем всегда чувствуется. Совершенно излишне искусственно воспроизводить эпоху, сочинения уже «отражают своих авторов», само произведение заставляет исполнителя соблюдать определенные правила. Ауэр сравнивает «историческое» исполнение с военными доспехами, хранящимися в музее. Чрезмерная озабоченность исполнителя вопросами стиля,

аутентичности лишает его свободы, воздуха. Задачей же исполнителя является придание «красоте жизненности» [13]. По сути, в рамках, указанных нами рассуждений специалистов в музыке происходит двойное отрицание. Сущностное основание, взятое в контексте исторического процесса, вновь возвращает нас к сущности, которая только внешне похожа на снятую сущность. Рассуждение раскрывается в рамках четко определенной методологии, в контексте применения исторического метода, которая и выступает основанием проводимого нами анализа, что и позволяет разрешить многие, имеющиеся противоречия, четко фиксируя исторические и сущностные основания.

С середины прошлого века многие исследователи искусства стали отстаивать положение об особенной функции зрителя. Хотя идея эта не нова, как отмечают многие исследователи, цитируя Гегеля, постулирующего, что существование искусства определяется публикой [15, с. 140]. В 1957 году М. Дюшан в докладе «Творческий процесс» представил свою позицию: «В творческом процессе участвует не только автор; произведение соприкасается с внешним миром через зрителя, который расшифровывает его, истолковывает его внутреннее содержание и, таким образом, вносит свой вклад в творческий процесс». Через год он уточнил свою мысль: «картину создает зритель». Х. Обрист в процессе своих бесед с современными композиторами транслирует эту идею как положение, согласно которому «созерцатель произведения искусства делает 50 процентов работы» [11, с. 38]. Весьма показательна реакция практикующих композиторов на эту реплику. Например, К. Штокхаузен, один из самых значительных композиторов XX века, говорит: «Для меня нет разницы, сколько вносит от себя слушатель моего произведения в силу своего музыкального образования. Что важно для меня. Так это то, что произведение может существовать и само по себе, без слушателя. Я не размышляю о том, как влияет подготовка слушателей и их характер на восприятие работы... Важно, что произведения существуют» [11, с. 31]. Э. Картер заявляет: «Конечно, так и есть. Только многое зависит от опыта зрителя... Большие симфонии еще есть, а вот их слушатели, я думаю, скоро исчезнут. Для каждой группы аудитории будет своя музыка. Аудитория стала куда более искусенной, одна ее часть, а другая, наоборот, менее искусенной» [11, с. 46]. По мнению П. Оливероса, возникает следующая аллюзия: «Может, даже больше. Ведь когда играешь концерт перед аудиторией, возникает резонанс между мозговыми волнами исполнителей и публики. Когда это происходит, ты чувствуешь, как слух слушателей сливается в одно поле. Спутать это чувство ни с чем невозможно» [11, с. 132]. Й. Оно отмечает: «Даже музыканты тогда считали, что необходимо играть как можно ближе к партитуре. А я хотела отдавать другим свои работы незавершенными, чтобы они дополняли их, а не просто повторяли... Мне тоже не хотелось никого

пускать в свое творчество. В некотором смысле я переступала через саму себя. Я сделала это для собственного роста, чтобы избавиться от артистического эгоцентризма. И я ощущала, будто совершаю шаг от лица всего элитарного творческого сообщества: я отказывалась от своего эго». Причем в создании произведений Й. Оно участвовали не только исполнители, но и зрители [11, с. 204].

Б. Ино, говоря о произведении Корнильеса Кардью «Великое учение», отмечает: «По способу композиции это сочинение отличается от всей классической и современной поп-музыки. Композитор обозначил некий ряд правил и условий, которые формируют ядро произведения, а индивидуальное исполнение – это уже результат подбора подходящих под эти правила и условия вариаций» [11, с. 234]. Далее он сравнивает написание симфонической музыки с постройкой кафедрального собора. Он говорит, что хочет «писать произведения, которые могут свободно существовать без моего непосредственного присутствия... Ты выпускаешь записи из рук. Выпускаешь в мир, где ты не стоишь рядом и не выдумываешь для них оправдания. Даешь им свободу...» [11, с. 237]. Ценность и красота произведения создаются его зрителем или слушателем, то есть ценность произведения открывает возможности для включения новых ценностей. При этом многие авторы полагают, что произведение искусства обладает способностью накапливать информацию, оно обладает способностью и возможностями памяти. То есть, произведение искусства является продуктом «не только читателя и автора-творца, но разных поколений сквозь века. Прошлое устремляется в будущее через тексты» [17, с.88].

Безусловно, есть еще один аспект проблемы, который невозможно не затронуть, если мы говорим о зрителе. Речь идет о способности публики к восприятию

произведения искусства. Ведь, в большинстве своем, как пишет О.В. Краснаярова, одной из характеристик человека массы является «нечувствительность, невосприимчивость с Иному, миру Другого (вообще, человек массы не способен к сосуществованию с Иным, отличным от него)» [16, с. 189]. Дело состоит не столько в том, что человек относится к массе, а в том, что у него отсутствует индивидуальная чувствительность, его душа не способна к определенной сложной работе. Именно через человека, его опыт, авторский, исполнительский, зрительский, произведение искусства, музыкальное произведение обретает жизнь. Мы не испытываем притязаний на разрешение проблемы сущности искусства, однако, как отмечал М. Хайдеггер, «задача – увидеть саму загадку». Вместе с тем, если проблематика исследования переведена в систему конкретной методологии, у нас появляются возможности, хотя бы для указания и определения границ того или иного явления. В нашем случае такими методологическими приемами исследования оказываются – диалектика, система обозначения, исторический подход и методологические возможности по переводу реальности в знания, а знаний в систему истинности (по сути, происходит рациональной конструирование явления, которое может приобрести четко выраженную понятийную форму). Историчность, категории «основа» и «обоснованное» позволяют понятийно наметить аналитические основания критериев музыкального развития. Данная статья показывает смысловой разрыв между каждым веком, в системе интерпретации музыки, начиная с XVI и заканчивая XXI веком во вроде бы в смысловом плане совершенно точно определенным феноменом музыки и намечает новые методологические подходы для его анализа, сохраняя систему музыкального опыта. То есть основание, в данном случае, видоизменяется, создавая новую определенность, но в контексте обоснованного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов А.В. Языки культуры: учебное пособие / А.В. Михайлов. – URL :https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=211375
2. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – URL : https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=36211
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 2 т. Т. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2007. – 623 с.
4. Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 5 / И. Кант. – Чоро, 1994. – 414 с.
5. Ткачева М.Л. Творчество Даши Намдакова в контексте современной культуры / М.Л. Ткачева // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 150–158. – DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).150-158.
6. Зенкин К.В. Музыка–Эйдос–Время. А.Ф. Лосев и горизонты современной науки о музыке / К.В. Зенкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 464 с.
7. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс / Б.В. Асафьев. – Л.: «Музыка», 1971. – 376 с.
8. П. Зюскинд Контрабас / П. Зюскинд. – URL: <http://lib.ru/ZUSKIND/kontrabas.txt>
9. Якупова О.А. О правах автора и интерпретатора музыкального произведения (спор композитора и исполнителя) / О.А. Якупова // Художественное образование и наука. – 2015. – №2. – С. 177-183.
10. Стравинский И. Хроника моей жизни / И. Стравинский. – <http://www.rulit.me/books/hronika-moej-zhizni-read-226302-1.html>
11. Обрист Х.У. Краткая история новой музыки / Х.У. Обрист. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 280 с.

12. История скрипичного искусства в трех выпусках. Вып. 1 / Л. Гинзбург, В. Григорьев. – М.: «Музыка», 1990. – 303 с.
13. Ауэр Л. Моя школа игры на скрипке / Л. Ауэр. – URL: <http://blagaya.ru/skripka/knigi-kak-igrat/auer/>
14. Ткачев В.С. Наука как явление культуры и характер деятельности ученых / В.С. Ткачев // Проблемы искусствознания и гуманитарного знания. – 2018. – С.6
15. Сысоева Н.С. Иркутский художественный музей: жизнь в городе / Н.С. Сысоева, М.Л. Ткачева // Известия Байкальского государственного университета. – Т. 28. – №1. – С. 138–142.
16. Красноярова О.В. К вопросу о коммуникативной стратегии современного массового общества / О.В. Красноярова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 5. – С. 188–192.
17. Красноярова О.В. Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий / О.В. Красноярова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 1. – С. 85–100.

© Атанов Андрей Алексеевич (atanovaa777@gmail.com), Зверева Ольга Юрьевна (zvereva.o.y@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СМЫСЛОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МУЗЕЯ И ФОРМЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ «ВООБРАЖАЕМОГО МУЗЕЯ» А. МАЛЬРО

MEANING CONCEPT OF THE MUSEUM AND FORMS OF ITS EXPRESSION IN THE CONCEPT "IMAGINARY MUSEUM" A. MALRAUX

**A. Atanov
O. Zvereva**

Summary: The article is devoted to the possible concept of the museum. In the conceptual area, we can find distorted meanings embedded in theoretical constructions that turn out to be destructive for culture, art, and science. Within the framework of theory, one can only understand the structure of the judgment, without focusing on rare words. Perhaps, by infinitely multiplying entities, one can get some results, but no one has repealed Occam's principle. In addition, if we applied the methodology of philosophical research to analyze the system of specific connections, then the application and use of conceptual analysis, referred to general grounds, allows us to avoid identifying misunderstandings.

Keywords: culture, art, meaning, museum, concept, A. Malraux.

Атанов Андрей Алексеевич

доктор философских наук, Байкальский государственный университет (Иркутск)
atanovaa777@gmail.com

Зверева Ольга Юрьевна

старший преподаватель, Байкальский государственный университет (Иркутск)
zvereva.o.y@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена возможным концепциям музея. В понятийной области мы можем увидеть искажение смыслов, закладываемых в теоретических построениях, которые разрушительно действуют на культуру, искусство, науку. В рамках теории можно лишь понять форму построения суждения, а не акцентировать внимание на отдельных словах. Возможно, бесконечно умножая сущности, можно получить какие-то результаты, но принцип Оккама никто не отменял. Кроме того, если мы применяем методологию философского исследования для анализа системы частных построений, то точность применения и использования понятийного аппарата, отнесенного к всеобщим основаниям, позволяет нам избежать множества недоразумений.

Ключевые слова: культура, искусство, смысл, музей, понятие, А. Мальро.

Исторически музей (Дом Муз, Храм Муз) имел множество форм – это храм, сообщество ученых, сокровищница. По основному значению – это место пребывания Муз, дочерей богини памяти Мнемозины, по сути, всех возможных искусств – визуальных, аудиальных, кинестетических. Если разбирать функции Муз, то они составляют систему всех знаний доступных человеку античности. Для сознания человека, живущего в античности, основание искусства и любого, даже нового знания, тесно связано с темой памяти или с предельно четкой формулировкой Платона: «Знание – это припоминание». «Мифологическое» основание понимания музея в период античности дает нам устойчивые отсылки и к другому смыслу, у Муз есть единый водитель бог Аполлон – Мусагет. Бог, знающий истину и подлинное значение вещей и событий, бог в природу, которого входит гармония. С другой стороны, парадоксальность ситуации заключается в том, что у бога Аполлона не слишком хорошие и удачные отношения с женщинами, но с Музами он прекрасно ладит, задавая игрой на кифаре лад и гармонию их пению.

Если продолжить рассуждения, отталкиваясь от античной концепции музея, то музей включает разные уровни взаимодействия (не всегда очевидного), музей – это не про целостность как таковую, а про целостность в рамках фиксированного смысла, где раскрытие институ-

та является производным от раскрытия смысла.

В начальном (символическом) варианте Дом Муз указывает на сопряженность гармонии, памяти, знания и искусства (как умения). Нужно помнить, что все имеющиеся в истории формы музея, а не только его первичная форма, указывают на присутствующие и реализующиеся в его структуре миф и ритуал, причем в форме отсылки к действительной истории, но собранной в единство через совершенно другую систему корреляции и взаимодействия смыслов и значений.

Чтобы было понятно, о чем идет речь, небольшой пример. Если речь идет о периоде античности, то люди четко различают профанные (к которым открыт доступ, они не скрыты) предметы и вещи; и сакральные предметы, и вещи. Сакральное существует в двух видах – предметы, вещи и явления, которых смертные не должны касаться ни в каком виде, и вещи, предметы и явления, к которым можно обращаться с помощью посредников (в этом качестве выступают у римлян, например, Янус и Яна). Отсюда может быть сформулирована максима, где вход, там и выход, и Янус, как посредник, определяющий входы и выходы. Если мы берем «священный» предмет он может быть связан с родом, может с духами, богами, тайнами. Все знание, связанное с такими предметами, закрыто, и относится к сакральному, которое известно,

только вашему дому, если мы говорим о родовых тайнах, тайны более высокого уровня человеку без посредника не доступны. Перевод предмета во внешний мир (передача, захват, продажа) вовсе не означает, что тайны, истории и события с ним связанные становятся известными или сохраняются, скорее всего они утрачиваются. Мы видим предмет в другом контексте, смысл и значение его начинают определяться ситуацией здесь и сейчас, так как разрушена его реальность, предмет оказывается в данности и несет совершенно другую информацию, чем та которая была связана с ним изначально. Возникает смещенное положение предмета, кажется, что предмет тот же, но это уже другой предмет.

Если говорить про музей, то там ВСЕ предметы перенесены в другой контекст – в собрание. Реальных историй предметов, кроме тех, что в них изображены не остается. Они зачастую замещаются вкусом коллекционера, то есть вместо понятия «смысл» в музее (в собрании) будет актуализировано понятие «вкус». Отсюда и оформляющиеся теоретические концепции искусствознания и искусствоведения и групп наук, в которых в той или иной степени выражена тема коллекционирования как формы демонстрации. «Вкус» создает собрание, но в созданном собрании возникает необходимость «смысла», но это не смысл произведения, а смысл произведения в собрании при отнесении его в определенное место и фиксирующий его положение. Смысл переходит в форму измененного знания, тоже связанного с предметом, но качественного другого, так как оно относится к иному объекту познания. Представьте, что у вас есть письмо, сохранившееся с ваших детских лет, для вас его ценность заключается и в материале, из которого оно состоит, и в тех событиях, с которыми это письмо связано. Как экспонат – это письмо является только материалом конкретной исторической эпохи.

Хорошо если письмо датировано, но совершенно не факт, что дата поставлена верно, или не была поставлена через несколько лет, причем будто бы, исходя из вроде бы точных воспоминаний. Тогда и эпоха, к которой отнесено письмо начинает расплываться – письмо августа-сентября 1913 или августа-сентября 1914 два совершенно разных письма, для живущих в Европе, как, наверное, и для тех, кто живет в Тибете, фон и контекст будет совершенно другим. Кроме того, письмо — это выражение личной истории, связанное с темой личных знаний, контактов и личных контекстов. Письмо – это чья-то жизнь. Письма периода 28 июня-28 июля 1914, будут совершенно другими, чем письма, написанные до 28 июня, учитывая скорость распространения информации, даже подвижка в несколько часов, способна изменить смысл.

Помню старую черно-белую фотографию комнаты дома моих родственников, которых я никогда не видел (даже фотографии их лиц не сохранились), сильнейшее

впечатление производил полированный пол, сделанный из целых подогнанных толстых досок, скорее полубревен, белый тюль на окнах. Один взгляд и оказываешься в другом мире, в совершенно другой истории, которая, указывая на фотографию, совершенно не связана с ней. На уровне фактов – это дом сестры моего деда и ее мужа. Зная это изображение и дальнейшую историю жизни моей двоюродной бабушки и моего деда (родных брата и сестры), мужа двоюродной бабушки и ее детей, все начинаешь видеть в другом ракурсе. Фотография дома, сама по себе, без этой истории (историй) – выглядит мощно, но есть дополнительные смыслы, придающие фотографии другой смысл – личной истории и личного рассказа и смысл фотографии изменяется. Даты, глядя на фотографию и на изображенное на ней, угадать и воспроизвести не удастся. Но эти даты были в жизни моих родственников, они делили их жизнь на несколько этапов, смещая и изображенное на фотографии, делая его достоянием памяти, а не событием. Фотография комнаты дома без лиц, единственное, что осталось от моих двоюродных дедушки и бабушки, и моих двоюродных дядей, и теток, сейчас эту историю помним только я и моя мама, для отца она не столь актуальна. Для других – это фотография комнаты в доме. Фотография – это про дом, но это всегда еще и чей-то дом. Нужно помнить, что смысл предметов и вещей при наличии историй сдвигается. Предметы и вещи уже другие, подлинный рассказ возможен только в хоре муз, под водительством разума, знания и истины.

Музей в отношении предметов выполняет ритуализированное действие не естественного, не символического, не священного, не сакрального размещения предмета в изначальных условиях, а ритуализированное, исходя из совершенно других оснований, определяемых правилами музея, а не историей и реальностью размещение предмета в составе коллекции. Ритуал в этом случае закладывает последовательность действий, приводящих к мифологизации. Ритуализация превращает культуру в миф. Проблема мифологизации возникает, когда утрачена или уничтожена память и нет достоверных воспоминаний. Современный миф по Р. Барту – преобразует смысл в форму. Миф – греки понимали, как достоверный рассказ, собирающий органически все смыслы. Мифы про Пушкина, Гете, Шекспире весьма часто фигурирующие в форме рассказов. По нашему мнению, просто нет достоверных воспоминаний в системе мифов.

По популярному определению, музей – это учреждение, занимающееся сбором, изучением, хранением и экспонированием предметов — памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью. Необходимо учитывать, что такие функции не могут существовать изначально в отношении собрания предметов, такие функции должны возникнуть и должны

быть закреплены в изменяющейся социальной реальности.

Почему это так? И с чем это связано? Собрание предметов, до эпохи возникновения концепции «современный музей» носило личный характер, обладало личностными или семейными характеристиками, о чем мы упоминали в начале статьи. В этом контексте музей во-многом (если не во всем) обезличенная форма, которая диктует возможный смысл, но смысла как такового здесь нет, он находится за пределами коллекции и собрания. Мы можем придумать концепцию собрания или коллекции, но если она переходит в форму музея, то становится, прежде всего, основанием учреждения или учреждением. Продолжая логическую цепочку, мы приходим к выводу, что у учреждения есть учредители, поэтому смысл (в основании и в генезисе) уходит за пределы предметной организации собрания или коллекции. С другой стороны, эта обезличенность способна постулировать новые концепции музея как в содержательном плане, так и в организационном. Изменяя и форму, и содержание музея как учреждения, но только как данности. Сама идея музея – это смысл, прежде всего социальный, который всегда находится за пределами коллекции и подчинен другим закономерностям, чем предметности и артефакты, на которые он указывает. Из-за музея, в той форме в которой он выражает специфические социальные функции, ракурс собрания или коллекции постоянно смещается, поэтому, если мы говорим об историческом основании коллекции, возникает постоянно присутствующее изменение или просто смысл, отнесенный по своим качествам не к собранию, а к принципу собрания, совершенно не связанного с сущностями предметов коллекции или собрания. Музей не коллекция и не собрание – это форма видения или организации. В результате воздействия музея как формы социальности на экспонаты, собрания и коллекции происходит смещение, даже хронология экспозиции переходит в хронологическую данность, не имеющую никакого отношения к историческим последовательностям и закономерностям, а подчиняющуюся своей собственной логике. Постараемся объяснить, у Константина Гамсанурдия есть роман «Давид-строитель», там царь постоянно называется юноша-царь, потом мы понимаем, что юноше-царю больше сорока лет – это и есть видение через хронотоп.

Необходимо помнить, что любой экспонат музея исходит из реальной среды (его возникновения, функционирования) и переносится в систему коллекции музея. По большей части, собрание картин дома или семьи выполняет декоративные функции, и подчиняется вкусу владельца. В музее и декор, и вкус носят предельно обобщенный характер, подчиненный, зачастую не проговоренной идее собрания, но эта идея присутствует, трансформируя собрание в данность, а не в реальность.

Благодаря этому, зачастую исчезает реальная (подлинная) история предмета, она заменяется историей в системе коллекции музея, происходит мифологизация, экспонат становится подлинным экспонатом, переставая быть предметом. Коллекция создается по какому-то принципу, содержание которого не всегда ясно даже для хранителей и сотрудников музея, именно в этом контексте, они рассматривают коллекции и собрания музея как данность. Если мы воспринимаем что-то как данность, нужно помнить, что в результате мы имеем дело не с реальностью, а с данными, а еще точнее, с конкретными типами данных, которые уже подверглись обработке (о характере этой обработки мы можем только догадываться). Можно вспомнить историю средневековья, где практически нет нефальсифицированных источников и документов. В какой степени мы можем считать достоверными предметы, которые вырваны из привычного контекста и помещены в структуру и логику экспозиции, в соответствии со структурой и логикой экспозиции или коллекции учрежденного музея, а не контекстов и реальных положений предметов?

Понятие «музей» в начальной привычной нам форме обозначало коллекцию предметов искусства и (или) науки. С XVIII века в его состав включается здание, где располагаются экспонаты. В XIX веке к понятию «музей» присоединилась научно-исследовательская работа. В шестидесятые годы XX века началась педагогическая деятельность музеев для различных возрастов и различного культурного уровня участников. То есть музей начинает оформлять особую структуру реальности, которая строится из данных, то есть музей как форма – это виртуальная реальность, созданная задолго до информационных технологий, но при этом являющаяся воплощением информационных технологий. Работа ведется не с предметами и понятиями, а с данными, которые легко образуют новые цепочки закономерностей, контекстов, смыслов и значений, образование новых цепочек значений и смыслов (носящих произвольный характер) происходит по очень простой причине, нет реальной структуры расположения предметов и четкого понятийного отнесения к смыслу. Вспомним дискуссии двадцатого века у западных интеллектуалов по поводу понятия «большевик», пришли к «пониманию», что в реальности такого нет, но как данность...

Судя по всему, что-то есть (именно что-то, что указывает на присутствие чего-то). Кто судит (создает суждение), как судит, почему судит так, а не иначе? Или же все гораздо банальнее – есть реальная структура (не связанная с суждениями), которая и отправляет к большевику, к типам большевика и большевизму, и эта структура продумана, действительна и очевидна. А дискуссии по поводу «большевика» или для дилетантов, или для того, чтобы скрыть подлинный смысл. Очередные «интеллектуальные» игры (что за «зверушка» такая), может не

нужно принимать их за чистую монету? Феномен марксизма, и в частности, большевизма, – это западные феномены, тогда западные «интеллектуалы», дискутируя в двадцатом веке по поводу «большевика», либо наводят тень на ясный день, либо сами не понимают, о чем идет речь, и в первом, и во втором случае их мнением можно пренебречь.

Возникает вопрос, что нужно анализировать? Ведь анализ данных и анализ реальности осуществляется при использовании совершенно различных принципов и на совершенно отличных основаниях. Чтобы было понятно, о чем идет речь, маленький пример. Один человек сказал другому: «Я тебя люблю!». Это только данные. Реальность — это не только сама фраза, но и подлинный смысл, который она выражает: действительно ли любит, тот кто произносит фразу; понимает ли, что такое любовь и так далее. Реальность – это как дела обстоят на самом деле, а данные, могут как указывать на реальность, а могут и нет. В методологическом плане переход от общих концепций к конкретным проектам был проработан одним из авторов этой статьи в книге «Экономика концептов» [3]. В концепции ментальный мир, дискурс, концепт [3] иначе локализацию смысла в предметных областях знания провести невозможно. Зачастую мы видим эксперименты, которые не имеют.

В новых условиях, в связи с развитием компьютерной техники, начинает изменяться концепция музея, происходит переход и смещение от предмета к образу, в еще большую сторону в область данных. Посмотрим подходы к концепции виртуального музея, которые оформлялись в до информационную эпоху. Уникальные события, которые не стали массовыми в сфере музейного дела позволяют создать базу концепций, определяющих, что не работает, или, что работает относительно концепции виртуального музея. Можно обойтись моделью, но музей, это не форма моделирования, это форма экспонирования, поэтому смыслы нуждаются в раскрытии. Анализу будет подвергнута концепция «воображаемого музея» А. Мальро. Единственная выставка организованная, исходя из его концепции (?) была проведена в России в Пушкинском музее в 2017 году.

В нашем исследовании сохраним методологическую установку Аристотеля, который в «Метафизике» различает два уровня познания: опыт и искусство (Arist. *Metaph.* 981a15-23). Платон в своих методологических послышках трансцендировал переход от опыта к искусству, не как сферу познания, а как сферу научения. Концепция А. Мальро отрицает античный подход, Мальро идет от искусства к опыту. Насколько такая методология окажется актуальной?

Разберем концепцию «воображаемого музея» А. Мальро. Практически ее воплотили в Москве в музее

искусств имени А.С. Пушкина. Мы как страна склонны к странным экспериментам со странными концепциями и учениями (речь не о науке). В случае А. Мальро на родине во Франции никто даже не пытался создать «воображаемый музей» (многое понятно уже на уровне теоретических построений, не обязательно переходить к практике).

Для начала краткий теоретический обзор взглядов А. Мальро. Симптоматично, что в нашем тексте была описка Монро, а не Мальро. А доктрину Монро можно свести к тезису «Америка для американцев», а также к закладке оснований для перехода к политике неокolonизма. Можно вспомнить еще М. Монро. А. Мальро создает примерно такую же концепцию для музея называя его воображаемым. Вы скажете, что авторы используют ненаучную методологию, ссылаясь на свои описки и оговорки, но в рамках того подхода, на который опирается А. Мальро, это совершенно естественно. Несколько тезисов, отражающих концепцию А. Мальро. В кавычках идет текст А. Мальро, за кавычками комментариев. Поскольку Мальро использует такой концепт как «фотография» не в том значении, в котором мы привыкли (у него фотография отображение репродукции, репродукция отображение памяти образа), что весьма сложно отобразить в линейном тексте, нам приходится использовать разные шрифты и способы выделения текста. Текст А. Мальро берется не только как таковой, но и как актуализированный к выставке (в проспекте), смыслы минимизированы. Цитирование А. Мальро идет по книге «Голоса безмолвия» [8], но с адаптацией и привязкой к проспекту выставки.

«Образы культуры зачастую архивируются в строго заданной форме – что приводит к невозможности их коллективного и индивидуального прочтения». Не совсем понятно, о чем идет речь, об архивации культуры, о культуре или об образах культуры. Если мы верим автору, то есть образы культуры, которые архивируются в строго заданной форме. Кто задал форму и почему в контексте рассуждения форма оказывается первичным понятием? То есть мы оказываемся в предзаданном состоянии невозможности прочтения. Появляются субъектные факторы, и мы из мира искусства и культуры перемещаемся в архивацию образов без всякой системы, но со строго заданной формой, то есть рабочим оказывается фактор сходства, а не подобия и тождества, что как максимум может привести к оформлению только принципа сравнения, но вне понятийных систем.

«По отношению к прошлому всякая цивилизация оказывается в положении художника перед лицом культурной традиции». Аналогия в понятийном плане не совсем корректная, на наш взгляд весьма сложно отождествить цивилизацию и художника, соотнося их с прошлым и культурной традицией, слишком много отождествлений

и мало смысла, если мы говорим об объектах, но в субъектных отношениях и за пределами реальности, возможен и такой подход.

«Всякий человек носит в себе музей». Не факт.

Как понимают методологическую концепцию Мальро организаторы выставки. «Мальро предлагает использовать репродукцию, точнее фотографию для рассмотрения того, что мы собрали в нашей памяти? Благодаря фотографии изменяется качество репродуцируемых вещей. Осуществляется выбор репродукции». – Голоса воображаемого музея Андре Мальро. М. – ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2016 – 388 с. То есть вместо вещи – память, вместо памяти репродукция, вместо репродукции фотография, и именно благодаря фотографии изменяется качество репродуцируемых вещей. То есть в основе лежит принцип даже не отражения отражения, а все дальше от вещей. Сознание фантомов или субъектное не переживающее сознание, структурно – это бессознательное. Как возможно создать определенность вещи, не учитывая вещь, а учитывая лишь человеческое бессознательное и чистую субъективность, большой вопрос. Сам термин Мальро «фотография» предлагаем закавычить.

«Изменяется само отношение к понятию шедевра». Спору нет ведь мы говорим о «фотографиях» «репродукций». Где уж там шедевр! Его просто нет, и он никому не интересен, происходит аннигиляция «смысла» и «вкуса» о которых мы говорили в начале нашей статьи, то есть первичного и вторичного оснований в исторически оформляющейся структуре музейных собраний.

«Новое понятие иерархии ценности в искусстве». Не в искусстве, а в «фотографии» «репродукций» в них же иерархия, порядок ценностей, при подходе А. Мальро, определяется бессознательным, а бессознательное по своей природе не иерархично. По его мнению, чем больше «репродуктивно» «сфотографировано» тем ближе к искусству. Искусство исчезает, заменяясь на иерархию фантомов без иерархии, начинает царить произвольность.

«Альбом.

Альбом восстанавливает первичный сакральный контекст, где находились боги и предки до того, как стать картинами». По мнению А. Мальро, альбом создает структуру сверхреальности. Всегда думали, что у альбома есть автор-составитель. Судя по всему, по мнению А. Мальро, он круче бога!

«Метаморфоза метаморфоз, образ обретает утраченную ауру». Еще и аура появилась! Вещь, образ, «репродукция», «фотография». А ауру куда? Метаморфоза метаморфоз – это что за процесс? Откуда образ? А затем

аура? Или же происходит окончательная субъективация искусства, не совсем понятно как образ утратил ауру, и почему в метаморфозе метаморфоз он его обретает, и как это происходит.

«Витражи, фрески, которые сложно переместить. Ковры, из которых сложно составить экспозицию». А зачем перемещать? Они ведь созданы в конкретном месте, для решения конкретных задач. Если включить перемещение, то мы получаем новые возможности объединения, это хорошо. Но что-то останется без витража и фрески. Что это в своем сущностном определении? И возможен ли в данном контексте вопрос «что». Из бытия мы перемещаемся, в мир соединения расчлененного. Почему бытия? Потому, что базовый вопрос Аристотеля про «что» и из него возникает определенность категорий. Мальро предлагает другое.

«Воображаемый музей не возвращает зрителям храм, дворец, сад, церковь, которые они ПОТЕРЯЛИ, но он освобождает их от некрополя». Нам и предлагают потерять или разрушить, освободиться от объекта. Непонятно откуда возникает некрополь, и почему-то от него надо освободиться, ведь он овеществленная память, то есть по логике автора тогда отрицается и память, идет очищенная от памяти игра «фотографий» и «репродукций», аннигилировано и то, что удерживало образы.

«Воображаемый музей, основанный на репродукции, способен творить фиктивные искусства». Не искусства – фикции, причем без творчества, так как творчество рождение нового, а не репродукция. Здесь нет критериев объекта, откуда возникнет искусство, как его продемонстрировать, показать. Со стороны зрителя базовым вопросом будет: «Как ощутить?»

«По-английски воображаемый музей – музей без стен. Музей без пространства. Виртуальная реальность делает человека, независимым от музейных залов. Тогда вариант виртуального права, независимость от судебных зал». Нужно помнить, что Мальро создает текст в докомпьютерную эпоху в 1947 году – не нужно искать современный смысл в используемом им понятии «виртуальной реальности». Сделаем право виртуальным, не связанным с местом, тогда преступление – это мыслепреступление.

«Истинный музей – это присутствие в жизни того, что должно было принадлежать смерти». Сказано предельно откровенно.

Если убрать эмоциональную составляющую, то можно предположить, что А. Мальро предлагает субъективистскую концепцию выставки, которая связана не с ощущениями от вещей и предметов, а от предельно удаленного даже от образа наложения «репродукций»

и «фотографий». Причем и «репродукция», и «фотография» – это не физические объекты. Исходя из стилистики и методологии Мальро, мы можем отобразить его приемы работы с искусством: базовый метод аналогия, ценность в иерархии (как «порядок» бессознательного), образ, архивирование, «репродукция», «фотография», метаморфоза метаморфоз, аура. То есть, физически ни музей, ни произведения не нужны. Мы погружаемся в чистую субъективность. Что же произошло на практике, когда решили открыть воображаемый музей?

Переходим к тому, что было. На концепции А. Мальро (какой непонятно, ни вербально, ни понятийно она не была выражена, ни даже проговорена) была открыта выставка в ГМИИ имени Пушкина. Чтобы не «искажать» картину, происходящего в музее, именно в системе «фотографии», а не научного анализа, в полном соответствии с концепцией А. Мальро, мы приведем несколько «фотографий»: репортаж о выставке, текст из программы выставки, выступление посла Франции при открытии выставки.

Начнем с репортажа о «воображаемом музее» в стенах музея имени Пушкина

«Воображаемый музей» заговорил. В Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина открывается выставка «Голоса воображаемого музея Андре Мальро». Концепция французского писателя, философа, общественного деятеля на время получила своё вещественное воплощение. «Воображаемый музей» – это эссе Мальро, написанное им в 1947 году. В нём, среди прочих, выражена мысль об идеальном музее, который объединяет различные стили и эпохи. Новый проект в Москве представляет порядка двухсот работ. А куратором выставки стала президент музея Ирина Александровна Антонова. Репортаж Антона Николаева.

В Пушкинском музее происходит что-то невообразимое: из самых разных уголков мира привезли множество шедевров разных эпох и культур и расставляют вперемешку. Античные скульптуры рядом с русской иконописью, Рембрандт рядом с Гойей. Так мог бы выглядеть какой-нибудь крупный музей в эвакуации во время войны, но не выставка, которую готовили целый год. Но в этом беспорядке и состоит главная идея.

«Нетрудно прийти в зал, где висят только Эдуарды Мане, и биографически рассказать: вот таким он был в молодости, потом сделал то и то. Другое дело – прийти в зал искусства импрессионизма. Но эпоха – одна. Это интересно, но ещё один из приемов обострения нашего зрения – это совмещение вещей, которые обычно рядом не висят», – пояснила президент ГМИИ им. Пушкина Ирина Антонова.

У каждой выставки есть куратор – человек, который придумывает идею, концепцию. У этой выставки он тоже есть, но здесь его нет. Это известный общественный деятель Франции XX века, писатель, философ, министр культуры в правительстве Шарля де Голля – Андре Мальро.

«Когда говоришь об этом человеке, даже трудно охарактеризовать, кто это, одним словом сказать невозможно. Такой штамп, как "деятель культуры", который я не очень люблю, тем не менее, наиболее полно отражает деятельность этого человека», – отметила директор ГМИИ им. Пушкина Марина Лошак.

В 1947 году Андре Мальро в своем эссе «Воображаемый музей» сформулировал идею, согласно которой и построена эта экспозиция. В реальности такого не осуществлял никто и никогда.

«Суть в том, что Мальро отбирал вещи, на примере которых можно проследить диалог цивилизаций. Это и происходит на выставке. Вот почему здесь так много шедевров: и Рембрандт, и Веласкес, и Гойя. А какие-нибудь африканские маски – они анонимны, мы не знаем автора, но по своему качеству это произведения выдающегося уровня», – прокомментировал профессор Сорбонны, куратор выставки Франсуа де Сен-Шерон.

В феврале, когда выставка закрывается, все станет на свои места. Экспонаты разъедутся по странам, эти залы Пушкинского опустеют. «Воображаемый музей» снова превратится в идею. Просто идею.

Что мы можем сказать о выставке, исходя из этой «фотографии». Отсылка идет к эссе, а не организационным формам. К сожалению, идея, на основании которой построена выставка, организаторами выставки никак не сформулирована. Возникает противоречивое смешение: с одной стороны, нам говорят об идее, изложенной в эссе «Воображаемый музей» на которой построена выставка; с другой стороны, нам говорят, что Мальро отбирал вещи, на примере которых можно проследить диалог цивилизаций, для чего и предназначена выставка. То есть, единой идеи нет. Есть принцип отбора вещей и предметов, созданный Мальро, положенный в основание выставки, что мы и наблюдаем на практике. Какое отношение это имеет к «воображаемому музею», загадка. Искусство начинает определяться опытом, в том числе «диалога цивилизаций», которого в реальности не было, было некое сходство, похожесть, которое и выступает в качестве основания. У нас на глазах проходит отказ от искусства и перевод его в опыт, в данном случае диалога цивилизаций.

Теперь проанализируем следующую «фотографию», текст о выставке, из программы выставки.

«Шедевр ведет не властный монолог, а несмолкающий диалог», – так писал Андре Мальро (1901 - 1976), знаменитый общественный деятель Франции XX века, писатель, философ, участник движения Сопротивления, министр культуры в правительстве Шарля де Голля. Создатель концепции «воображаемого музея», Мальро верил в магию искусства – и сам обладал высоко развитым и тонким чувством, чтобы откликаться на голоса. Ощущать единство мировой созидательной силы, которая так или иначе свойственна людям всех эпох и национальностей, – вот о чем он мечтал и вот что он предлагал в качестве сверхидеи музейного дела. Он призывал смотреть поверх исторических разломов и антагонизмов искусства.

В соответствии со своей философией, Андре Мальро ищет закономерные соответствия в структуре, пространственных соотношениях и других свойствах произведений, скажем, изображения руки буддийского бодхисаттвы и аналогичной детали – руки святого на картине итальянского художника. Первые очаги творческой активности в истории людей, то есть Древний Восток (Междуречье и Египет), по типу своей созидательной силы находят созвучия в скульптуре Мезоамерики, включая инков и ацтеков. Африканская пластика и оформление масок, оружия и бытовых предметов легко смыкаются с китайскими культовыми вещами доконфуцианского периода. Индийская пластика созвучна с пластикой европейского барокко. Эти созвучия были понятны и значимы для Мальро. [6, 3-5].

То есть создается форма диалога цивилизаций, которая логически никак не обоснована. Череда аналогий не создает ни произведений, ни смыслов, ни искусства, ни культуры. Написано сложно, но о чем это?

Выставка «Голоса воображаемого музея Андре Мальро» в ГМИИ им. А.С. Пушкина объединила более 200 экспонатов, отражающих философско-культурологическую концепцию Мальро. В экспозиции несколько разделов, организованных по биографическому и хронологическому признаку и отражающих философско-культурологическую концепцию «воображаемого музея» Андре Мальро: «Многоликая древность», «От сакрального к идеальному», «От идеального к реальному», «На пути к модернизму». [6, 3].

Наш тезис, что в организации выставки использован подход А. Мальро по комбинации вещей собрания, находит свое подтверждение. Несколько смущает сентенция из текста программы: «Мальро верил в магию искусства – и сам обладал высоко развитым и тонким чувством, чтобы откликаться на голоса».

Но «фотография» и есть «фотография» «репродукции». Как есть, так есть. Следующая «фотография» речь

посла Франции при открытии выставки.

Речь посла Франции в России Жан-Мориса Рипера

Уважаемый Господин Специальный представитель Президента Российской Федерации, Дорогой Михаил Ефимович, Уважаемая Госпожа Президент Музея им. Пушкина, Дорогая Ирина Александровна, Уважаемая Госпожа Директор Музея им. Пушкина, Дорогая Марина Девовна,

Для меня большая честь открывать вместе с Вами эту замечательную выставку, вдохновлённую одним из моих прославленных соотечественников Андре Мальро. Он был не только политиком, министром культуры при Генерале де Голле с 1958 по 1969 гг, автором романов «Надежда» и «Удел человеческий», но также человеком, взгляды которого на искусство определили нашу эпоху.

На протяжении всей своей жизни Мальро задавался вопросом об искусстве, его природе и месте в обществе. Прежде всего он отвергал идею о том, что искусство является исключительно западным и может быть ограничено произведениями, хранящимися в музеях.

Любой предмет может рассматриваться как искусство при условии, что человек поддерживает с ним метафизическую связь.

Его «воображаемый музей» не имеет границ ни в пространстве, ни во времени.

Будучи Министром культуры, Мальро старался придать своим идеям конкретное воплощение. Не пренебрегая аспектом культурного наследия, он, например, интегрировал в поле деятельности своего министерства современное творчество.

Через сеть Домов культуры он предоставил наиболее широкому кругу лиц, особенно молодёжи, доступ к произведениям культуры.

Во Франции образовательная роль искусства остаётся приоритетной, таковой же она была и есть в России.

Музей Пушкина был создан как структура с образовательным предназначением, деятельность которой должна была быть направлена на знакомство публики, посредством муляжей, с произведениями, которые были недоступны ввиду временной разницы эпох. Ирина Антонова, а затем и Марина Лошак продолжают и поддерживают эту традицию.

Выставка, представляемая нам сегодня, опирается на размышления Мальро об искусстве, даже если ответы на

поставленные вопросы принадлежат не только ему, но и Ирине Антоновой.

Эта выставка – это и воображаемый музей Ирины Александровны, и я уверен, что Мальро был бы счастлив такому сотрудничеству. Он писал: «Меня не волнует, одобряют ли мои ответы по искусству, лишь бы не игнорировали мои вопросы»...

Дорогая Ирина Александровна, искренне благодарим Вас за предоставленную французам и русским возможность вести диалог с уверенностью и спокойствием.

Я хотел бы подчеркнуть, что в этом проекте, как и полагается, приняли участие крупнейшие французские музеи (Лувр, Орсе, Музей Гиме, Quai Branly – вот лишь некоторые из них) и я приветствую среди нас Профессора Франсуа де Сен-Шерон, крупнейшего специалиста по Мальро, и представителя семьи Мальро.

После выставки «Коллекция» и дара произведений советского и российского искусства Национальному музею современного искусства Центра Помпиду, после исключительной выставки Щукина в Фонде Луи Вюиттон, организованной благодаря щедрому вкладу Музея Пушкина, сегодняшняя выставка является новым свидетельством интенсивности культурного сотрудничества между нашими странами.

Уважаемый Господин Специальный Представитель Президента Российской Федерации, Уважаемая Госпожа Президент Пушкинского музея, Уважаемая Госпожа

Директор Пушкинского музея, благодарим Вас за неоценимый вклад в углубление дружеских связей между нашими народами. (<https://ru.ambafrance.org/Golosa-voobrazhaemogo-muzeya-Andre-Mal-ro>) [10]

Почему мы так часто совершаем ошибки, ориентируясь на фантомы? А. Мальро ведь ничего не скрывает. Зачем искать смыслы там, где их нет? Зачем заменять интеллект – интеллектуализацией? Может проще понять, и не совершать при этом никому не нужные действия. Посол Франции открытым текстом определяет уровень происходящего, домом культуры во Франции, и мы приравниваем к дому культуры наш Пушкинский музей.

Почему так происходит? К сожалению, вместо проведения анализа, мы привыкли опираться на факторы. Приведем пример. В.Г. Былков под методологической проблемой понимает факторы: «Поэтому важнейшей методической проблемой в теории рынка труда является определение факторов, которые воздействуют на величину емкости предложения на локальном, региональном и национальных рынках труда» [4]. Е.Г. Воронцова, используя все тот же факторный подход, определяет готовность следующим образом: «Отечественными исследователями готовность характеризуется с точки зрения таких характеристик, как процесс и результат, продолжительность (краткосрочная или длительная готовность), проявление способностей или качеств личности, вид общей готовности» [5]. А.А. Марасанова в своем исследовании рассматривает качество жизни через систему социальных стандартов [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Академический скептицизм. – СПб, РХГА, 2022 – 181 с.
2. Аристотель, *Метафизика* / Аристотель. — Санкт-Петербург: Лань, 2014. — 341 с. — ISBN 978-5-507-38100-5. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/47029>
3. Атанов А.А. Экономика концептов / А.А. Атанов – Иркутск: БГУЭП, 2008. – 398 с.
4. Былков В.Г. Предложение на рынке труда: методология, природа формирования / В.Г. Былков. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).1 // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 4. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=21889>
5. Воронцова Е.Г. Исследование особенностей психологической готовности к профессиональной деятельности личности в образовательном пространстве вуза / Е.Г. Воронцова. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).4 // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22230>.
6. Голоса воображаемого музея Андре Мальро. М. – ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2016 – 388 с.
7. Кроненберг Д. Употреблено / Д. Кроненберг – М.: Аст, 2015. – 416 с.
8. Мальро А. Голоса безмолвия / Пер. с франц. В.Ю. Быстрова; под редакцией А.В. Шестакова. С. Петербург: Наука, 2012. С. 206–297. Далее цит.с указанием страниц в тексте. – 871 с.
9. Марасанова А.А. Социальные стандарты качества жизни / А.А. Марасанова // Baikal Research Journal. — 2013. — № 4. — URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=18434>.
10. <https://ru.ambafrance.org/Golosa-voobrazhaemogo-muzeya-Andre-Mal-ro>

© Атанов Андрей Алексеевич (atanovaa777@gmail.com), Зверева Ольга Юрьевна (zvereva.o.y@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Бернадская Ксения ВладимировнаСтарший преподаватель, Санкт – Петербургский
государственный институт культуры
9571507@mail.ru

IMAGE AS A CULTURAL PHENOMENON

K. Bernadskaya

Summary: The article is devoted to the study of the category of image as a cultural phenomenon. The paper discusses key approaches to the definition of the concept from Antiquity to the present day from the point of view of cultural, sociological, philosophical and other approaches. Particular attention is paid to the concepts of the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century. Based on the above studies, the author comes to understand the image as a dynamic cultural category.

Keywords: image, cultural phenomenon, cultural studies, identity, interdisciplinarity, motivation.

Аннотация: Статья посвящена исследованию категории образа как культурного феномена. В работе рассматриваются ключевые подходы к определению понятия от Античности до наших дней с точки зрения культурологического, социологического, философского и других подходов. Особое внимание уделено концепциям второй половины XX века и началу XXI века. На основании приведенных исследований автор приходит к пониманию образа как динамичной культурологической категории.

Ключевые слова: образ, феномен культуры, культурология, идентичность, междисциплинарность, мотивация.

Образ является одним из ключевых понятий в области культурологии как метод кодификации физической и духовной деятельности человека. Дошедшие до наших дней в виде устойчивых символов, образы транслируют миропонимание той или иной национальной культуры.

Будучи феноменом культуры, категория образа с разных аспектов задает векторы исследования в области других областей знания, таких как филология, философия, социология и др.

Проблематика образа изучалась исследователями различных областей знания. Большой вклад в изучение образа как лингвистического понятия внес Б.А. Штофф, Г. Гадамеру и Р. Ингардену принадлежат исследования образа в области философии и эстетики, Л. Ионину и С. Аверинцеву принадлежат концепции образа в области культурологии. Различные подходы к проблематике образа создали разные трактовки в его понимании [8].

В семиотике образ представляет собой знак, производящий информацию, зафиксированную в предметных и художественных формах. Примером подобных знаков может выступать пиктографическое письмо, распространившееся на заре письменности в великих древних цивилизациях [2].

Философия определяет образ как форму представления и репрезентации действительности. Образ становится своего рода идеальной формой отражения действительности в сознании человека или народа, возникшей в условиях социальной и исторической практики [3].

С точки зрения культурологии образ принято рассма-

тривать как часть символики, обособленной ритуальными значениями. Закрепляясь на уровне ритуала, в современном мире образ реализуется на бытовом уровне как отражение культурных компонентов картины мира того или иного народа. Реализуясь в качестве культурного феномена, образ становится импульсом и, одновременно, инструментом создания художественных произведений, которые, проходя определенные исторические этапы, выступают как документы формирования и развития культурных ценностей [2].

Несмотря на широкий спектр подходов к определению образа в современности, категория зарождается еще в античности со знаменитого спора Платона и Аристотеля. Платон понимал образ как продукт воздействия «идеальной», божественной сферы на познание, в то время как Аристотель трактовал понятие как результат чувственного познания человеком материального мира [7].

В эпоху Средневековья развитие получает именно философия Платона, модифицированная христианской теорией. Божественная сфера Платона трансформируется у Августина в «Царство Божие». Образ же выступает как результат уподобления предмета действительности божественному идеалу этого предмета. Так, если человек создан «по образу и подобию Бога», то сам он и является образом Бога [7].

Философия нового времени заново переосмысляет полемику Античности и отдает приоритет пониманию образа в контексте аристотелевской традиции. Феномен становится продуктом отражения объективной реальности в человеческом восприятии. Внесли вклад в

развитие учений об образе такие ученые как: Г. Гегель, И. Кант, Э. Гюссерль, Р. Декарт. Именно Р. Декарту принадлежит классический подход к пониманию образа. Философ указывает на то, что суть бытия человек понимает в результате восприятия и оценки жизни. Формирование образа происходит в результате восприятия и фиксации реального события [3].

С развитием в середине XIX века наук и искусств, понятие образа интегрируется во многие смежные области знания и наибольшее осмысление получает в контексте философских учений.

Анри Бергсон – французский писатель и представитель философии интуитивизма дает новое понимание образа как «вида сущего, который находится посередине между тем, что есть, и представлением о нем». Образ оказывается интерпретацией личностью окружающей действительности. В учении А. Бергсона большая роль отводится социальному и культурному контекстам, в соответствии с которыми формируются образы представителей конкретных групп. Философ также вводит такое понятие «материи» как совокупности образов, формируемых за счет восприятия объективной материи человеком [8].

В XX веке развитие понятия в области философии связано, в первую очередь, с направлением экзистенциалистов. Наиболее яркими его представителями становятся Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, А. Шюц и А. Лосев.

Экзистенциалисты утверждали образ не просто как отражение действительности в сознании индивида или группы, но как представление о действительности, обособленное личным набором отношения к ней [8].

Наиболее точно эту философию сформулировал А. Шюц: «Образ – это совокупность субъективных процессов, которые происходят внутри личности и накладываются ею на события, явления, людей и т.д.».

Будучи осмысленным и зафиксированным коллективно, образ становится источником мотивации социальных поступков [13].

Как метод коллективной мотивации категория образа рассматривалась в контексте психологии и связана с именем К.Г. Юнга. В понимании ученого образы или архетипы были сформированы и зафиксированы коллективно в эпоху мифологического мышления, откуда дошли до нас на уровне бессознательных импульсов и осуществляет мотивацию в рамках психических процессов [8].

В XX веке к пониманию образа сложился междисциплинарный подход.

Так, в рамках социальных наук Л. Иониным и С. Аверинцевым была сформулирована концепция, по которой образ связывается с социальными процессами и ритуалами, формирующими культурное сознание общества. Исследование образа в этом контексте на протяжении истории дает понимание социальных процессов на всех этапах жизни общества. В этом же контексте рассматриваются и идеологические рычаги управления человеком.

Теоретик и историк художественной культуры Н.А. Хренов синтезирует междисциплинарное понимание образа в работе «Образы города в истории: психологический аспект смены парадигмы». Автор указывает на то, что созданные в рамках конкретного социума образы тесно связаны с психологическими аспектами. Так, образ становится результатом субъективного восприятия реальности и назначение культуры в этом процессе – классификации и «фильтрация» образов, направленная на социальное регулирование [12].

Доктор культурологии С.Н. Иконникова исследует образ с точки зрения его диахронии. Закономерности формирования тех или иных образов позволили автору сделать выводы о том, что образы, сформированные в рамках конкретных цивилизаций и культур, могут стать как импульсами к прогрессу, так и его сдерживающими факторами [7].

С культурно-исторической точки зрения к пониманию образа приходит Д. Замятин, который добавляет к культурно-историческим факторам географический компонент. По мнению автора, каждое культурно-географическое пространство имеет собственный набор образов и собственный тип восприятия, соотносимый с иными методами представления. Совокупность местных образов становится образной системой конкретной большой территории, которая, в свою очередь, становится частью глобального образного пространства. Так, мы можем охарактеризовать особенности образов каждого штата Америки, однако страна вписывается в мировую систему как часть целого [6].

Любое поселение, в основу которого положены принципы местной культуры, может быть представлено как образ. Благодаря ему население территории создает свою национальную идентичность, а также социальную принадлежность.

Проблемой образа как культурного феномена озадачены также лингвисты и филологи. В середине XX века А. Лосев изучает связь образа и системы символов, передающих сущность предмета. А. Лосев подчеркивает, что «все области действительности и жизни буквально наполнены бесконечным числом разнообразных символов» [7].

Во второй половине XX века категория образа рассматривается с точки зрения семантики. Такие ученые, как А. Белый, П.А. Флоренский, А.Ф. Еремеев и другие положили в основу изучения образа семантический метод и представили образ как семантическую лингвистическую категорию.

Исследуя образ в рамках семиотики, Ю. Белоусова приходит к пониманию образа как системы невербальных знаков, порожденных сознанием индивида. Образы передаются в рамках коммуникации как надтекстовые категории. Формирование образов, по мнению Ю. Белоусовой, принадлежит как одному человеку, так и социальной группе [2].

Медиа пространство в современном мире становится одним из ключевых механизмов порождения образов. Осмысляя данный процесс в статье «Власть журналистики», Пьер Бурдьё отмечает, что субъекты СМИ функционируют в одной системе образов, задающих представление об окружающем мире. Журналистика подчиняется требованиям читателей и оказывает влияние на другие сферы жизни, формируя ключевые аспекты идеологии.

Используя образы в качестве первичного текста, медиапространство формирует стереотипы социального поведения и общественных ценностей.

На сегодняшний день в России формируется новое направление, рассматривающее образы как компоненты медиа. Направление, получившее название «медиа-философия» изучает такие средства создания и трансляции образов, как СМИ, кино, интернет.

Основателями направления принято считать В.В. Савчук, О.А. Штайн, К.П. Шевцова – представителей центра медиафилософии СПбГУ.

Исследователи из поля интерсубъективности выделяют смыслы, которые потом ранжируются по степени ценности. Далее медиасредства придают смыслам субъективную окраску и транслируют уже готовые образы для общественности.

Представители направления понимают образ как, в первую очередь, культурный феномен, отражающий ценности и установки социальной действительности. Изучение механизма восприятия и формирования общества в этом ключе позволяет формировать идеологию и стереотипы социального поведения.

Отдельным подходом к изучению образа выступают исследования национальной идентичности и культурной памяти. Исследования, положенные Я. Ассман и А. Ассман в современном мире получили наиболее масштабное распространение. Основной категорией в исследовании национальной идентичности и памяти выступает образ страны. Как отмечает Л. Дробижина, образ государства в сознании людей тесно связан с политикой и особенностями социальных групп. Каждый гражданин идентифицирует себя с определенным народом, социальным статусом, институтом и ролью, что становится компонентами его собственного «Я».

Анализируя образ России, мы можем выделить такую тенденцию, связанную с героизацией и мифологизацией национального прошлого. Мемориализация и культивирование памяти о героизме предков формирует в современном мире определенный стереотип о национальном самосознании русских.

Проанализировав историю и направления изучения образа как культурного феномена, мы можем выделить три основных аспекта его осмысления:

1. Образ как продукт субъективного восприятия действительности.
2. Образ как репрезентант определенного объекта.
3. Образ как результат чувственного восприятия мира.

Следовательно, образ представляет собой динамично развивающийся феномен, обусловленный историческим периодом и социальными настроениями. Образ всегда конкретно историчен и является феноменом культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов, Э.Я. Русская идея и американская мечта. URL: https://kartaslov.ru/книги/Баталов_Э_Я_Русская_идея_и_американская_мечта/ (Дата доступа: 17.01.202)
2. Белоусова Ю.В. Образ с точки зрения семиотики. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. - Выпуск № 4 / том 14 / 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-s-tochki-zreniya-semiotiki/> (Дата доступа: 17.01.202)
3. Бессмертие философских идей Декарта (Материалы Международной конференции, посвященной 400-летию со дня рождения Рене Декарта) / ред. Н.В. Метрошиловой, Т.Б. Глугач, О.И. Мачульской. Москва, 1997. – 181с.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть /пер. с фр. В.И. Иванов. Москва: МГИМО МИД РФ, 2004.С.150-151.
5. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – Санкт – Петербург, 1998. - № 2. С.40-58.
6. Замятин Д.Н. Красота российских городов: геокультурная политика и геокультурный брендинг территории. URL: <https://www.hse.ru/>

- data/2014/10/22/1099849470/Замятин.pdf/ (Дата доступа: 17.01.202)
7. Иконникова С.Н. Контуры и перспективы исторической культурологии//Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Санкт – Петербург,2012. – С.6-15.
 8. Ионин Л. Г. Социология культуры. - 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.-427с.
 9. Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных. // ПОЛИС. Политические исследования. Москва,2011.- №4. С. 171-176.
 10. Концепт «символ» в философии культуры А.Ф. Лосева. // Гуманитарные и социальные науки 2008. № 2 – С. 17-20. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/09_00_13/04.pdf / (Дата доступа: 17.01.202)
 11. Хамзина Д.З. Понятие образа. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С.132-134
 12. Хренов, Н. Образы города в истории: психологический аспект смены парадигмы.URL:http://ecsocman.hse.ru/data/081/996/1219/016_Hrenov_Obrazy_goroda.pdf/ (Дата доступа: 17.01.2023)
 13. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / сост. и ред. Н.М. Смирнова; пер. с нем. и англ.: В.Г. Николаев и д.р.. Москва, 2004.-499с.

© Бернадская Ксения Владимировна (9571507@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ИССЛЕДОВАНИЕ УЗОРОВ И КОСТЮМОВ НАРОДА ОРОЧОН В КИТАЕ

Вэй Вэнь

*Аспирант, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток
vei.ve@dvf.u.ru*

Федоровская Наталья Александровна

*доктор искусствоведения, профессор, Дальневосточный
федеральный университет, Владивосток
fedorovskaya.na@dvf.u.ru*

STUDY OF PATTERNS AND COSTUMES OF THE OROCHON PEOPLE IN CHINA

**Wei Wen
N. Fedorovskaya**

Summary: Traditional patterns and costumes of the Orochen people exist in all aspects of the life of the Orochen people, and their content is rich, their forms are diverse, and their sense of form is strong. These patterns are borrowed from nature and life, reflecting the desire of the Orochen people for beautiful things and their desire for a better life. Clothes – an important aspect of understanding national culture, and this is a historical document without words. Different natural conditions, production and lifestyle have led to different national personalities and national psychology, thus forming different styles of clothing and characteristics of clothing, as well as creating a unique culture of clothing with its own characteristics. The dissertation is based on field research and uses costume theory to clarify the value of research on the Orochen national costume. Taking as a starting point the study of the shape of national costumes, comprehensively discuss the origin, classification, shape, pattern, color, decoration and trends in the development of national Orochen costumes, analyze traditional Orochen patterns and costumes and explore the aesthetic appeal of traditional Orochen patterns and costumes, which is of great importance. significance for the study of Orochen folk culture and modern design.

Keywords: orochon, patterned art, clothing, ethnic minorities of China, peoples of the Heilongjiang River (Amur).

Аннотация: Традиционные узоры и костюмы народа ороchon существуют во всех аспектах жизни народа ороchon, и их содержание богато, их формы разнообразны, а чувство формы у них сильное. Эти узоры заимствованы из природы и жизни, отражая стремление народа ороchon к красивым вещам и их стремление к лучшей жизни. Одежда – важный аспект понимания национальной культуры, и это исторический документ без слов. Различные природные условия, производство и образ жизни привели к различным национальным личностям и национальной психологии, таким образом, формируя различные стили одежды и характеристики одежды, а также создавая уникальную культуру одежды со своими особенностями. Диссертация основана на полевых исследованиях и использует теорию костюма, чтобы прояснить ценность исследований национального костюма ороchon. Взяв за отправную точку исследование формы национальных костюмов, всесторонне обсудите происхождение, классификацию, форму, узор, цвет, украшение и тенденции развития национальных костюмов ороchon, проанализируйте традиционные узоры и костюмы ороchon и исследуйте эстетическую привлекательность традиционных узоров и костюмов ороchon, что имеет большое значение. значение для изучения народной культуры ороchon и современного дизайна.

Ключевые слова: ороchon, узорная художественная, одежда, этнические меньшинства Китая, народы реки Хэйлуцзян (Амур).

Узорная художественная форма

Искусство узоров племени ороchon основано на непрерывном поглощении других этнических искусств за свою долгую историю и смело внедряет инновации в соответствии со своими собственными этническими методами производства и важными характеристиками, чтобы сформировать форму искусства с уникальными этническими характеристиками.

Искусство и религиозные верования ороchon, природная среда, экономическая география и национальная культура, психологическая структура, национальная эстетика и жизненные обычаи узорного искусства с национальными особенностями тесно связаны и являются важной частью традиционной культуры. В дополнение к своим практическим функциям, он также обладает высокой декоративностью. Этническое узорное искусство – это уже не просто предметы первой необходимости и

украшения жизни, а комплекс культур, уходящих корнями в почву нации. Узорное искусство народа ороchon – это общий термин для обозначения пяти узорных ремесел: кройки, коллажа, шитья, ткачества и резьбы по дереву. Обычно это также относится к типам одежды, подвесок, тканей и посуды из бересты, созданных этими пятью ремеслами. Производственный процесс и мастерство изготовления почти одинаковы, а узоры и украшения также различны. Традиционные узоры народа ороchon в основном включают узоры одежды и униформы, узоры берестяной утвари, узоры промышленной и жилой утвари и т.д. Каждая категория делится на различные типы, такие как узоры одежды, узоры шаманской одежды, узоры свадебной одежды, узоры жертвенной одежды, узоры мужской одежды, узоры женской одежды, узоры детской одежды и т.д. Искусство узоров Ороchon должно в основном удовлетворять повседневную жизнь людей.

Искусство узоров Ороचना должно сначала удовлет-

ворить повседневную жизнь масс. В повседневной жизни декоративные объекты людей Ороочона охватывают почти все: от бытовой утвари и жилых покрытий до различной одежды. Предметы, сделанные людьми Ороочона, предназначены для пользы, Узоры и узоры, которые женщины Ороочона пытаются сделать, не утилитарны и эстетичны. Женщины вышивают узоры на различных изделиях из кожи в том же стиле, что и резьба на посуде из березовой кожи, или используют нитки для вышивания непосредственно на кожаной доске, или разрезают кожаную доску на различные узоры, а затем вышивают ее на кожаных изделиях. Например, Суэн (苏恩) и Гулами (古拉密) – это два вида кожаных халатов, которые носят зимой, весной и осенью. Мужские кожаные халаты отделаны только краями, а узоры относительно просты. Женские кожаные халаты не только инкрустированы кожаными краями с мелким рисунком, но и вышиты с изысканными узорами на шее, большими лацканами и разрезами. [1, С.140] Квалифицированная техника, трудолюбивый дух, расчесывая шкуры животных, делая их умелыми руками. Кожаные и кожаные штаны не только защищают от ветра и дождя, отодвигают холод и тепло, но и украшают жизнь. Изделия из шкур животных являются уникальной культурой одежды в ороочоне. [2, С.6] Точно так же тонкие узоры на коробках для рукоделия и сигаретных пакетах предназначены для повышения их эстетической ценности. Существует четыре типа узоров и узоров этнической группы ороочон: облака и громы, круговые узоры, узоры и узоры животных. Облачный и громовой рисунок является наиболее распространенным, он больше используется в качестве центра рисунка, чтобы символизировать благоприятность. (Рис.1) Второй-это набор горячих тонов сетки (套热格音), который представляет собой непрерывный поворотный рисунок, обычно используемый на краю изделия, и есть также четыре кадра для рисунка. (Рис.2) Третий-рисунок цветов. (Рис.3) Животные рисунки включают различные дикие животные, птицы, насекомые и т.д. Он существует в большом количестве в костюмах, посуде и идолах, включая рога, лошадей, оленей, птиц, бабочек, гусей и так далее. (Рис.4)[3,С.454.С.482-483] Из этого видно, что традиционный образец народности ороочон богат по содержанию, разнообразен и имеет сильное чувство формы. Применение образца тесно связано с содержанием народной жизни. Он отражает не только эстетическую проблему, но и географическую среду, условия жизни, религиозные убеждения, народные традиции и другие факторы. Эти красивые узоры содержат верность людей Ороочона любви, стремление к прекрасной и счастливой жизни и настойчивое стремление, дают людям ощущение простой природной красоты и настойчивой красоты жизни, отражая трудолюбивый, смелый, простой и героический национальный характер людей Ороочона. У народа ороочон есть только язык и нет слов, поэтому их национальные узоры и картины стали основными записями национальной культуры. Раскопки национальных моделей Ороочона полезны для лучшего изучения народной культуры

Ороочона и могут предоставить большое количество элементов дизайна для современного дизайна.

Рис. 1. Облачный и громовой рисунок
(Выбрано из: Родной город Нового племени Ороочон)

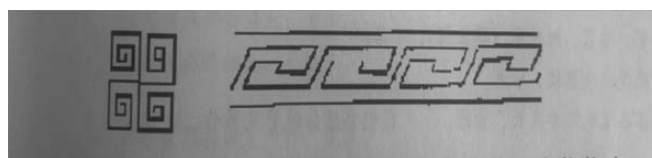

Рис. 2. Горячих тонов сетки (套热格音)
(Выбрано из: Родной город Нового племени Ороочон)

Рис. 3. Цветов узор
(Выбрано из: Родной город Нового племени Ороочон)

Рис. 4. Животный узор
(Выбрано из: Родной город Нового племени Ороочон)

Одежда

Люди Ороочона в основном основаны на костюмах из шкур животных, а люди Ороочона создали культуру костюмов из шкур животных с национальными особенностями в долгосрочной жизни сафари. Его одежда, обувь, головные уборы, перчатки, сумки на плечо и т. Д. Сшиты из шкур животных. Зимняя одежда обычно использует шкуру косули с длинным и густым мехом осенью и зимой, который является толстым и прочным и обладает высокой морозостойкостью; весенняя, летняя, летняя и осенняя одежда использует шкуру косули с редкой и короткой шерстью летом. Кожаный материал в основном представляет собой шкуру косули с наилучшими тепловыми характеристиками, а небольшое количество свиного меха также используется в качестве отделки для головных уборов и одежды. Шапка из скальпа косули на языке ороочонов означает Митаха (灭塔哈)[4] (рис.5), а шапка из скальпа косули – продукт производительного труда. Сезон ношения в основном зимний. Мужчины часто носят этот вид шапки на охоте. В дополнение к сохранению тепла, более важной целью является легкая маскировка. Поэтому шапки из скальпа косули также являются типичным продуктом периода камуфляжной охоты.

Рис. 5. Шапка из скальпа косули Митаха (灭塔哈)
(фондов из музея Этнографического Ороочона посёлка Сюньке)

Материал женских кожаных шапок Ороочон (рис.6) больше не представляет собой единую шкуру косули. Он больше сделан из шкуры лисы, норки и кожи водяной обезьяны. На более позднем этапе также используются современные материалы, такие как ткань, шерсть и искусственная шерсть. Женщины - ороочоны носят шляпы, чтобы согреться, и они добавляют к шляпам декоративные ленты и узоры. Из-за разных людей, которые их делают, декоративные узоры и узоры также различны. Они также вышивают некоторые из своих любимых предметов, таких как пуговицы, бусины и т.д., что означает красивое украшение. [5,С.40]

Рис. 6. Шапка из скальпа косули А Вэнь (阿文)
(фондов из музея Этнографического Ороочона посёлка Сюньке)

Ороочонцы, мужчины, женщины и дети зимой носят длинные кожаные халаты. Кожаные одежды называются Суен (苏恩) (рис.7) в Ороочоне, и есть различия между мужчинами и женщинами. Мужские одежды называются Нил Суен (尼罗苏恩), а женские одежды называются Асико Суен (阿西科苏恩). [6,с30] Прежде всего, мужские кожаные халаты. Мужские кожаные халаты Нил Сун (尼罗苏恩) бывают двух стилей. Один из них-короткий халат, который носят во время охоты и который короче колена. Другой-халат, который меняется в повседневной жизни и растет ниже колена. Нет большой разницы в стилях двух кожаных халатов. Стили мужчин и женщин примерно одинаковы. Для облегчения верховой езды есть открытое зрение, но открытое зрение отличается. Все мужские одежды распахнуты посередине, что в Ороочоне называется Селебада (色勒巴达); женские одежды распахнуты с обеих сторон, что называется Ле-Селебада (列色勒巴达) [7, с120]. В некоторых местах есть только передние и задние вилки или слева и справа, а там, где нет вилок, будут сшитые декоративные узоры. В разрезе короткого кожаного халата есть горизонтальные полосы, похожие на параллельные линии, в диапазоне от 2 до 3, чтобы предотвратить разрыв, и вверх будут круглые или роговые декоративные узоры. Длинные кожаные халаты, как правило, не разрезаются спереди и сзади, а разрезаются только слева и справа. Декоративные узоры на разрезах похожи на короткие кожаные халаты, но типы узоров относительно богаты, такие как: рога, облака, спиральные узоры и цветы. Женские одежды более плотные и длинные, чем мужские.

Мужчины надевают ремни, молодые женщины надевают цветные тканевые ремни, а пожилые женщины надевают простые тканевые ремни. Пуговицы кожаного халата изначально были изготовлены из костей животных или кожаных полосок, а затем были введены медные пуговицы, которые заменили пуговицы ручной работы. Весной, летом и осенью жители Ороочона носят короткие кожаные халаты, которые обычно изготавли-

ваются из гладкой кожи без волос, называемой «гурами» (古拉米), которая является непромокаемой и прохладной. Мужчины из Орочона носят халаты и кожаные шорты, штанины по коленям и похожи на ботинки и брюки современных молодых людей. Когда они охотятся, они также носят штаны, на штанах только две пары штанов, а к ремням привязаны кожаные полоски. Летом брюки обычно шьются из косули или оленьей кожи. Видно, что мудрость работников всегда самая богатая, будь то ороchon или на ней, что полностью отражает сочетание их искусства одежды и реальности жизни. [8, с41]

Рис. 7. Длинная одежда из шкуры косули (фондов из музея Этнического Орочона посёлка Сюньке)

Существует три вида перчаток племени ороchon, все они сделаны из волосатой кожи косули или оленьей шкуры. Женщины-орочоны часто используют перчатки или сумочки для сигарет в знак привязанности. Ша жи би хэ и (杀日比和依) (рис. 8) означает перчатки с пятью пальцами. Пять пальцев разделены, как в современных кожаных перчатках. Женские перчатки вышиты красивыми узорами на тыльной стороне ладоней и пальцах, а узоры также вышиты на внутренней стороне больших пальцев. Он сделан из шкуры косули или доски из оленьей кожи и инкрустирован тонкими шкурами, такими как шиншиллы. Он не очень теплый, но очень красивый. Као хао лао (考蒿捞) означают перчатки с одним пальцем, при этом большой палец отделен от остальных четырех пальцев, оставляя отверстие в ладони. При стрельбе и охоте руку можно вытянуть, а головку перчатки вытащить, подобно боксерским перчаткам. Большой палец и головка перчатки в основном расшиты узорами. Этот вид перчаток с одним пальцем чрезвычайно практичен на настоящей охоте, и когда он видит добычу, его пальцы могут быстро вытянуться и вызвать тревогу. Он сделан из шкуры косули с длинными волосками внутри, которая очень теплая. "Димо" (底莫) означает "заложённые руки". Большой палец отделен от остальных четырех пальцев, подобно перчаткам в холодных регионах, таких

как Северо-Восточный Китай в наше время. Большой палец и ладонь перчатки расшиты красивыми узорами. Он сделан из шкуры косули или доски из оленьей кожи, которая инкрустирована тонкими шкурами, такими как шиншиллы. В основном его носят дети, он очень теплый и красивый. [9, с50-60]

Рис. 8."Ша жи би хэ и" (杀日比和依) (Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова)

Рис. 9. Венде (温得) (Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова)

Сапоги из кожи косули, называемые в Орочоне Цихами (其哈密). На каждую пару сапог взрослые надевают 16 пар из кожи ног косули, а дети – 12 пар. Из кожи шеи косули делают пару подошв для ботинок. Его могут носить как мужчины, так и женщины, что особенно подходит для охоты. Если они сталкиваются с добычей, они легко спешиваются и идут с тихим звуком, что нелегко встревожить зверя. Оленьи и длинноногие кожаные сапоги в Орочоне называются Венде (温得). (рис.9) Он выше, чем высота Цихами (其哈密), и каждая пара ис-

пользует 8 голений сумасшедшего или 9 голений оленя. Если мужчина надевает его, когда отправляется на охоту. Матерчатые (кожаные) сапоги на кожаной подошве, называемые в Орочоне Олуки (奥路奇), представляют собой разновидность сапог с короткими рукавами и обуви, которую носят летом. Используйте шкуру дикого кабана, медведя или оленя в качестве основы, используйте шкуру косули без меха в качестве основы и используйте многослойные булочки вместе, чтобы сделать ткань после того, как ткань будет пропущена. [10, с. 22]

Вывод

Благодаря приведенному выше анализу нетрудно обнаружить, что формы искусства Ороchon разнообразны, и они очень богаты формальной красотой и элементами

дизайна. Среди них дизайнерское мышление декоративных узоров исходит из жизни, что не только отражает традиционное эстетическое сознание народа ороchon. Он также содержит географическую среду региона, в котором живет нация, многолетние накопленные жизненные привычки, религиозные верования, национальные традиции и многое другое содержание. Он воплощает сильный характер народа ороchon, который является прямым, энергичным, трудолюбивым и храбрым. Орнаментальные узоры этнической группы ороchon стали основной формой записи национального искусства. Изучение узоров этнического декора ороchon и пластических искусств не только способствует изучению этнического народного искусства ороchon, но и может предоставить множество традиционных элементов этнического дизайна для современного дизайна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подготовленная группой авторов книги "Краткая история племени Ороchon", Краткая история племени Ороchon. – Пекин: Национальное издательство, 2008. – 227 с.
2. Народным правительством округа Хума (АПХ, КНР, г. Хума) Ф. Гравюра Гуань Таофан Цзюй Шулоу. Оп. 2. Д. 6.
3. Ван Чжаоцин, Краеведческие хроники ороchon в посёлке СиньШэн. - Харбин: Народное издательство Хэйлунцзяна, 2003. – 580 с.
4. Шапка из скальпа косули. // 360 Энциклопедия [Электронный ресурс] URL:<https://baike.so.com/doc/9404870-9744477.html> (24.03.2021)
5. Бай Ланя. Племя ороchon. – Пекин: Национальное издательство, 1991. – 78 с.
6. Писательская группа, Ситуация с Автономным баннером Ороचना. - Хохот: Народное издательство Внутренней Монголии, 1981. – 88 с.
7. Юй Шуо. На горе, на горе! Устная история охотников-орочон / Юй Шуо, Чжао Шичин. - Пекин: Пресса Нового мира, 2017. – 509 с.
8. Хуа Мэй. Одежда и природа / Хуа Мэй, Чжао Цзин, Ван Чуньсяо. -Пекин: Экономическая пресса "Чайна Таймс", 2010. – 364 с.
9. Хэ Цинхуа. Одежда Ороचना / Хэ Цинхуа, Хунлей. -Пекин: Национальное издательство, 2010. – 120 с.
10. Чжан Минцзе. Искусство охоты на людей: Навыки изготовления собачьих шкур Ороchon. - Харбин: Народное издательство Хэйлунцзяна, 2010. – 137 с.

© Вэй Вэнь (wei.ve@dvfu.ru), Федоровская Наталья Александровна (fedorovskaya.na@dvfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ «МЕТАФОРА» В ИСКУССТВЕ И ГРАФИКЕ

Заболотская Евгения Александровна

Доцент, кандидат технических наук, Институт
Искусств, РГУ им.А.Н.Косыгина (ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН.
ИСКУССТВО), г. Москва,
evgeniya.art@mail.ru

STYLISTIC DEVICE "METAPHOR" IN ART AND GRAPHICS

E. Zabolotskaya

Summary: This article is devoted to the study of the stylistic trope "metaphor" in art and graphics, as one of the means of figurative representation of reality in artistic terms. Metaphor is defined as a hidden comparison carried out by applying the name of one object to the second and thus revealing some important feature of the second. Metaphor serves not only as a name, it accompanies human thinking and makes the author's creative thought accessible to other people.

Art is thinking in images, and in order to create the most vivid, expressive image, it is necessary to be able to use various stylistic devices. Modern artists actively use metaphor in their works; the metaphor in hieroglyphic writing (Asian and ancient Egyptian) is also interesting.

Keywords: literature, art, graphic arts, stylistic devices, metaphor, visual information, artistic language, graphic language, expressiveness of the image.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию стилистического тропа «метафора» в искусстве и графике, как одному из средств образного отображения действительности в художественном плане. Метафора определяется, как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета ко второму и выявляющее, таким образом, какую-либо важную черту второго. Метафора служит не только наименованием, она сопровождает человеческое мышление и, делает творческую мысль автора доступной для других людей.

Искусство – это мышление в образах, а для того, чтобы создать наиболее яркий, выразительный образ, необходимо уметь пользоваться различными стилистическими приемами. Современные художники активно применяют метафоричность в своих работах; так же интересна метафора и в иероглифической письменности (азиатской и древнеегипетской).

Ключевые слова: литература, искусство, графика, стилистические приемы, метафора, визуальная информация, художественный язык, графический язык, выразительность образа.

Метафорой называется троп, представляющий собой употребление слов и выражений в переносном смысле на основе аналогии, сходства, сравнения для передачи характеристик данного предмета другому предмету [1]. Так как метафора многофункциональна, своё применение она находит не только в литературных, но и в художественно-графических образах. Из-за тесной связи образного мышления с метафорическим, творчество многих художников наполнено переносным значением, которое необходимо увидеть и понять [2].

Но многие художественные произведения больше связаны с живописью, с отражением реальности через объем. Рассмотреть метафоричность графики можно издали, например, со стороны иероглифической письменности. Азиатские иероглифы - это, по сути своей, изначально стилизованные предметы, прошедшие огромный исторический путь до современности, претерпевшие в процессе огромные изменения в стиле написания, сохранив при этом смысловое значение

Изучая каллиграфию, можно отметить, что чувства и эмоции передаются графически начертанием линий с изменением их структуры и пластики.

В качестве примеров можно рассматривать китай-

ский иероглиф "печаль", состоящий из двух частей – "осень" и "сердце" и ономотопею (звукоподражание) в азиатской графике (рис.1, рис.2). Для передачи звука в индоевропейских языках необходимо написать звукоподражательное слово полностью, что добавляет сложности в изображении его графически. Азиатским языкам с иероглифами проще использовать средства графики, поскольку звук-символ уже представляет собой картинку, которую достаточно лишь правильно передать в изображении: тяжелый звук добавляет толщины линии иероглифа, а легкий и мимолетный превращает линию в визуальную невесомую нить.

Основа художественной графики – передача характера или состояния предмета с помощью линий и пятен, и с данной задачей, как было доказано, идеально справляются иероглифы. Вопрос лишь в том, как использовать анализ знаков письменности для последующего их выражения в метафоричности образа? В случае с каллиграфией можно использовать способ миниатюры. Иероглиф – это графический эскиз, где одна часть кричит, выбивается, акцентирует и направляет на себя все внимание, а остальные части лишь подчиняются (рис.3). Однако, для более глубокой проработки необходимо понимать, о чем кричит акцентированная часть. Поэтому, сначала метафора строится визуальным языком. Например, в плакате к фильму А. Тарковского "Жертвоприни-

www.daokedao.ru

Рис. 1. Китайский иероглиф «печаль»

Рис. 2. Ономопатия в азиатской графике

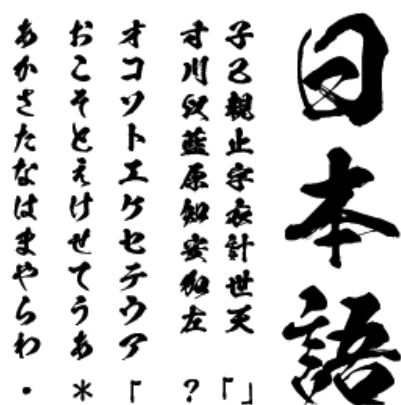

Рис. 3. Пластика линии в иероглифике

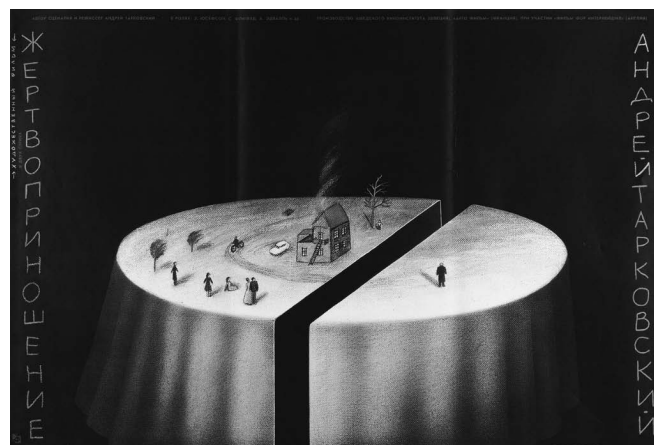

Рис. 4. Плакат к фильму Тарковского «Жертвоприношение»

Рис. 5. Плакат «Стоп ядерному самоубийству»

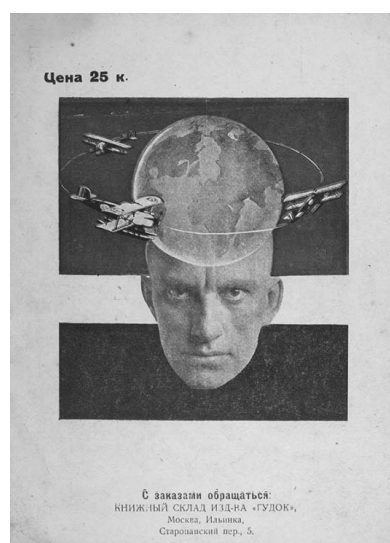

Рис. 6. Обложка-фотомонтаж к книге «Разговор с фининспектором о поэзии»

шение" изобразительной метафорой данного произведения является отсеченное пространство, где находится один человек, а по другую сторону – люди и общество (рис.4). Таким приемом художник И. Майстровский передает вполне понятную каждому человеку метафору одиночества.

В графическом дизайне метафоричность осуществляется по двум основным направлениям. Первое – «резкая метафора» [3]. Примером первого направления может служить плакат английского художника F. Henr Kaу Henrion "Стоп ядерному самоубийству" (рис.5). Изображение взрыва наложено на изображение черепа, что уже является сильной метафорой, демонстрацией древнейшего символа смерти на плакате. Последствия, не изображенные на плакате, ярко отображаются в нашем воображении, и смысл плаката выходит далеко за его пределы. Но резкая метафора может объединять и далеко стоящие друг от друга понятия.

Другое направление – «нерезкая метафора», основанная на оттенках образа, интонациях, подтекстах и т.д. В данном случае дизайнером преподносятся несвойственные природе объекта мотивы, выглядящие, как графическая аранжировка, а не как реалистичный признак. К такой метафоре можно отнести обложку-фото-монтаж авторства А. Родченко к книге В. Маяковского "Разговор с фининспектором о поэзии" (рис.6). В одном изображении соединяются портрет автора, земной шар и аэропланы, летающие по определенной орбите. Все это ассоциативно заставляет зрителя догадаться, какому образу мышления придерживается поэт. Он, преодолев земное притяжение, вырывается своей мыслительной деятельностью к космосу. Данная метафора не является очевидной и очень тонко отсылает к творчеству В. Маяковского.

Работа с фоном и цветом также входит в процесс организации и подачи метафоры художником. Во-первых, в графическом изображении конкретного персонажа его взаимодействие с фоном может рассказать об его эмоциональном состоянии, принадлежности к какому-либо социальному положению, профессии, образу мышления и т.д. Во-вторых, цветовая гамма также многое расскажет о настроении, характере персонажа [4].

Линии и пятна могут поддерживать общий образ, но не всегда выходят на передний план. Линии в иероглифе на рис.1 передают грустное, меланхоличное состояние, они будто сделаны дрожащей рукой, с разводами и каплями слез. Линии в звукоподражании на рис.2 выполнены широко и массивно, но выполняют не только свое прямое значение – передача звука, а также и переносное – если бы они оказались внизу, то было бы не понятно, откуда идет звук, но именно в таком расположении

он воспринимается направленным вверх. Так же и в графическом образе конкретного персонажа: нужно направить взгляд зрителя к значимому по замыслу художника участку его изображения, чтобы он привлек внимание и вызвал размышление о смысле расположения в этом месте широкой, резкой линии и по каким причинам она переходит в плавную, кривую. Смысловое объединение образа при помощи графической метафоры происходит во взаимодействии его с фоном на заключительной стадии создания художественного произведения.

Так, например, недостаточно создать образ моряка и изобразить на фоне корабль. Нужно ответить себе на вопросы: почему он находится именно на корабле, может ли он находиться в другой среде и какой смысл может получить его изображение при визуальном взаимодействии с тем или иным фоном? В таком случае, варианты метафорического подхода к теме могут появиться сами: окруженный водой и картами моряк, вполне может найти свое место, как под водой, так и на фоне карты. В первом случае метафора довольно резкая и прямая, и, скорее всего, воспримется обычным зрителем как гибель, физическая или психологическая, что уже заставит задуматься. Моряк на фоне карты - метафора нерезкая, скорее, как плакат Родченко, намекающая. Становится понятна его профессия, а от расположения карты зависит и внутреннее наполнение иллюстрации, ведь на карте может не оказаться суши, что является метафорой «замкнутого пространства» [5].

Линейной графикой возможна передача либо полной эмоциональной «закрытости» персонажа - сплошные линии, переходящие в новые, либо - открытости, вплоть до отстраненности от реальности при применении прерывистых линий и организации форм, пропускающих много воздуха через себя, иногда до полной замены фоном определенных участков изображения. Пятновое решение образа, в свою очередь, может создать впечатление «ухода» образа вглубь, в себя, и он будет восприниматься задумчивым, отстраненным, либо возможно определенными графическими средствами его «вытянуть вперед», придавая ему ощущение активности и открытости. Подобные приемы придают изображаемому персонажу смысл метафоричности, раскрывают многослойность его содержания [6].

Рассмотрев применение стилистического приема «метафора» в искусстве и графике, можно сделать вывод, что данный прием позволяет формировать наиболее выразительный, эмоциональный и чувственный образ изображаемого персонажа, что делает возможным решение проблемы стилистического однообразия в искусстве и расширение возможностей художественного графического языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Имшинецкая И. Сила визуальных образов. — М.: РИП-холдинг, 04.[Электронный ресурс] - Режим доступа к стр.: <http://evartist.narod.ru/text11/62.htm> (Дата обращения: 21.02.2023).
3. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры: сб. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
4. Сиббет Д. Визуализируй это! Как использовать графику, стикеры и интеллект-карты для командной работы / Д. Сиббет // 2019. - 280 с.
5. Рекламный образ и приемы его создания. [Электронный ресурс] - Режим доступа к параграфу 15: <http://ref.by/refs/48/9806/1.html> (дата обращения: 21.02.2023).
6. Принципы визуализации в рекламе. [Электронный ресурс] - Режим доступа к стр.: <http://www.sostav.ru/articles/2003/06/19/rec190603/> (дата обращения: 24.12.2022).

© Заболотская Евгения Александровна (evgeniya.art@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ МОСКВЫ

Иващенко Андрей Викторович

Кандидат технических наук, Московский
государственный строительный университет
ivashchenko_a@inbox.ru

Ваванов Дмитрий Алексеевич

Преподаватель, Московский государственный
строительный университет
kohinor51@yandex.ru

GEOMETRIC ANALYSIS OF ARCHITECTURAL OBJECTS IN MOSCOW

**A. Ivashchenko
D. Vavanov**

Summary: The article discusses the use of geometric shapes in the architecture of Moscow in different eras and styles. The purpose of the study: to identify a trend in the use of geometric primitives in architecture. Research objectives: to consider in detail a certain part of the surfaces within the framework of the accepted classification. Research methods: the use of comparative analysis, visual geometry. Hypothesis: it is assumed that over time, geometric objects in architecture become more and more complex both in form and in embodiment. Achieved results: based on the analysis, it can be argued that the accepted hypothesis is correct.

Keywords: architectural forms, architectural style, geometric primitives, descriptive geometry, surfaces.

Аннотация: В статье рассматриваются варианты использования геометрических форм в архитектуре Москвы в разные эпохи и стили. Цель исследования: выявить тенденцию использования геометрических примитивов в архитектуре. Задачи исследования: подробно рассмотреть определенную часть поверхностей в рамках принятой классификации. Методы исследования: использование сравнительного анализа, наглядная геометрия. Гипотеза: предполагается, что с течением времени геометрические объекты в архитектуре становятся все более сложными как по форме, так и по воплощению. Достигнутые результаты: на основании проведенного анализа можно утверждать о верности принятой гипотезы.

Ключевые слова: архитектурные формы, архитектурный стиль, геометрические примитивы, начертательная геометрия, поверхности.

Геометрические объекты в чистом виде издавна использовались в архитектуре. Можно вспомнить о египетских пирамидах и древне-месопотамских зиккуратах. Но и в дальнейшем развитии архитектуры геометрические примитивы широко и повсеместно применялись в различных аспектах. Например, прямоугольный параллелепипед являлся наиболее часто используемой формой в качестве объемного оформления жилого помещения. Цилиндр являлся основным элементом круглой колонны, полусфера часто использовалась в качестве купола. Этот ряд примеров можно продолжать и дальше, вплоть до настоящего времени. Нужно отметить, что во всех этих примерах, геометрический аспект объекта не был самодовлеющим, скорее, он удачно сочетался с функциональным назначением архитектурного элемента.

Однако в последние десятилетия, мы можем наблюдать лавинообразное увеличение различных архитектурных объектов, основными идеями которых являются чистые геометрические формы, без примесей утилитаризма. Это стало возможным не только благодаря появлению компьютерных технологий, из-за которых проектирование объектов ускорилось в десятки раз, но также и благодаря появлению новых технологий строительства и новых материалов с неизвестными ранее свойствами.

В настоящее время геометрический стиль становится все более востребованным в современной архитектуре. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в Западной Европе и США. Тем не менее, и в современной России, в особенности, в Москве, можно найти немало примеров подобной архитектуры.

В данной статье разберем известные архитектурные объекты, в которых так или иначе представлены геометрические формы. В частности, проанализируем пять известных объектов с точки зрения наличия в них геометрических примитивов.

1. Дом Мельникова, построенный по проекту архитектора К.Мельникова в первой трети 20-го века.
2. Памятник покорителям Космоса на ВДНХ, открытый в 1964 году.
3. Здание цирка на проспекте Вернадского, возведенное в 1971 году.
4. Башня «Эволюция» в Москва-сити, возведенная в начале 21 века.
5. Дворец художественной гимнастики в Лужниках, открыт в 2019 г.

1) Геометрические основы проекта дома Мельникова. Архитектор – К.Мельников, стиль – советский авангард, построен в 1929 г. (см. рис. 1).

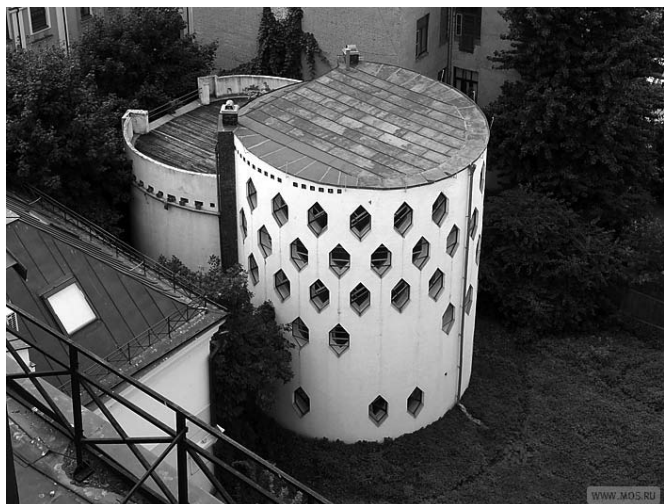

Рис. 1 Дом Мельникова

Творчество К.Мельникова – образец советского авангарда. Можно выделить два десятилетия: первое – начало 1910-х – начало 1920-х годов, когда основную роль в генерировании оригинальных стилиобразующих тенденций играли левые течения изобразительного искусства, и второе – начало 1920-х – начало 1930-х годов, когда новаторские течения архитектуры приняли эстафету от левого изобразительного искусства и завершили процесс становления нового стиля [1, с. 207].

Конструктивно дом Мельникова представляет собой две цилиндрические трубы одного диаметра и разной высоты, частично пересекающихся между собой.

Форма оконных проемов – шестиугольники, вытянутые вдоль вертикали. В качестве крыши использованы плоские диски круглой или почти круглой формы. Визуально геометрические формы воспринимаются затрудненно, из-за того, что отсутствует определенность в иерархической соподчиненности элементов целого, с одной стороны, и отсутствует четкая закономерность в чередовании проемов окон, с другой стороны.

2) Памятник покорителям космоса (1964) – арх. А.Колчин, М.Барщ, стиль - советский модернизм (см. рис. 2). В те годы "перед советскими зодчими встала проблема создания нового языка социалистической архитектуры. Качественный скачок был сделан на рубеже 1960-х годов" [2, с. 138].

Этот монумент "как бы вырастает" из здания музея космонавтики, поэтому является не просто скульптурой, а объектом архитектуры. Шлейф ракеты представляет собой отсек пространства, ограниченный криволинейными поверхностями, в которых можно увидеть поверхности параболических и эллиптических цилиндров. Геометрическая форма шлейфа контрастирует с массивной горизонтальной плитой, и з которого "вырастает" шлейф,

с одной стороны, и с формой небольшой ракеты, с другой, и является связующим звеном между землей (горизонтальная плита) и космосом (ракета). В этом объекте геометрические элементы несут дополнительную смысловую нагрузку, и этим отличаются от более абстрактной композиции дома Мельникова.

Рис. 2. Памятник покорителям космоса

3) Здание цирка на проспекте Вернадского (арх. Я.Белопольский, 1971), стиль – художественный функционализм (см. рис. 3). В основе формы купола лежит ребристая структура, с осью симметрии 24 порядка. Купол завершается короткой широкой цилиндрической трубой, и подпирается коротким широким цилиндром основного здания. Но именно купол является "центром притяжения", создавая художественный образ, с одной стороны, устойчивости, с другой – некоей подвижности. В этой архитектурном объекте геометрическая форма хоть и является самодовлеющей, но через нее выражаются некоторое эмоциональное состояние, и таким образом, этот архитектурный объект является не столь абстрактным как дом Мельникова, но и не столь конкретным, как монумент покорителям космоса.

Рис. 3. Здание цирка на проспекте Вернадского

4) Башня «Эволюция» – построена в 2015, арх. – Ф.Никандров (см. рис. 4).

Как отмечают современные исследователи архитектуры, "архитектура как искусство порождения архи-

тектурной формы – это сложная эволюционирующая система, способная в своем развитии опираться на внутренние силы" [3, с. 211]. Башня представляет собой наиболее заметный архитектурный объект в группе башен «Москва-Сити», и является одним из ярких архитектурных достижений последних лет. Визуальный облик башни передает идею развития чисто геометрическими средствами. Динамичность и напряженность формы, отсутствие плоскостей симметрии, отсутствие плоскостей делает этот архитектурный объект весьма интересным самим по себе, а учитывая дополнительные оптические эффекты, связанные с отражением изображения окружающей обстановки с поворотом на 90 градусов, уникальным.

Рис. 4. Башня Эволюция

Объем башни представляет собой закрученный по спирали отсек пространства, ограниченный четырьмя фрагментами цилиндриды (выполняющих функцию стен), а также сверху – фрагментом плоскости [4, с. 437].

5) Дворец Художественной гимнастики возведен в 2019, арх. – гл. арх. Москвы С. Кузнецов (см. рис. 5).

Последний из анализируемых объектов, сочетает геометрическую идею, возрастающую по амплитуде слева направо синусоидальную поверхность [5, с. 211], и художественный образ ленты. Наибольший эффект это спортивное сооружение производит при взгляде на него сверху из-за оригинального решения формы крыши, но и при взгляде снизу можно вполне оценить идею архитекторов.

Рис. 5. Дворец Художественной гимнастики

Вывод

В целом можно констатировать, что с развитием компьютерных технологий спектр привлекаемых геометрических форм все время увеличивается, причем сложность представляемых форм возрастает, как и относительный вклад криволинейных поверхностей по сравнению с плоскостными и прямолинейными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Т. 1: Проблемы формообразования. М. 1996. 709 С.
2. Пионеры советского модернизма. Архитектура и градостроительство. Составители: И.В. Чепкунова, П.Ю. Стрельцова, К.А. Кокорина, М.Р. Аметова. М. Государственный музей архитектуры имени Щусева. 2019. 239 С.
3. И.А. Добрицина. От постмодернизма — к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии. М. 2004. 416 С.
4. Б.А. Дубровин, С.П. Новиков, А.Т. Фоменко. Современная геометрия. Методы и приложения. М.: Наука. Изд. 2. 1986. 760 С.
5. Б.А. Дубровин, С.П. Новиков, А.Т. Фоменко. Современная геометрия. Методы теории гомологий. М.: Наука. 1984. 344 С.

© Иващенко Андрей Викторович (ivashchenko_a@inbox.ru), Ваванов Дмитрий Алексеевич (kohinor51@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА: ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ И СОВЕТСКАЯ ЭПОХА В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Изыкенова Ирина Тимофеевна

Аспирант, Восточно-Сибирский государственный институт культуры
iizykenova@mail.ru

COMMUNAL APARTMENT: PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET ERA IN THE MUSEUM EXPOSITION

I. Izykenova

Summary: This article presents the solution of the problems of constructing the exposition of the Soviet era, the opposition of the pre-revolutionary era and the emerging Soviet era, as well as the contact of these two epochs, radically different in nature, and the opportunity to form in practice linearity in chronological sequence. This task in the practical activity of the museum as a principle of continuation from the interior of merchant life to the interior of Soviet life was implemented through an exposition solution – a communal apartment. The process of preparing a fragment of the interior of a communal apartment allows the visitor to reveal the history of the city of Verkhneudinsk, the county center, Ulan-Ude of the Buryat-Mongolian ASSR. This project is presented as a way to gain new experience and transition to objects of display of the Soviet and post-Soviet era in the museum environment.

Keywords: museum, exposition, communal apartment, epoch, transition, exposition, artifacts, square, nostalgia, symbol, linearity, chronology.

Аннотация: В настоящей статье представлено решение задач построения экспозиции советской эпохи, противопоставление дореволюционной эпохи и нарождающейся советской, а также соприкосновение этих двух эпох, кардинально разных по своей сути, и возможность сформировать на практике линейность в хронологической последовательности. Данная задача в практической деятельности музея как принцип продолжения от интерьера купеческого быта к интерьеру советского быта была претворена через экспозиционное решение – коммунальная квартира. Процесс подготовки фрагмента интерьера коммунальной квартиры позволяет раскрыть посетителю историю города Верхнеудинска, уездного центра, г. Улан-Удэ Бурят-Монгольской АССР. Данный проект представлен как способ приобретения нового опыта и перехода к объектам показа советской и постсоветской эпохи в музейной среде.

Ключевые слова: музей, экспозиция, коммунальная квартира, эпоха, переход, экспозиция, артефакты, площадь, ностальгия, символ, линейность, хронология.

Понятие «коммунальная квартира» в жизнь и быт городского жителя страны прочно входит в 1920-30х годах, этот вопрос связан с устройством и решением жилищной проблемы в советскую эпоху с ликвидацией частной собственности во всех сферах жизни советского государства. Законодательным основанием явился декрет 60 от 20 августа 1918 года Президиума ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах».

В начале XX века в СССР наблюдается огромный прирост городского населения, в связи с этим политика правительства была направлена на развитие строительной отрасли. Ежегодно усиливающаяся урбанизация привела к нехватке жилья, результатом чего оказалось ухудшение жилищных условий, скученностью и уплотнение городского населения. «Коммунальные квартиры стали для советского человека неким социальным институтом, который накладывал отпечаток на моральные ценности, полностью влияя как на бытовое, так и на общественное развитие личности. Появившиеся в этот период времени коммунальные квартиры явили собой новый социальный институт советского общества, отложивший отпечаток не только на материальные составляющие повседневности, но и на стереотипы поведения и систему

ценностей людей». [6]

Методологическую основу составил подход к изучению отображения быта дореволюционного и быта советского периода, как промежуточного состояния в изменении общественного строя страны, как переходный этап в парадигме изменений нравов, вкусов горожан разной эпохи. Коммунальная квартира определяется как социальный феномен бытования, где предметный мир в его музейности, музеальности способен раскрыть изменения в общественно-политическом и социально историческом фокусе бытия человека и общества.

Сравнительно исторический ряд в конечном счете и определил возможности выделения и определения границ той или другой эпохи и позволил выработать линейный ряд развития общества.

Источниковой базой исследования является внутри музейная документация, статистическая отчетность, приобретение артефактов истории и культуры, научные описания согласно требованиям музейного дела, т.е. практическая работа по формированию данной экспозиции с подбором предметов, имеющих музейное значение, музейных коллекций.

Особенно ярко проявилось бытование коммунальных квартир в наиболее крупных городах страны, таких как: Москва, Петроград-Ленинград, где было развитое каменное строительство дворянских, купеческих особняков, усадеб в дореволюционный период, многие здания реквизировались, жителей ссылали, как социально ненадежный элемент, а освобожденные здания занимали административно-хозяйственные структуры нового государства и начался процесс «уплотнения» жилищного фонда. Этот процесс имел продолжение. Так, «7 мая 1924 года ЦИК БМАССР на основании Декрета ВЦИК от 20 августа 1918г. «Об отмене частной собственности на недвижимость» принял постановление, согласно которому в Верхнеулинске была проведена муниципализация основных жилых строений со всеми прилегающими к ним надворными постройками». [9]

О муниципализации жилых домов горожан, купцов, зажиточных горожан известно и по воспоминаниям. Уездный город Верхнеудинск, Кяхта и другие населенные пункты также подверглись «новой волне» жизнеустройства горожан. Известно, что дом П.Т. Трунева, купца 2 гильдии, управляющего Русско-китайским банком был национализирован, по воспоминаниям его сыновей Адифакса и Тевуртия, семья сослана на Колыму, предметы домашнего обихода были изъяты, здание передано под административно-хозяйственные нужды. Жизнь и быт горожан в период становления советского государства рассматривается исследователями с различных позиций, в область их научных интересов включаются проблемы, раскрывающие изменения жилищного вопроса в городской среде – коммунальная квартира становится самостоятельным объектом и предметом изучения. Е.И. Герасимова в социологическом исследовании, опираясь на теоретические положения теории сегрегации, соотносит коммунальную квартиру советского периода, как пространство, определяющее статус семьи, жильца.

В музейной среде определена попытка раскрыть основополагающие элементы, отражающие жизнь и быт городского населения, историю и культуру через экспозицию «коммунальная квартира», изучены художественные произведения, проведены консультации со специалистами. Противопоставление или продолжение — это достаточно сложная задача, которую предстояло решить в экспозиционно-выставочной работе музея истории города Улан-Удэ. Трудность возникала из-за малых экспозиционных площадей, общая площадь которых составляет 411 кв.м., из них под экспозицию определены 258 кв.м., фондовое хранилище составляет 15,8 кв.м. Поэтому пересматривались следующие вопросы: «переход» от дореволюционной части к советскому периоду, как и в каком объеме показать весь спектр истории и культуры данного времени. Первый опыт – это создание небольшой выставки «Ностальгия», но мы не были первыми в музейной среде ни по названию, ни набором

характерных предметов, присущих советскому времени. Многие исследователи советской эпохи отмечают, что ностальгия по советскому прошлому является стимулом для более расширенных научных поисков. Большая часть старшего поколения с теплотой вспоминают о советской системе образования, об организации досуга, о физическом и нравственном воспитании, причем именно категория нравственности выделяется как первичная. Многие с гордостью подчеркивают, что выросли советскими людьми. В контексте вышесказанного задача перед музеем стояла за расширение поиска предметов, исторических сведений, сбор биографических данных. Был сформирован небольшой блок в тематическом разделе экспозиции музея «Ностальгия» с советскими магнитофонами, виниловыми пластинками, атрибутикой Олимпиады-80, предметами, милыми сердцу человека, выросшего в 1970-80-е годы, дополнительный антураж придают печатная машинка «Олимпия» производства ГДР и патефон «ДПЗ», фотоаппарат-складной, фонарь сигнальный керосиновый железнодорожный, электрофон «Юность-301» и телефонный аппарат 1963 года, с крутящимся диском, привлекает внимание школьников, дети с интересом сравнивают их с современными гаджетами.

Наряду с предметами повседневной жизни советского периода, в собрании музея имеются и предметы, символизирующие советский строй, во многих исследованиях уделяется внимание символам советской эпохи, так, «предметом исследования явились советские символы, исполнявшие роль знаковой системы политической идеологии и использовавшиеся в качестве каналов и механизмов формирования советской ментальности и идентичности» [14]. В разделе «Ностальгия» в музее экспонируются символы советской эпохи: плакаты, значки, галстуки пионеров, более того, были проведены стационарные и выездные тематические выставки, раскрывающие те или иные страницы жизни общества Советов. Музей находился в поисках следующего «шага»: как показать и не «порушить» единую экспозицию музея, где в первой части экспозиции воссоздана часть купеческого дома, принадлежавшего И.Ф. Голдобину, купцу первой гильдии, был получен новый опыт в связи с созданием экспозиции «Коммунальная квартира» и переход к советской и постсоветской эпохе. Экспозиция имеет некоторую условность, в одной из комнат дома на подиуме «расположились» предметы из старого быта, дополненные предметами советской эпохи.

Одна из первых задач которую решил музей — это соблюдение хронологических рамок посредством двух интерьерных комплексов, переход от одной эпохи к другой. Как быть? Как появилось понятие коммунальная квартира, имел ли место этот процесс заселения новыми жильцами в одном из городов России?

Основанием для так называемого «уплотнения» в первые годы Советской власти стал декрет Президиума ВЦИК от 20 августа 1918 года «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». В государственную собственность, а также в полное распоряжение местной власти перешел весь жилищный фонд. Эти и другие вопросы волновали не меньше, вместе с тем, мы выяснили, что как бы отдаленно г. Верхнеудинск не располагался от центральной, европейской части России, все перемены коснулись и нашего города. 14 января 1924 года ЦИК и СНК БМАССР вынес постановление о муниципализации дома Голдобиных. После Октябрьской революции дом купца И.Ф. Голдобина, был национализирован. Известен факт, что в 1923 году город посетил Михаил Иванович Калинин, который сделал кратковременную остановку, во время которой Евдокия Евграфовна супруга Николая Ивановича Голдобина сумела подать прошение лично по поводу своего дома. 29 февраля 1924 года на основании полученного предписания из Москвы Верхнеудинский Горсовет постановил: предоставить гр. Голдобиной Е.Е. и ее мужу Н.И. Голдобину бесплатно в пожизненное пользование занимаемые ими в настоящее время две комнаты с мезонином в деревянном доме на Большой улице, пристройку к кухне этого дома, амбар с погребом, завозню для дров, сад, часть двора. В разные годы советской власти здесь размещались различные конторы республиканских учреждений, а также некоторые помещения дома использовались под коммунальные квартиры.

Для интерьерного показа коллекции мебели, домашней утвари, характерное и для дореволюционного быта и советского периода, явилось тем смыслом, позволившее донести до современного посетителя музея своеобразный «аромат эпохи», например, посетитель музея, увидев буфет в экспозиции, наполнялся самыми теплыми воспоминаниями из детства. Старинный буфет хранит аромат молотого кофе, леденцов, шоколада, яблок, груш, пирожных и, конечно же, варенья. Практически все помнят стулья венские, изяществом и формой, которые дают домашней обстановке определенный изыск. Или же посуда праздничная и повседневная, как менажница – глубокое блюдо квадратной формы с округлыми углами, на доньшке которой надглазурное клеймо синего цвета с надписью: "Фабрики И.Д. Перевалова в Иркутске". Посетители с интересом рассматривают коробку для сладостей, которая ранее принадлежала прадеду владельца, жил прадед в улусе Балта Мухоршибирского района. Долгое время в сундучке хранились благовония. В музеях хранятся и экспонируются редкие для современного обихода предметы: щипцы для приготовления вафель на открытом огне с клеймом: «Каслинский литейный завод. 1899, мастера-изготовители В. Владимиров и Н. Столбиков». При создании экспозиции «коммунальная квартира» были подобраны предметы быта из фондов музея, а также организован сбор предметов, отражающих эпоху

дореволюционного прошлого и быта советской семьи, так, приобретены часы с кукушкой. Следующий предмет для музея явился настоящей находкой, это фотоаппарат, который выпускался на Ленинградском государственном оптико-механическом заводе с 1930 по 1940 год. Общий объем производства составил более 1 000 000 экземпляров. Самый массовый советский фотоаппарат довоенного периода. Фотоаппарат – складной (с откидной передней панелью), пластиночный на формат 9x12, с выдвигной объективной доской.

Если с областью интерьерного показа в музейной экспозиции понятно, то как логично перейти от одного вида, формы к другим материалам, к логичному дизайнерскому решению, возник вопрос о том, что советская эпоха — это не только коммунальная квартира как таковая, но и значительные перемены в экономике, промышленности, культуре и образования, так и зародилась идея об индустриальных достижениях советского государства, а также в области образования и культуры. В фондах музея хранится продукция Улан-Удэнских заводов "Механлит", "Стеклозавод", а также фотодокументальная летопись города в советский период, которая и дала импульс к организации показа и рассказа о достижениях промышленных предприятий города.

Обратимся к исследованиям М.Н. Балдано и С.В. Кириченко. «В 1923 году образована БМАССР, Верхнеудинск - Улан-Удэ становится столицей национальной республики. В 1930-40-е годы в Бурят-Монгольской АССР была основана индустриальная база советской промышленности. «Одновременно в республику прибыли рабочие, инженеры и техники из центральных областей страны. Это стало важным фактором подготовки квалифицированных рабочих из числа местных кадров, в том числе, из бурят. Рабочий класс формировался как многонациональный при сравнительно небольшой доле бурят в его составе» [4].

Действительно, прибывавшие квалифицированные специалисты, рабочие нуждались в их обеспечении жильем, этот вопрос решался и за счет уплотнения жилищ, формированием коммунальных квартир.

При составлении тематико-экспозиционного материала данного раздела мы учитывали экспозицию и способы подачи истории музеев промышленных предприятий, это музей Локомотивовогоноремонтного завода (ЛВРЗ), музея Авиационного завода и другие, наша же задача состояла в том, чтобы обозначить в некоторой степени исторический факт создания промышленных предприятий и характеристику выпускаемой продукции, значимость флагманов индустрии советской эпохи. Экспозиционное решение данной темы, когда основу составили фотодокументальные материалы и артефакты индустриальной культуры, необходимо согласиться

с мнением одного из теоретиков музееведения Т.П. Калугиной. В совокупности задач, стоящих перед музеем, входит его доступность широкому кругу лиц, он должен быть институтом для культурного образования человека, открывая ему возможности в познании художественно-эстетических методов, ценностей и взглядов на искусство. Актуальными на сегодня являются вопросы осознания той или иной исторической эпохи, с большой верой в то, что именно в искусстве прошлого можно найти одинаковую систему стиливых форм и методов искусства настоящего. Установление таких связей является результатом изучения культурно-исторического наследия прошлого. Необходимо бережное отношение и использование этого уникального ресурса, из которого можно бесконечно извлекать и учиться дорогому и ценному, духовному и вечному.

Как можно показать целую эпоху в жизни народа через призму жизнеустройства человека, семьи, трансформации социально-экономической жизни страны, административно-политическое устройство, в интерьере комплекс «коммунальная квартира», предметный мир которой представляет источник, базу для понимания «пульса» времени, изменений в стране, согласимся с мнением Якушевой Л.А. о коммунальной квартире. В ней как в одной из «социокультурной практике, сосредоточены как исторические, этнические, психологические особенности фундаментальной коммуникативной традиции, так и особенности частной жизни и бытового поведения советского и постсоветского человека» [17]. Найденное решение позволило построить линейную экспозицию с соблюдением исторической хронологии, дало возможность определить интерьерные комплексы дореволюционного быта купеческого сословия и характерного советского быта, как коммунальная квартира, свидетельства нарождающегося быта советских специалистов, технической, научной и творческой интеллигенции и переход к достижениям в области экономики, культуры.

Вместе с тем этот небольшой проект имеет глубокий смысл, раскрывает перед посетителями различные ра-

курсы, музей в этом плане проводит определенную, в некоторой степени «дозированную» информацию в соответствии с возрастными категориями посетителей, например, со школьниками младшего школьного возраста и старшего школьного возраста, если с учащимися старшего школьного возраста, то раскрываем и дополняем в восприятии политическую историю страны через проблему коммунальной квартиры, отвечаем на вопрос, как и каким образом шла трансформация государственного устройства, его социально-экономических сторон, посетители более старшего возраста, горожане, которые «прошли» через бытование такой квартиры, делятся воспоминаниями, действительно, по прошествии времени «ностальгируют».

Интерес к советской действительности, не только к политической истории, а к различным ракурсам жизнедеятельности советского человека, проявляли многие зарубежные авторы в контексте социальной истории. Российские исследователи В.А. Агеева, М.П. Мерзляков отмечают в своей статье работу Ш. Фицпатрика. В своем труде Шейла Фицпатрик рассматривает отношения между гражданином и государством, где последнее в главной роли работодателя, а также главный поставщик товаров и услуг. А также отметила новый тип человека «homo sovieticus». Здесь мы согласимся с мнением автора, что от тотальной бюрократии зависела жизнь каждого человека, в том числе изменения в жизни человека и его семьи могли быть отражены в различных проявлениях социально-экономической жизни страны (каждый предмет в коммунальной квартире, раскрывает эпоху, его особенности).

Музей имеет значительный потенциал в развитии образовательно-культурной среды общества. Проект «коммунальная квартира» вносит особый подход в просвещении подрастающего поколения и отдает дань уважения старшему поколению страны, которые прошли через определенные жизненно-бытовые условия и основали фундамент современного благополучия народа нашей страны и в экономике, и в социальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева В.А. (Таганрог, Россия) М.П. Мерзляков (Ростов-на-Дону, Россия) Советская повседневность в зарубежных исследованиях: путь к ревизионизму. с.49. Гуманитарно-педагогические исследования.2017. Т.1. №2(2), С.103./ «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
2. Амосова А.А., Булахова А.Д. 2019. Изучение повседневности советской элиты второй половины 1940-х — начала 1950-х гг.: источники музейного происхождения. Вопросы музеологии, 10 (2), 237–246. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2019.211>
3. Архангельский Ю.Е., Найдено М.К., Лях В.И. Сущностные противоречия советской культуры. ж.Вестник Томского государственного университета, Культурология и искусствоведение.2018№31. с.282-290 УДК 316.7:7.06 DOI: 10.17223/22220836/31/29
4. Балдано М.Н., Кириченко С.В. Городское пространство Верхнеудинска/Улан-Удэ:от уездного города к столице республики. ж. Идеи и идеалы,2015. cyberleninka.ru/article/n/gorodskoe.
5. Блюменталь С. Культурно-бытовые задачи жилищной кооперации // Жил. дело. – 1924. – № 2. – С. 3 – 4.

6. Вербина О.В. Повседневное пространство коммуналки: Стратегия и практики проживания. Наука. Искусство. Культура. вып 3(7) 2015. С. 190
7. Герасимова Е.И. Советская коммунальная квартира. Социологический журнал. 1998. 1/2, с.
8. Гурьянов В.К. История градостроительства Верхнеудинска XVIII-первая половина XIX вв. Автореферат диссерт. на соиск уч.ст.канд.ист.наук., 2001г.
9. История Улан-Удэ: Учебное пособие для учащихся 9-10-х классов общеобразовательных школ для факультативных занятий. - 2-е изд., доп. - Улан-Удэ: «Бэлиг», 2016. - 256 с., ил с. 154
10. Калугина Т.П. Культура-«музеефикатор»: метафора и реальность С. 217-218/ Т.П. Калугина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г., С-Петербург. Серия «Symposium». - Вып. 12. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - С. 209-221.
11. Коммунальная квартира//Российский гуманитарный энциклопедический словарь/Под ред. П. А. Клубкова и др. — СПб.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2002. — ISBN 5-691-00675-4
12. Лотман Ю.М. Семиосфера. с.51. СПб., 2001. С. 520.
13. Туркина В.Г., Туркин К.Е. Советская «коммуналка» как социокультурный институт и место памяти. Наука. Искусство. Культура. Выпуск 4 (20) 2018 С.45-49.
14. Хомяков С.В Культурные символы формирования советского человека 1920-е – 1930-е гг дисс.на соиск уч.ст.кандидата ист.наук (на материалах Бурятии)Улан-Удэ, 2015 г.
15. Цыденова С.Э. Художественный музей как музеефикатор советской культуры: На материале художественного музея им. Ц. Сампилова: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.03. - Улан-Удэ, 2006. - 176 с.: ил.
16. Цыремпилова И.С. Объекты культурного наследия Республики Бурятия в современной региональной гуманитаристике. С.141 // Власть. 2018. Том 26. № 8. С. 141-147. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6059>
17. Якушева, Л.А. Московская коммуналка как художественный образ / Л.А. Якушева // Столицы и столичность в истории русской культуры: Ярославль: ЯГПУ, 2006. – С. 123–126
18. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л.Ю. Пантина: 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

© Изыкенова Ирина Тимофеевна (iizykenova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В РОЛИ ПРАРОДИТЕЛЬНИЦ И ДАРИТЕЛЬНИЦ ЖИЗНИ В ФОЛЬКЛОРЕ СРЕДНЕОБСКИХ ХАНТЫ

Кашлатова Любовь Васильевна

кандидат культурологии, ст. научный сотрудник,
БУ Обско-угорский институт прикладных исследований и
разработок, пгм. Берёзово
kashlatovalv@mail.ru

FEMALE CHARACTERS IN THE ROLE OF PROGENITORS AND GIVERS OF LIFE IN THE FOLKLORE OF THE CENTRAL SIBERIAN KHANTY

L. Kashlatova

Summary: The article analyzes folklore texts concerning the cult of the female deity, her role as the progenitor and giver of life of the Ob Ugrians. Many researchers have dedicated their works on the female deity precisely through mythological representations, where the cult of the mother goddess has a long history of existence.

The research materials were folklore texts published in various collections, historical sources of famous Russian and foreign ethnographers. The author's research can be useful to folklorists, ethnographers, historians, religious scholars and students studying the language and culture of the Ob-Ugric peoples, and can also be used in the preparation of theoretical materials on the history and culture of the peoples of Western Siberia.

Keywords: female deities, Mother goddess, progenitor, "first ancestor", *Kattas them*, *Numi Torum*, *sredneobskie khanty*.

Аннотация: В статье проведён анализ фольклорных текстов, касающихся культа женского божества, её роли как прародительницы и дарительницы жизни обских угров. Многие исследователи посвятили свои работы о женском божестве именно через мифологические представления, где культ богини-матери имеет долгую историю существования.

Материалами исследования послужили фольклорные тексты, опубликованные в разных сборниках, исторические источники известных российских и зарубежных этнографов. Исследования автора статьи могут быть полезны фольклористам, этнографам, историкам, религиоведам и студентам, изучающих язык и культуру обско-угорских народов, а также могут быть использованы при подготовке теоретических материалов по истории и культуре народов Западной Сибири.

Ключевые слова: слова: женские божества, Богиня-мать, прародительница, «первопредок», *Kattas imi*, *Numi Torum*, среднеобские ханты.

Введение

Женские божества постоянно привлекали к себе внимание исследователей, однако необходимость в его всестороннем изучении начала осознаваться в XX веке. Основная гипотеза происхождения и развития женских божеств, состоит в том, что древние божества имели женскую природу. Наиболее важная роль среди женских божеств в некоторых традиционных религиях отводится Богине-Матери. Простые люди больше всего почитали Богинь-Матерей, Великих матерей. Одна из самых сложных проблем касается времени происхождения культа Великой богини. В результате длительных поисков и археологических исследований, ученые «подтвердили догадки о том, что истоки культа женского божества восходят к эпохе первобытности» [4, С. 3].

В древности культ Матери носил почти универсальный характер. А. Голан считал, что у истоков человечества стояла Великая богиня, которая является владычицей судьбы «она всё ведаёт» [3, С. 187]. По его мнению, в эпоху палеолита и неолита женское божество считалось главным и неоднозначным: образ почитаемой богини глобален, она мать-родительница и в то же время злая,

жестокая, кровожадная [Там же, С. 166, 167, 187]. Обобщив огромный археологический материал, начиная с середины XIX века, собранный со всей Европы, М. Гимбутас придала этой проблеме глобальный характер и вызвала интерес к женским культам, их происхождению и наследию. На огромном пространстве от Пиренеев до Сибири: в доарийской Индии, в доизраильской Палестине, и т.д. и сегодня находят женские фигурки, вырезанные из камня или кости. Такие статуэтки называют палеолитическими «Венерами». У них имеются общие черты: большие груди, бедра, живот. Голова и руки не выражены или отсутствуют. Великие Богини-Матери были первыми божествами, созданные человечеством. Поклонение женским божествам указывает на центральное положение женщины в первобытной культуре и само существование этой культуры в согласии с природой [2, С. 243].

Большой интерес к роли женщин в формировании человеческого общества связан с распространением ставшего популярным в середине XX в. учения К. Юнга об архетипах, под которым он понимал изначальные образы, первообразы. Среди архетипов К. Юнга присутствует и архетип матери, выражающий стихийное, бессознательное начало [29, С. 217-219].

К образу Богини-матери в традиционном мировоззрении обских угров обращались многие исследователи – это работы К.Ф. Карьялайнена [1995], В.М. Чернецова [1959], А.М. Сагалаева [1992], З.П. Соколовой [2009], Е.П. Мартыновой [1992] и др. В последнее время отмечен ряд работ, посвященной этой теме представителями национальной интеллигенции, выходцами из традиционной среды, к числу которых относится и автор: С.А. Попова [2000, 2003,], Т.А. Молданов, Т.А. Молданова [2000], Л.В. Кашлатова [2016, 2017, 2018] и др. Все исследователи отмечают, что образ главной женской богини обских угров является прародительницей и дарительницей жизни.

Основная часть

Хантыйские мифы часто начинаются со слов «Живут старуха и старик тундрового холма». Выражение «старуха и старик» может означать «люди первоначальной земли», «прародители» [15, С. 530]. О том, что *Каттась* считается прародительницей всего живого, мы находим подтверждение в мифах, где первых людей слепили из глины по совету *Нуми-Торыма*, а вдохнула им жизнь *Каттась-Ими* [Там же, С. 299].

В мансийских мифах о творении (космологических) совместно с создателем всего сущего Верховным (Верхним) богом *Нуми Торумом* дарительницей жизни и вершительницей человеческих судеб выступает Богиня-мать, или Небесная мать *Торум Сянь* [23, С. 21]. Манси считают, что именно *Сянь* является прародительницей рода человеческого, считают, что она «родила» и первого ребёнка-человека. Почитание вороны как одной из ипостасей прародительницы связано с женским началом и культом животного, отсюда Вороний праздник на мансийском языке звучит как *Уринэква хоталь*, где *Уринэква* – это «охраняющая женщина», *хоталь* – «день», или *Сянь хоталь* – «Матери день» [21, С. 219]. Первая женщина «старуха», проживающая на торфяном клочке, родив сына человека и вырастив его, сообщает, что они «божественны и местом их обитания является Верхний (небесный) мир». Отныне она будет называться *Каттась*, а её муж «старик» *Торым* [25, С. 91; 16, С. 25]. В своих исследованиях С.А. Попова считает, что «в мансийской мифологии обозначена целая эпоха, когда женщина была социально активнее мужчины – со времени рождения первого человека первой Матерью «старухой» от первого мужчины «старика» до времени, когда её дети, а затем и внуки разошлись по разным территориям и стали там хозяевами» [22, С. 34].

В мифах богиня-мать в облике птицы высидывает в гнезде яйца «Из груди своей мягкий пух птица я, вырываю, с крепкой скорлупой два яйца птица я, кладу. С прочной скорлупой два яйца наклюнулись – у одного-то маленько-

го глазки его моим подобны, клювик его моему подобен. У другого-то маленького глазки его совсем другие, рот его совсем другой – человеческого существа девочка, человеческое дитя...» [13, С. 90]. Из снесенного ею яйца появляется самая первая женщина-прародительница. Это древний обряд, где, возможно, демонстрируется переход от предка-птицы к предку-человеку [26, С. 78]. Наступает следующая эпоха, где богиня в образе птицы рождает (высиживает) человека, тем самым выполняет главную свою функцию Богини-Матери [9, С. 117].

На Казыме считают, что Великая *Калтац-ангки* – мать-прародительница, на земле она главная богиня, в её власти и духи и люди [12, С. 30]. Именно она «рассаживает» богов мужского пола на различных территориях и по выражению Т.А. Молдановой и Т.А. Молданова «... это говорит о том, что в исторической памяти хантыйского народа приоритет матери есть реальность недавнего прошлого» [20, С. 39].

Она особо почитаема всеми обскими уграми, её функции, значимы для каждого человека. Её объемные изображения встречаются на святилищах разных рангов. В каждом доме имелись предназначенные ей жертвы-подарки: платки, отрезки ткани, бусы [17, С. 20].

Для того чтобы понять, что женские богини являются родительницами и дарительницами, обратимся к фольклорным текстам среднеобских ханты. Рассмотрим вкратце сюжет одного из фольклорных мифов. Название мифа на хантыйском языке звучит как *Миг ховтум моньщ*, и дословно переводится как «Сказка о всплытии, поднятии Земли». Несмотря на то, что в заглавии звучит слово сказка, по сюжету данное произведение относится к мифологическим сказаниям, так как отражает самую древнюю эпоху первотворения и занимает особое место в мировоззрении хантов.

Данный фольклорный текст является исключительно редким вариантом и отличается от ранее известных мифов. В мифе представлена картина мироустройства, где создателем Земли, животного и растительного миров, устройства миропорядка, появление особо значимых божеств – происходит по велению богини *Каттась*, её участие в сотворении мира неоспоримо [8, С. 231].

Опуская на Землю старшую дочь, *Нуми Торым* определил функции *Каттась ими*, которые являются для жизни человека главными и связаны с рождением и смертью. У *Каттась ими* есть ещё одно сакральное имя *Каттась ангки*, где *ангки* в переводе с хантыйского языка означает «мать». Также называется детский послед – *ангки*, у среднеобских хантов он называется *няврем сэма питты ангки* «мать на глаза, появившегося ребенка». У манси детское место, где развивается плод, называется *сянь* «мать» [23, С. 85].

Усть-казымские ханты «послед называют *Калтац ански хир* 'Матери *Калтац* мешок' [24, С. 41]. Отсюда вытекает её главная функция – «посылать людям детей». Один из её эпитетов звучит так: *атанг эви китманг сорни ански, этн пох китманг сорни ански* 'утром дочерей посылающая золотая мать, вечером сыновей посылающая золотая мать'.

В своей священной песне она пишет на каждого человека книгу судьбы, где изначально predetermined, на каком сроке жизни какие беды настигнут человека, и когда ему умирать. Она решает, кому, сколько жить, быть человеку счастливым или нет. Существует и третья версия: у *Каттась* имеется посох, на котором множество сухожильных нитей, каждое из которых – это человеческая жизнь. На каждой из нитей завязан узелок, у одних он находится в начале нити, у других – в конце. Это срок их жизни [19, С. 66]. Отсюда, как считает Е.П. Мартынова, определяется её высокий статус согласно религиозно-мифологической традиции, значимостью её миссии по отношению к людям [14, С. 74]. Самой древней, самой мудрой *Каттась Нуми Торум* доверил высокое право отмерять каждому человеку срок его жизни, поэтому она в своей священной песне поет «одною рукою детей вам даю, другою назад забираю». Дающая жизнь сама и забирает [20, С. 38]. Таким образом, жизнь и смерть сконцентрированы в одном божестве, какое сами ханты и манси придают ей. Её везде любят и почитают. В молитвах к ней обращаются *Сорни Най, Тынынг Най* что в переводе – 'Золотая Богиня, Дорогая Богиня'. Неудивительно, что жертвоприношения Великой богине человек осуществляет на протяжении всей своей жизни [1, С. 7].

Не менее интересен другой женский персонаж в фольклоре среднеобских ханты, которая по их представлениям живет именно на дереве. И прилетает (опускается на землю) виде птички, когда женщина готовится стать матерью. Это богиня *Ай Каттась*, которая оберегает женщину как родительницу, дарительницу новой жизни. Функция богини *Ай Каттась* отвечать за родовспомогательную деятельность является самой древней и относится к функциям Богини-матери. В сказке о богине *Ай Каттась* говорится о том, как *Нуми Торым* наказывал ей: «А когда дети рождаются, наверх ко мне, к *Нуми Торыму*, птичкой поднимайся, а вниз глупой-гагарой опускайся. Тебе не надо сильно кровавой жертвы, и простых поры не надо. Твои поры, твои жертвы – это множества женщин, имеющих дочерей, множества женщин, имеющих сыновей. Вместо поры будут тебе поклоняться, как на середину высокого дерева, сидящей женщине, на вершине низкого дерева сидящей женщине» [10, С. 158].

В исследованиях автора *Ай-Каттась* автономна по отношению к *Каттась*. На территории Средней Оби она является «помощнице» при родах, способствующей появлению на свет ребёнка и именно она устанавливает

правила поведения женщин во время беременности и родов, требует к себе уважительного отношения, может наказать из-за несоблюдения традиционных норм жизни [7, С. 102].

Она менее известна, сохранилась только у среднеобских хантов. В других локальных группах хантов *Ай-Каттась* не имеет собственных функций, возможно, её образ слился с образом *Каттась*. По мнению автора *Ай-Каттась* является самостоятельным мифологическим и культовым персонажем и одной из основных главных фигур женского пантеона среднеобских хантов, в тоже время самой архаичной богиней, так как связана только с обрядом рождения [11, С. 216].

Заключение

Важным итогом научных исследований в конце XX в. является то, что образ Великой Богини связывается с древним мировоззрением и пониманием её как женского плодоносящего, порождающего начала, положенного в основу древнего мироосмысления.

В этнографических исследованиях, образ женщины трактуется также, прежде всего, как образ Великой богини-матери, подательницы жизни [14, С. 74]. Высокое положение и большое почитание *Каттась* ими основано, прежде всего, на том, что её представляют в первую очередь как ниспосылающую детей «Женщины, милые женщины, я отправляю вам деточек. С ладони одной руки девочку вам положу, с ладони другой руки мальчика вам положу...» [20, С. 46-47]. Ханты верят, что это она даёт ребёнку душу и при его рождении наносит жизненный срок новорождённому на «украшенную золотом семикратную ветвь, на вырезанную с золотом семикратную ветвь» [5, С. 135]. «Семикратной ветвью» является деревянная бирка, о которой говорится в легенде «вместе с ней он (*Торым*) отправил деревянную бирку, наказав ей, чтоб она записывала души мальчиков, души девочек при рождении. Определяла сколько человеку нужно прожить». В мансийских песнях поётся, что она (*Калтась*) «...делает на палке зарубки (сроки) жизней девочек, сроки жизней мальчиков, *Калтась*, посылающая девочек, посылающая мальчиков людям, появилась дуновением теплого ветра. Пусть с ней останется благословение, наполненное девочками, наполненное мальчиками» [13, С. 98-99].

Таким образом, роль женских персонажей как прародительниц и дарительниц жизни по представлениям среднеобских хантов является актуальной темой и не может быть изучена без мифологических, фольклорных источников, в которых сохраняются их значимость и участие во всех культурных достижениях человечества. В мировоззрении обских угров Великая богиня – это *Каттась-Ими*, она одна из главных божеств, её роль в про-

должности человеческого рода не оспорима. Великая богиня не была единственной богиней в религиозно-мифологической системе, о чем подтверждают фольклорные тексты. Самостоятельным культовым персонажем в мировоззрении среднеобских хантов выступает богиня *Ай-Каттась*, которая тоже покровительствует деторож-

дению. В мифологических текстах сохранились указания на важные функции для человечества этих богинь – давать душу вновь появившемуся ребёнку, ведать рождением и смертью человека, дарить людям жизнь, охранять на всем жизненном пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауло А.В. Культовая атрибутика Березовских хантов / А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 92 с.
2. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы / М. Гимбутас. / Институт социальной и гендерной политики. – М.: «Российская политическая энциклопедия» 2006. – 572 с.
3. Голан А. Миф и символ / А. Голан. – М., Русслит, 1993. – 376 с
4. Горшунова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Горшунова Ольга Вениаминовна; [Место защиты: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН]. – Москва, 2007. – 51 с.
5. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т.2. / Перевод с немец. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1995, – 282 с.
6. Кашлатова Л.В. Образ Великой матери в культурах народов Севера и Сибири / Л.В. Кашлатова // Актуальные проблемы общества в современном научном пространстве: сборник научных статей. Выпуск 25. – Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2016. – С. 91- 96.
7. Кашлатова Л.В., Женский пантеон обских угров, Монография / Л.В. Кашлатова. / Тюмень: ООО «Формат», 2017. – 158 с.: ил.
8. Кашлатова Л.В. Участие богини Каттась в сотворении Земли: по данным хантыйского фольклора / Л.В. Кашлатова. // III Международный конгресс традиционной художественной культуры: фундаментальные исследования народного искусства (23 – 25 октября 2017 г. Ханты–Мансийск). М., 2018. – С. 228-232.
9. Кашлатова Л.В. Образ птицы в фольклоре обских угров / Л.В. Кашлатова. // Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференций «Фундаментальные и практические научные исследования: инноватика в современном мире» (16 февраля 2021 г., г. Уфа). / - Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2021. – С. 116-123.
10. Кашлатова Л.В. Ай Каттась и Ун Каттась: общее и особенное / Л.В. Кашлатова // Вестник угроведения : научно-теоретический и методический журнал, № 1 (1) – Ханты-Мансийск : [Доминус], 2011. – С. 154-160.
11. Кашлатова Л.В. Культ двух богинь в культуре среднеобских хантов: сравнительный анализ / Л.В. Кашлатова. // Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: материалы Всероссийской научной конференции. Ч.1.: Социология, природопользование, история и этнология. – Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. – С. 209-218.
12. Кравченко О.А. Этносоциопедагогика казымских ханты. / О.А. Кравченко. – СПб.: ООО «Мирил», 2007. – 160 С.
13. Мансийский фольклор в записи В.Н. Чернецова [Рукопись]. Краткое содержание текстов на русском языке подготовлено Е.А. Шмидт. 1985.
14. Мартынова Е.П. Образ Калташ-Анки в религиозной традиции хантов / Е.П. Мартынова. // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург. 1992. – С. 74-84.
15. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и примеч. Н.В. Лукиной. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
16. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 475 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
17. Мифология манси / Под редакцией И.Н. Гемуева. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 196 с.
18. Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2000. – 310 с.
19. Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты / Т.А. Молданов. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1999. – 141 с.
20. Молданов Т.А., Молданова Т.А. Боги земли казымской. / Т.А. Молданов, Т.А. Молданова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 114 с.
21. Попова С.А. Традиционный мансийский праздник «Вороний день». / С.А. Попова. // Этнография народов Западной Сибири. – М., 2000. вып. 10. – С. 212-222.
22. Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды / С.А. Попова. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2008. – 138 с.
23. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси / С.А. Попова. Томск, изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
24. Пятникова Т.Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья / Тамара Романовна Пятникова: Екатеринбург. – 2008. – 80 с.: ил.
25. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. / Е.И. Ромбандеева. – Сургут, изд-во “Северный дом”, 1993. – 208 с.
26. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. / А.М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1992. – 176 с.
27. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. / З.П. Соколова. – М.: Издательство «Наука», 2009. – 756 с.
28. Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров / В.Н. Чернецов. // Труды Института этнографии АН СССР, 1959. Т 51. – С. 114-156.
29. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. / К.Г. Юнг. – Пер. с англ.; – М.: 1997. – 384 с.

© Кашлатова Любовь Васильевна (kashlatovalv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ АККУЛЬТУРАЦИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

THE SIGNIFICANCE OF ACCULTURATION FOR MODERN SOCIETY

*K. Kirillov
I. Moguchev
E. Latypova*

Summary: As the title implies the article describes the role of dialogic communication during the transition and merger of technical innovations and globalization. The main goal of this article is to describe the socio-psychological transformation of a dialogue group. Much attention is given to the concept of "culture" as culture is a means of storage and transmission of human experience and information in modern society. The article gives a detailed analysis of the interaction of different cultures. Attention is drawn to the adaptation of a small group in the society. This article gives valuable information about dominant and acculturating groups which need each other. It is noted that the dominant group will develop more slowly without an acculturating group.

Keywords: dialogic communication, transcultural communication, acculturation process, cultural convergence, communication culture.

Кириллов Кирилл Олегович

Уфимский государственный нефтяной технический университет
kirillov.arsenal@gmail.com

Могучев Иван Владимирович

Уфимский государственный нефтяной технический университет

Латыпова Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет

Аннотация: Согласно названию, в статье описывается роль диалогического общения в периоды перехода и слияния технических инноваций и глобализации. Целью данного исследования является описание социально-психологической трансформации диалоговой группы. Большое внимание уделено понятию «культура». В современном обществе она выступает как средство хранения и передачи опыта, информации. Статья дает детальный анализ о взаимодействии разных культур в одном обществе. Обращается внимание на адаптацию малой группы в обществе. Научная статья дает ценную информацию о том, что доминирующая и аккультурирующая группы необходимы друг другу. Данный метод предполагает, что одна доминирующая группа без другой аккультурирующей группы будет развиваться заметно медленнее.

Ключевые слова: диалогическая коммуникация, транскультурная коммуникация, процесс аккультурации, культурная конвергенция, культура общения.

За последние годы существенно изменилось отношение к культуре, понимание ее важности и роли в современном обществе, признание культуры в качестве одного из важнейших ресурсов социально-экономического развития.

Культура – есть связующее звено между поколениями, человеческими расами, человеком и обществом, а достигается такая связь посредством взаимодействия этих групп в виде общения.

Процесс общения может быть достигнут через диалог. Этот метод был предложен Дэвидом Бомом в 1996 году [5]. Диалог, как неотъемлемая часть коммуникативного тренинга, направлен на развитие диалогической компетенции для межкультурной коммуникации. Процесс диалога в обществе, направлен на адаптацию диалогического общения между доминирующей группой и аккультурирующейся группой на локальном уровне.

Культуры сходятся через культурные изменения и аккультурацию.

За последние годы существенно изменились отношение к культуре, понимание ее важности и роли в современном обществе, признание культуры в качестве одно-

го из важнейших ресурсов социально-экономического развития [3].

Понятие культура – сложный, неоднозначный термин в переводе с латинского «cultura» – возделывание, воспитание, образование, развитие. С одной стороны, это накопленные обществом материальные и духовные ценности, с другой — человеческая деятельность, опирающаяся на наследие всех предыдущих поколений.

Культура представляет собой сложное, многоплановое явление, пронизывающее все сферы жизни и деятельности общества и человека. Культура – это и материальные, и духовные ценности человека. Культура в некотором смысле – ядро, основа общества [4].

По мнению отечественного антрополога З.А. Неве-рой следует, что роль культуры в жизни человека современного общества состоит во множестве функций: социализация, познавательная, коммуникативная, ценностная, творческая, игровая; без которых невозможно само существование человека и общества [3].

По словам научного деятеля Е.Л. Яковлевой, следует, что особенностью современного этапа общественного развития является возрастание социальной роли куль-

туры как одного из факторов, организующих духовную жизнь людей.

В целом в 20 веке понятие «культура» стало предельно многозначным, утратив всякую содержательную определенность.

Теоретически две культуры, соприкасающиеся друг с другом, могут в равной степени влиять друг на друга и одна под воздействием другой может претерпевать какие-либо изменения. На практике одна из культур имеет тенденцию доминировать над другой [2].

Процесс аккультурации включает в себя три функциональные группы: доминирующую группу, аккультурирующую группу и аккультурированная группа.

Доминирующая группа – это социальная группа, имеющая привилегированное положение в обществе и обладающее большим доступом к различным социальным привилегиям. Примером доминирующей группы является Уэссекская культура [1].

Аккультурация — это принятие человеком другой культуры, культурных ценностей, его адаптация к другой культуре. Некоторые примеры аккультурации: мигранты, т.е. лица, переезжающие в другие страны на постоянное место жительства. Например, еврейские общины в Сибири, русские в Америке, армяне в России [6].

Аккультурирующая группа запускает процесс аккультурации, вступая в непосредственный контакт с доминирующей группой. Способ общения между двумя группами влияет как на процесс, так и на результат аккультурации [5].

Диалогическое общение между доминирующей группой и аккультурирующей группами может способствовать сбалансированному сближению, слиянию культур.

Слияние культур (интеграция) – это пример взаимодействия культур, существенно отличающихся по языку и традициям, но вынужденных существовать на одной территории. Как правило, в результате длительного контакта у двух этносов формируются общие черты и культурные принципы. При этом каждый народ сохраняет свою самобытность и оригинальность [2].

Из-за экологической ситуации люди в развивающихся странах вынуждены либо мириться с этим экономическим дисбалансом, отказаться от человеческого развития, доступного господствующей группе, или уйти от этой ситуации и эмигрировать. Жители же развитых стран сталкиваются с мультикультурным обществом, т.е. обществом с разными культурными ценностями, политическими взглядами, в котором им приходится жить вместе с иммигрантами из развивающихся стран.

В поликультурном обществе, т.е. в обществе взаимодействия культур, те, кто готов обмениваться информацией имеют хорошие шансы на развитие своего общения.

В 1980–1990 годах 20 в. в развитых странах Западной Европы и Северной Америки появились признаки замещения национального общества мультикультурным. Но в действительности предпосылки этого процесса возникли несколькими десятилетиями раньше. В ходе послевоенного восстановления и перестройки отраслевой структуры экономики развитых стран Западной Европы и Северной Америки начала ощущаться нехватка рабочей силы.

Таким образом, для устранения дефицита большинство этих стран начали привлекать рабочих из развивающегося мира.

Глобализация породила два события, казалось бы, движущиеся в противоположных направлениях: возрастающее единообразие повседневной культуры, с одной стороны, и стремление сохранить элементы отдельных культур с другой.

По мнению кубинского антрополога Фернандо Ортиса, который ввел термин транскультурация (слияние, сближение культур) в 1940 г. цель этой линейки исследований – понять и объяснить, как доминирующие культурные формы изобретаются, навязываются, перерабатываются и преобразуются.

Аккультурация происходит, когда люди аккультурируемой группы вступают в непосредственный контакт с доминирующей группой.

Американский антрополог, специализирующийся на кросс-культурных исследованиях, Дж. Берри утверждает, что аккультурация – явление различается в зависимости от цели господствующей группы (колонизация, порабощение) и от того, аккультурирующаяся группа добровольно иницирует контакт с доминирующей группой или под давлением [2].

На популяционном уровне Берри проводит различие между изменением культуры и аккультурация в зависимости от того, какими являются источники изменений внутренними или внешними.

Динамические изменения изнутри, такие как инновации, открытия или крупное экологическая катастрофа вызывает изменение культуры, в то время как аккультурация происходит извне, путем контакта с другими культурами.

Исследователь Йошикава высказывался, что интеграция и трансформация являются важными частями процесса роста к «диалогическому способу общения»,

в котором человек учится преодолевать предубеждения и негативные стереотипы по отношению к другим культурам [8].

Антрополог Кинкейд применяет основную идею энтропии термодинамики к человеческому общению и предлагает «теорию конвергенции» общения.

Основное предположение «теории конвергенции» заключается в том, что «процесс коммуникации приводит к изменению статистического распределения убеждений, ценностей и поведения в культуре».

Антрополог Йошида рассматривает «культурное разнообразие», «человеческое единство» и «взаимозависимость» как основные принципы межкультурной коммуникации [7].

Дж. Берри утверждает, то в процессе аккультурации, обе культуры в той или иной степени влияют друг на друга [4]. Следовательно, в таком процессе аккультурации должен работать универсальный принцип, на котором основаны все культуры.

Таким образом, культура по мнению профессора Йошиды может существовать как в единстве, так и в многообразии.

Проанализировав материал зарубежных и отечественных антропологов, философов, можно сделать вывод, что диалог между устоявшимися религиями становится необходимым для создания новой религиозной структуры. Эта структура позволит устоявшимся религиям принять меняющийся мир и может способствовать формированию нового мирового общества.

Будучи мультикультурным обществом, необходимо уметь интегрировать, казалось бы, противоречивые ценности людей из других культур и превратить их в взаимодополняющие части единого целого.

Таким образом, в настоящее время культура занимает значимое место в жизни человека и общества. Культура выступает средством хранения и передачи человеческого опыта и информации, именно она делает человека человеком, т.е. личностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берри, Дж. Энциклопедия прикладной психологии. Получено с sciencedirect.com 2004. – 98
2. Латыпова Э.Р., Шарафутдинова Э.Д. Межкультурная коммуникация в современном обществе // Вопросы педагогики. 2019. № 11-2. С. 161-164.
3. Неверова, З. А. и др. Культурология [Текст]: учебник / З.А. Неверова [и др.]; под науч. ред. А. С. Неверова. – Минск: Выш. шк., 2011. – 400 с.
4. Berry, John. Psychology of Acculturation. In: R. Brislin (ed.), Applied Cross-Cultural Psychology. London: Sage. 1989. – 232.
5. Bohm, David. On dialogue. London, New York: Routledge. 1996. – 314.
6. Falk, Richard. Predatory Globalization: A Critique. Cambridge: Polity Press. 1999. – 210.
7. Yoshida, Atsuhiko. Holistic kyōikuron no shatei (Scope of holistic education). Tokyo: Hakujusha. 1995. – 126.
8. Yoshikawa, Muneo. The Double-Swing Model of Intercultural Communication between the East and the West. In: Kincaid L. (eds.), Communication Theory: Eastern and Western Perspectives. New York: Academic Press. 1987. – 319.

© Кириллов Кирилл Олегович (kirillov.arsenal@gmail.com), Могучев Иван Владимирович,
Латыпова Эльвира Рашитовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК КОНСТАНТА КОНТИНУУМА «ЭЛИТАРНОГО» И «МАССОВОГО» В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

DIALOGICALITY AS A CONSTANT OF THE "ELITIST" AND "MASS" CONTINUUM IN MUSICAL CULTURE

S. Komissarenko
E. Kostiuk

Summary: In the article, the authors, considering dialogicity as a constant of the continuum of "elite" and "mass" in musical culture, pay special attention to different types of communication through music, which have their own "generic" features coming from the specifics of the genesis of different genres, forms of presentation in the sphere of elite and mass musical cultures. Music as a means of communication has, along with the specifics of musical language, a whole system of verbal and non-verbal means that have developed historically in musical culture, determining the features of the dialogue between the actors of musical action and its results. In particular, the authors come to the conclusion that: the type of "spiritual communication" connects the forms of "elite" and "mass" in musical culture, becoming a "platform" for their mental unification; dialogicity as a constant of the continuum of "elite" and "mass" in the musical culture of the post-industrial era is also determined by the problem of replacing the spiritual-sincere communication in the language of music historically common for the elite musical culture with a form of communication where the general trend towards information content plays a huge role, the creation of the type of "information and fast food music" for the mass society of the "consumer culture" era.

Keywords: musical culture, communication, communication, musical language, dialogue, "consumer culture", actors, post-industrial era.

Комиссаренко Светлана Сергеевна

доктор культурологии, профессор, профессор,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет
профсоюзов, почетный работник высшего образования
России

komissarenko07@mail.ru

Костюк Екатерина Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет
профсоюзов

Аннотация: В статье авторы, рассматривая диалогичность как константу континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре, особое внимание уделяют разным типам общения посредством музыки, которые имеют свои «родовые» черты, идущие от специфики генезиса разных жанров, форм презентации в музыкальной культуре. Музыка как средство общения обладает наряду со спецификой музыкального языка, целой системой вербальных и невербальных средств, которые исторически сложились в культуре, обуславливая особенности диалога между актерами музыкального действия и его результаты. Авторы приходят в частности к выводам о том, что: тип «душевного общения» связывает между собой формы «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре становясь «платформой» для их ментального объединения; диалогичность как константа континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре постиндустриальной эпохи детерминирована также проблемой замены духовно-душевного общения на языке музыки свойственного элитарной музыкальной культуре исторически, на форму – коммуникации, где огромную роль играет общая тенденция к информационности, созданию фактически типа «информационной, и фаст-фудной музыки» для массового общества эпохи «культуры потребления».

Ключевые слова: музыкальная культура, общение, коммуникация, музыкальный язык, диалог, «культура потребления», актеры, постиндустриальная эпоха.

Внутренняя диалогичность присуща культуре как априори заданная константа, «именно диалог культур отвечает глубинным потребностям развития человечества» [1, с.116]. Как отмечают ученые, интенсификация межкультурных контактов в современной ситуации повысилась с изобретением технических средств, включая возможности интернета. Тем не менее, диалог культур в динамике оценивается далеко не всегда позитивно [2, с.167-174]. В сущности, есть две позиции: первая – в результате взаимобмена происходит взаимобогащение и развитие, «сведения о жизни других народов расширяют кругозор людей, позволяют им новыми глазами посмотреть на мир и на свою жизнь» [3, с.231]; вторая – в ходе диалога может происходить имплицитно культурная интервенция, приводящая к замещению или вытеснению одной культуры другой. «Главным измерением и значимым результатом глобализации является

мировая культура, создание которой предполагает: космополитизацию и деиндивидуализацию человечества; разрушение национально-культурной самобытности и ослабление роли национальных языков; <...> уничтожение базовых ценностей, сложившихся в рамках мировых религий; разрушение регулятивно-нормативной функции общества и реабилитацию природного начала человека, в том числе и ранее подавлявшихся «репрессивной культурой» примордиальных феноменов» [4, с.7]. Однако все ученые сходятся на мысли, что в любом случае диалог необходим, поскольку он является способом-шансом к эволюции, той деятельностью, которая связана, по мнению культуролога и философа М.С. Кагана с «присваивающей активностью <...> продуктов материальной, духовной и художественной культуры» [1, с. 288-289].

Проблеме диалога культур и диалогичности культуры

посвятили свои труды виднейшие российские ученые: М.М. Бахтин, В.С. Библер, А.С. Запесоцкий, С. Н. Иконникова, М.С. Каган, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, С.Т. Махлина, Б.Д. Парыгин, М.Б. Пиотровский и другие.

Результатом диалога культур, как правило, становится расширение человеческого опыта, как на уровне личности, субъекта, так и на уровне общества как народа, нации [5]. «Подлинный же диалог – это взаимодействие субъектов, каждый из которых сохраняет собственную идентичность <...> ориентирован в целом на достижение взаимопонимания» (М. Бахтин) [6, с.305]. При этом общие закономерности процесса «присваивающей активности», исходящие от пользы, оперирования, умения, а также извлечения знаний, понимания в полноте смыслов, интерпретации и передачи ценностей культуры, остаются неизменными сопутствующими для всех субъектов подлинного диалога.

Диалогичность, находящаяся в основе общения играет очень важную роль в жизни общества и человека, по существу, все грани их бытия пронизаны им, на этой основе строится воспитание как основа формирования *un uomo di cultura* (человека культурного). В общении проходит его трудовая, познавательная, творческо-художественная деятельность и т.п. поэтому, общение очень многообразно и по своему содержанию, и по формам, и по средствам, которые использует человек, общаясь [7, с. 123-125].

Общекультурные сценарии общения заключаются не столько в обмене информацией (хотя многие ученые подчеркивают существенность этой стороны общения), сколько в том, что *в процессе возникают особые межличностные отношения, обусловленные уникальной индивидуальной сущностью каждого его участника, включающей психические свойства личности, ее эмоции, чувства, интеллект, нравственные и эстетические ценности. Возникающее в результате этого процесса взаимодействие между субъектами общения, может проявиться в любом аспекте не только духовной, но и материально-практической деятельности, поэтому столь важно, как совершенно справедливо отмечает Н.А.Хренов «втягивать в сферу художественного воздействия» представителей разных слоев общества [8, с.478], чье позитивное влияние возможно на уровне разных видов, и типов общения, в том числе, и в рамках музыкальной культуры.*

В контексте рассмотрения диалогичности как константы континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре хотелось бы большее внимание обратить на проблему дифференциации в понятиях общения и коммуникации. Музыка как средство общения обладает наряду со спецификой музыкального языка, целой системой вербальных и невербальных средств, которые

сложились исторически в музыкальной культуре, обуславливая особенности диалога между акторами музыкального действия. Модели общения в музыкальной культуре XX- XXI веков имеют свои «родовые» черты, идущие от специфики генезиса разных жанров, форм презентации в сфере элитарной и массовой музыкальных культур, но суть общения посредством музыкальных средств не меняется, «формируются... разные представления о мире» [9, с. 47].

Каган М.С. в книге «Философия культуры» вводит разграничение понятий *общение и коммуникация* по ряду признаков, которые нам представляются весьма значимыми в контексте рассматриваемой нами проблемы. Он говорит о том, что «общение является *связью равных – партнеров...* тогда как коммуникация есть процесс, предполагающий функциональное неравенство сторон... общение имеет целью *общность*, а коммуникация - передачу информации» [1, с. 295]. При всей справедливости данного вывода, хотелось бы, однако, отметить, что утверждение верно по отношению, например, к результату духовного общения в рамках элитарной музыкальной культуры. Однако *коммуникативность как константа массовой музыкальной культуры (по принципу «Я люблю тебя, ты - любишь меня»)* содержит в себе *равенство сторон – исполнителя и слушателя*, но объединяет их информативно по сути своей обусловленный характер произведения данной сферы. Так как результатом акта духовного взаимодействия на языке музыки в рамках, например, диалога в сфере элитарной музыкальной культуры его субъектов становится взаимообогащение. В случае же с массовой музыкой – фактически лишь информирование «Я тебя люблю» и т.п., поэтому на смену одной песни «информации», довольно быстро «приходит» другая. Исключением становятся произведения масс-музыки, преодолевающие коммуникативную функцию, и имеющие в своей основе не духовную, а скорее душевную, *эмоционально-ассоциативную основу («Му way», «Нежность» и т.п.), то есть выходящие на уровень «душевного общения».*

Проблеме «духовного общения» посвящены труды В.Г. Афанасьева, В.С. Барулина, Л.П. Буевой, М.Н. Перфильева, Ю.К. Плетникова, В.М. Соковнина, А.В. Телюк, и других, но практически нет работ, связанных с осмыслением сущности типа «душевного общения».

Духовное общение – особый тип отношений, присущий только людям. Через него проявляется внутренний мир человека, который нельзя увидеть, но без которого человек не был бы Человеком. Формы, в которых происходит духовное общение, ориентированы в основном на непосредственный контакт в интеллектуально-духовной сфере. Однако именно типу духовного общения, как показали исследования, при-

сущее специфическое свойство – дистантность, когда «беседа» может быть опосредована временем и пространством (М.С. Каган) [7].

В типе духовного общения наиболее распространена форма диалога. В духовном диалоге используется действенная информативная структура – «вопроса – ответа», в которой значимо обращение к собеседнику как лицу индивидуальному. Искусство, как совершенно справедливо указывает И.А. Джидарьян: «единственное в своем роде явление духовной жизни общества, благодаря которому как бы бесконечно расширяются возможности человеческого общения на индивидуальном, личностном плане» [10, с. 130-131]. Такое общение предполагает обоюдную интерпретацию темы общения и возвращение *мысли* в обогащенном виде для ее дальнейшего развития.

Однако дискурсивном поле в рамках элитарной музыкальной культуры используется также выражение «душевная музыка», например, так характеризуют творчество П. Чайковского, М. Глинки, Г. Свиридова и т.д. Безусловно, духовная высота – неотъемлемая характеристика музыки академического направления. Вместе с тем, в некоторых жанрах музыкального искусства, например, романсах, применимы понятия и «духовное», и «душевное», соединяя в акте восприятия эстетическо-интеллектуальное и эмоциональное «вчувствование», то есть душевное, характерное именно для ситуации, когда «душа с душой говорит».

Это также доказывается тем, что, когда мы говорим о целом ряде произведений массовой музыкальной культуры, например, песне «Подмосковные вечера» и т.п., то употребляем тоже выражение «душевное», то есть оно обладает универсалиями, которая применима в двух этих, по сути, противоположных метафизически музыкальных сферах. Они наполнены неподдельной теплотой, искренностью и сердечностью, т. е. душевностью.

В психологии то, что в повседневной речи обозначается как «душевное» связано, чаще всего, именно с вышеупомянутой *эмпатией*, а также с *симпатией*. Внутренний эмоциональный отклик, сопряженный с добрыми чувствами и эмоциями. Таким образом, очевидно, что диалогичность как константа континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре связана с несколькими метафизическими типами общения «духовным» и «душевным».

Душевное общение, обладая, несомненно, всеми фор-

мальными характеристиками и спецификой, свойственными акту общения, связано со сферой не столько ценностной как духовное общение, а с эмоцией. Именно тип «душевного общения» широко используется в массовой музыкальной культуре XX-XXI вв., ориентированной во многом на преодоление социально-культурной разобщенности людей в условиях, например, нарастающей урбанизации. И, как правило, оперирует такой тип диалога в большой степени не столько даже вербальными, сколько невербальными элементами общения: тактильными (объятия, похлопывания и т.п.), кинетическими (танец, качание туловищем, головой в такт и т.п.).

В отличие от специфики «духовного общения», в котором качество понимания полноты текста зависит от подготовленности диалогизирующих сторон в полной мере расшифровывать всю полноту языка, объективировать в понятной для сторон системе знаков. Душевное общение связано с архетипичными знаками расположения, приятия другого [3]. В этом процессе важными становятся и знаки перекрестного использования [5]. К примеру, использование акустических инструментов (атрибут элитарной музыки) в разных формах современной массовой музыки становится не только знаком принадлежности к избранному, элитарному, качественному, но и духовно-значимому. Например, привлечение к исполнению произведений симфонического оркестра, который становится частью музыкального текста исполняемого, музыкантами, соотносящимися с массовой музыкальной культурой, например, А. Малинина¹, рок-группы Скорпионс² и т.п.

Диалогичность можно рассматривать как константу континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре постиндустриальной эпохи, обуславливающую *возможность* «приобщения к ценностям другого» [1, с.297]. В этом плане показательно возникновение и популярность жанров, стилей в XX-XXI веках: симфоджаза, рок-оперы, арт-рока и т.п. на основе как раз диалогичности на уровне всех элементов языка элитарной и массовой музыкальных культур.

Таким образом, диалогичность как константа континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре постиндустриальной культуры обусловлена: *во-первых*, заданностью диалогичности культур, на основе которой происходит взаимообогащение: *во-вторых*, взаимосвязью типов «душевного общения» музыкальных произведений «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре, становясь «платформой» для их ментального объединения; *в-третьих*, диалогичностью

1 А. Малинин. Концерт « Влюбленный в романс в Большом зале Московской консерватории// <https://my.mail.ru/mail/olegsibn/video/69206/82676.html> (дата обращения 29.01.23)

2 Рок- группа» Скорпионс» и Берлинский филармонический оркестр// <https://www.youtube.com/watch?v=nCAr18S6jro> (дата обращения 29.01.23)

как константой континуума «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре постиндустриальной эпохи, которая детерминирована проблемой замены духовно-душевного общения на языке музыки, свойственной элитарной музыкальной культуре исторически, на форму – коммуникация посредством музыкального язы-

ка, свойственную массовой музыке начала XXI века. И, наконец, диалогичность «элитарного» и «массового» в музыкальной культуре постиндустриальной эпохи определяется социально-психологической необходимостью регуляции в период развития урбанистической культуры массового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416с.
2. Запесоцкий А.С. Культура: взгляд из России. Санкт-Петербург: СПбГУП, Москва: Наука, 2014. 848с.
3. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2003. 615с.
4. Покровский Н.Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Социологический ежегодник. М., 2000. (Сер. «Теория, методология»).
5. Махлина С.Т. Язык искусства в контексте культуры. Санкт-Петербург: 2. СПбГАК, 1995. 216с.
6. Шемякин Я.Г. Принцип диалога как духовная основа движения к полицентричному миру // XX Международные Лихачевские научные чтения. 9-10 июня 2022г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. 628с.
7. Каган М.С. Мир общения. Москва: Политиздат, 1988. 315с.
8. Хренов Н.А. Публика в истории культуры. М.: Аграф. 2007. 495с.
9. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 464с.
10. Джидарьян И.А. Эстетическая потребность. Москва: Наука, 1976. 191с.

© Комиссаренко Светлана Сергеевна (komissarenko07@mail.ru), Костюк Екатерина Борисовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФОРТЕПИАННОГО ТВОРЧЕСТВА КИТАЙСКОГО КОМПОЗИТОРА ЦЗЯН ВЭНЬЕ НА ПРИМЕРЕ ЕГО ФОРТЕПИАННОГО ЦИКЛА «ПЕКИНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ВАНХУА»

Лю Сьюй

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
bhwhjl@gmail.com

HISTORICAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF THE PIANO CREATIVITY OF THE CHINESE COMPOSER JIANG WENYE ON THE EXAMPLE OF HIS PIANO CYCLE "BEIJING WANHUA COLLECTION"

Liu Siyu

Summary: The article is devoted to the musical art of Jiang Wenye, a famous Chinese (Taiwanese) musician: singer (baritone), pianist and composer, who was famous in the 30-40's of the 20th century. Wenye was widely known not only for performing and composing music, but also for his musicological and historical analysis of Asian (Chinese and Japanese) music history and its adaptation to European musical academic canons, as well as for his literary works in Chinese and Japanese. The article analyses one of his piano cycles of the 1930's, imbued with the impressionist technique of broad colourful strokes and modern intonations of atonal and dodecaphonic music, following in the footsteps of the famous Austrian composer Arnold Schoenberg (1874-1951), the founding father of the new Viennese school. A great number of young Chinese musicians and composers have contributed to the development of modern Chinese piano music since its inception. One of the pioneers in this field was Taiwanese pianist Jiang Wenye, who received his professional musical training in Japan. Wenye is famous as an outstanding musician and composer who played an invaluable role in the history of Chinese modern pianism, having enriched it with national colour. The Article notes the special significance of Jiang Wenye's personal contribution to the evocation of national musical factors, which made it possible to fuse Chinese and Western European musical styles in the piano art. As a result of this fusion, the evolutionary development of the Chinese musical style manifested brightly.

Keywords: Chinese piano culture, Jiang Wenye's piano works, national style of piano music in China.

Аннотация: В статье рассматривается музыкальное творчество известного в 30-40 гг. XX века китайского (тайваньского) музыканта – певца (баритон), пианиста и композитора – Цзян Вэнье. Вэнье был широко известен не только благодаря исполнительской и композиторской деятельности, но и своими музыковедческими и историко-аналитическими работами, посвященными истории азиатской (китайской и японской) музыки, и адаптация ее под европейские каноны музыкального академизма, а также литературными произведениями на китайском и японском языках. В статье анализируется один из его фортепианных циклов 1930-х годов, пронизанный импрессионистской техникой широких красочных мазков и современными интонациями атональной и додекафонной музыки, вслед за основоположником новой венской школы известнейшим австрийским композитором – Арнольдом Шёнбергом (1874-1951).

В развитие современной китайской фортепианной музыки с самого начала ее формирования внесли огромный вклад большое количество молодых китайских музыкантов и композиторов. Одним из пионеров в этой области стал тайваньский пианист – Цзян Вэнье, получивший музыкальное профессиональное обучение в Японии. Вэнье известен как выдающийся музыкант-композитор, сыгравший неоценимую роль в истории китайского современного пианизма, обогатив ее национальным колоритом. В статье отмечается особое значение личного вклада Цзян Вэнье в воплощении национальных музыкальных факторов, позволившее соединить китайский и западноевропейский музыкальные стили в фортепианном искусстве. В результате этого слияния ярко проявилось эволюционное развитие китайского музыкального стиля.

Ключевые слова: китайская пианистическая культура фортепианные произведения Цзян Вэнье, национальный стиль фортепианной музыки в Китае.

Известный тайваньский музыкант-исполнитель, композитор и литератор – Цзян Вэнье 江文也 (1910-1983) родился в Тайване, вырос в Японии, умер в Китае. Его жизнь отмечена крутыми судьбоносными поворотами, которые не принесли ему покой и славу, а лишь усугубили последние годы его жизни. В 30-40-е годы XX века музыкальная карьера Вэнье достигла своего максимума; музыкальные достижения музыканта были широко известны в Японии, где он учился и рабо-

тал, поэтому во время XI летних Олимпийских игр в Берлине 1936 года, Вэнье представлял Японию как композитор с оркестровой работой – «Формозанский танец» на Международном олимпийском музыкальном конкурсе. Вэнье занял четвертое место в номинации «Композиция», получив поощрительный приз и став первым тайваньцем, выигравшим олимпийскую медаль [5]. Несмотря на эту высокую миссию, доверенную композитору, Токийская музыкальная школа все же не воспринима-

ла в серьез музыкальное дарование Вэнь по причине его тайваньского происхождения. Поэтому он покинул Японию и уехал в Китай, где в свою очередь подвергся преследованиям во время китайской культурной революции, из-за чего его здоровье было подорвано и вскоре после политической реабилитации в 1978 году, Вэнь скончался от продолжительной болезни.

Так, как Цзян Вэнь работал в основном в Японской империи (1910-1945), и лишь после провозглашения Китайской республики в Китае (1945-1949, КНР с 1949-1983), то его знают под японским именем – Ко Бунья こうぶんや (в китайском варианте имя композитора состоит из трех китайских иероглифов – 江文也 Цзян Вэнь-Е, тайваньское – Вэнь Бин). Ко Бунья был широко известен в мировом музыкальном пространстве как автор оркестровых произведений, объединивших элементы традиционной китайской, тайваньской и японской музыки с модернистскими влияниями. Из-за политических потрясений, окружающих его жизнь, он был в значительной степени забыт во второй половине своей жизни, но сейчас в Китае появился интерес к его многополярной и разносторонней личности [2].

Вэнь родился в 1910 году в семье древнекитайского народа хакка в г. Тамсуи (Тайбэй) в оккупированном японцами Тайване. В 1917 году по распоряжению префектуры Нагано (Япония), чтобы поступить в среднюю школу, он был отправлен в японскую школу в Сямыне, а в 1923 году переехал в Японию. С 19 лет Вэнь учился в Токийской школе инженерного дела и коммерции (в настоящее время Технологический институт Мусаси), где изучал электротехнику. В это же время он параллельно начал посещать вечерние занятия в Токийской музыкальной школе (сейчас это Токийский национальный университет изящных искусств и музыки) по классу вокала (баритон) и фортепиано. С 1932 года, будучи замеченным руководителем своего хора, стал ведущим певцом-баритоном в *Columbia Record Company*, а через несколько лет стал членом оперной труппы под руководством одного из выдающихся оперных деятелей и певца Японии – Йоши Фудзивара, исполняя роли второго плана.

Примерно в это же время он также начал изучать композицию у выдающихся японских композиторов Косаку Ямада и Кунихико Хашимото. А в 1935 году произошло переломное событие в жизни композитора; Вэнь познакомился с племянчатым внуком известного русского художника Александра Бенуа – знаменитым российским музыкантом Александром Николаевичем Черепниным (1899-1977), директором и педагогом Шанхайской консерватории с 1934 по 1937 годы. А.Н. Черепнин имел большое влияние в музыкальном мире того времени; среди китайских музыкантов он прослыл своей неограниченной помощью в их обустройстве и обучении в Европе,

когда китайские музыканты вынуждены были покинуть страну из-за японской оккупации 1937-1947 гг. [6, с. 50]. Он концертировал по всему миру до начала 1930-х гг. и был известен музыкальной китайской аудитории под китайским именем *Ци Эрпин* [3]. Черепнин оказал огромное влияние на становление китайского пианизма и композиторской школы, выделял средства на организацию первых в Китае конкурсов фортепианных произведений в китайском стиле, ознаменовавшие мощный профессиональный рост китайской фортепианной музыки [9].

Черепнин советовал начинающим азиатским композиторам творить современную музыку, опираясь на национальный колорит и стиль. По его мнению, китайским композиторам не следует слепо подражать европейским опусам, но посредством обращения к музыкальным традициям Китая, создавать свою собственную новейшую музыку. Идеи Черепнина получили широкое признание в Китае, и повлияли на творчество Вэнь. Черепнин, будучи проездом в Токио в 1935 году, отметил мощный талант Вэнь и смог опубликовать его работы в странах Европы, США и Китае.

После встречи с Черепниным, у Вэнь изменился композиторский стиль, сменивший давящее над ним влияние западной эстетики, свойственной его ранней музыке на «сочетание китайской и западной музыки». Исследуя традиции китайской музыки, Вэнь признался: «Я начал усиленно думать об избавлении от западноевропейской одежды... Музыка не должна быть просто доктриной, одеждой или внешним атрибутом; должно быть больше вещей, которые могут быть выражены в самой музыке» [12].

Китайская музыка, проявленная композитором в его фортепианных произведениях, ни в коем случае не является простым слиянием техник, но имеет глубокий смысл, коренящийся в повседневной житейской необходимости, из которой Вэнь, по своему собственному признанию, черпал простые мелодии – его «романтические монологи». Вэнь с большой страстью демонстрировал чувства любви к своей родине, истории и традициям своего народа. Сочетание «традиции» и «современности» нашли свое органическое отражение в фортепианной музыке Цзян Вэнь, внесший таким образом неограниченный вклад в развитие китайского стиля мирового фортепианного искусства. В слиянии национального начала и современных технологий проявилась важнейшая черта китайской музыки XX века, которую можно охарактеризовать как особое проявление гуманистической идеи духа времени. «Взлеты и падения не ограничивают развитие моего творческого потенциала и уверенности в себе. В моем сердце все еще горит горячая искра. Я чувствую, что мои ноты направлены для развития Китая. Есть еще небольшой вклад в народную музыку... Я все еще хочу писать... до тех пор, пока не из-

расходу свою последнюю калорию и не отдам все, чему я научился, земле» [12].

Фортепианное творчество Вэнь отражает традиционную китайскую мелодику, которую композитор называл «сокровищем», что всегда духовна свежа. В его музыке слышны воспоминания о детстве, красота родного края с его дивными горами и широкими реками, первые радости и трудности жизненного пути и т.д. Своей музыкой композитор как-бы обнимает сердцем все, что попадает к нему на пути. Творчество Цзян Вэнь проникнуто сильным чувством к Тайваню, которое окрашено религиозно-духовной и традиционно-китайской музыкой, соединив, таким образом, современный музыкальный стиль Тайваня и материкового Китая [4].

Исследователи Цзян Вэнь делят его творчества на четыре периода:

- первые годы жизни в Японии под сильным влиянием своего учителя Косы Ямады. Вэнь использовал в основном европейскую и японскую техники композиции, но его музыка отражала ностальгия по Родине;
- переходный период творческого стиля, начавшийся в 1936 г. после встречи с А.Н. Черепниним и переездом в континентальный Китай. Работа в музыкальных учебных заведениях Пекина, Тяньцзиня, Шанхая и др. по его рекомендации. Сильный интерес к китайской традиционной музыкальной культуре и глубокое проникновение китайской пентатоники с использованием западной композиционной техники;
- средний этап творчества с 1938 года: обоснование в Пекине и выступление за возвращение наследия китайских традиций в творчестве китайских композиторов;
- основание Китайской Народной Республики, ломка всех жизненных устоев. В творчестве – продолжение углубления продвижения национализации фортепианной музыки в Китае [10, 11].

Отметим, что параллельно с фортепианной музыкой, Вэнь много пишет оркестровые произведения, наиболее известными из которых стали «Тайваньская танцевальная музыка» и «Движение конфуцианского храма Дачэн». Кроме того, Вэнь много пишет литературные произведения и стихи, занимается исследованием мирового музыкального фонда и учебно-методической работой. Цзян Вэнь остался в истории китайской культуры как смелый, плодовитый и новаторский композитор [1]. Его музыкальное творчество охватывает широкий спектр областей музыки, включая фортепианную, камерно-вокальную, симфоническую, танцевально-обрядовую, религиозную и т.д., среди которой фортепианная музыка занимает особое место [7].

В фортепианном стиле Вэнь 30-х годов обнаруживается интенсивная работа над ладовыми модификациями; заметно сильное влияние ладовых поисков, основанных на народной музыке Бела Бартока, японских ладов из народных мелодий, китайской пентатоники Гун и Чжэн с сильным экзотическим оттенком, использование тональной гаммы японской «четвертой серии тритонов» и западных композиционных техник: политональной, атональной, серийной, сонористической и додекафонной. Кроме этого, в композиционном музыкальном подходе Вэнь слышны полифонические приемы и имитации, что совершенно не свойственно для китайской музыкальной культуры.

В самый разгар Второй китайско-японской войны 1938 года Вэнь был назначен профессором музыкального искусства Педагогического университета в Пекине, находящегося под контролем Японии. Вэнь часто совершал поездки в Токио, где проживала его семья [13, 14]. Переезд в Пекин послужил для Вэнь сильнейшим толчком в изучении музыкальной традиции конфуцианства, результатом чего стало сочинение оркестровой пьесы «Музыка конфуцианского храма» ор. 30, где воспроизводился порядок конфуцианских ритуалов поминовения и фортепианный цикл «Пекинская коллекция Ваньхуа» ор. 22 на основе пентатонных ладах. В этот же период Цзян Вэнь писал музыку на тексты классической китайской поэзии, аранжировал классические и народные песни (Хронология Цзян Вэнь. *Е Ди* Постскриптом перевода сборника стихов Цзян Вэнь «Пекинская надпись»).

Поселившись в Пекине в 1938 году, композитор начал исследовать китайскую культуру в дополнение к своей ежедневной преподавательской работе и сместил акцент в своем творчестве на изучение традиционных китайских народных песен и древних стихов. Фортепианный цикл «Пекинская коллекция Ваньхуа» 北京萬華集, написанный в этот год, был первым произведением переходного периода музыкального стиля, которое заложило основу для его последующего фортепианного творчества. Цикл состоит из десяти программных миниатюр, соединенных одной тематикой, имеющей большое практическое значение и историческую ценность для китайского пианистического искусства. Сюжетная линия «Пекинской коллекции Ваньхуа» отводит слушателя к историческим событиям падения династии Цинь и попадания многих ценнейших артефактов, принадлежащих императорской семье, в особый старейший район столицы Тайваня Тайбэя – Ваньхуа.

Ваньхуа находится на юго-западе города и его естественными границами со всех сторон, кроме востока, служат реки Даньшуй и Синьдянь. Здесь находится священный Храм драконьей горы, украшенный великолепной резьбой по камню, деревянной скульптурой, росписью и керамикой, обладающий огромной художе-

«Врата Небесного Спокойствия»

Рис. 1. «У подножья Запретного города»:

Рис. 2. «Полночь у алтаря земли и зерна»

Рис. 3. «Шутник»

Рис. 4. «Памятник дракону»:

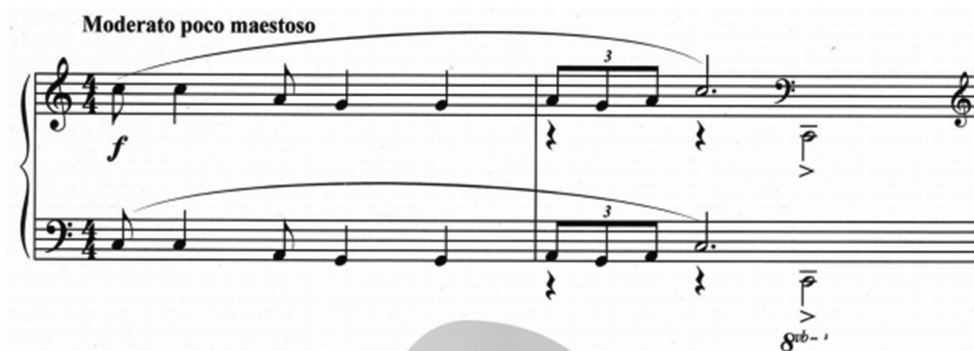

Рис. 5. «Ивовые сережки»

Рис. 6. «Далекие удары маленьких барабанов»

Рис. 7. «В храме Ламы»

Рис. 8.

«Первый танец серпа»

Рис. 9. Рис. 10. «Второй танец серпа»

Рис. 11.

ственной ценностью.

Десять миниатюр «Пекинской коллекции Ваньхуа» соответствуют названиям артефактам храма Ваньхуа, привезенных из Пекинского императорского дворца во время трагических событий падения последней китайской династии Цинь в 1911 году. Пьесы представляют также собрание обычаев старого Пекина:

1. Врата Небесного Спокойствия 天安门 (C-dur)
2. У подножия Запретного города 紫禁城下 (C-dur)
3. Полночь у алтаря земли и зерна 子夜, 在社稷坛上 (d-moll)
4. Шутник (клоун) 小丑 (a-moll)
5. Памятник дракону 龙碑 (C-dur)
6. Ивовые сережки 柳絮 (d-moll)
7. Далекие удары маленьких барабанов 鼓儿, 远远地响 (d-moll)
8. В храме Ламы 在喇嘛庙 (a-moll)

9. Первый танец серпа 第一镰刀舞曲 (F-dur)
10. Второй танец серпа 第二镰刀舞曲 (F-dur)

В миниатюрах очень явственен национальный колорит, отличающий музыкальный язык композитора от предыдущих его композиций и циклов.

В двух «танцах серпа» Вэнь цитирует мелодию народных песен провинции Цзянсу (популярных в городке на воде Цзяннань), тем самым он добился яркого художественного эффекта народного духа:

Музыкальный образ каждой миниатюры отличается рельефной четкостью и понятен для слушателя. Техника музыкального языка сочетается с ярко выраженный национальный стилистикой и расширенно-модальной системой западноевропейской ладовой организации; сочетание пентатоники и додекафонии проявили необычные

созвучия, в которых ясно прослушиваются параллельные квинты и характерные народные музыкальные «грозди», как например, в пьесе «Полночь у алтаря земли и зерна». В пьесе «Храм Ламы» нет мелодики; музыкальная ткань состоит из диссонирующих звуков, изображающих звук храмовых колоколов и барабанов, проявляя слушателю таинственную атмосферу. В «Шутнике» сознательно используются особые быстро сменяющиеся звуки, для яркого и выразительного контрастного юмористического «клоунского» образа. В песне «Под запретным городом» в качестве перехода использована атональная музыка, подчеркивающая экзотический колорит.

Интересно выстроен призрачный тональный план цикла или его мерцающие черты. Здесь можно проследить цепочку так называемых захватывающих ладовых опор: каждая последующая пьеса начинается с ладовых опор предыдущей пьесы, постепенно приходя к новой

ладовой опоре:

C-dur→C-dur→d-moll→a-moll→C-dur→d-moll→d-moll→a-moll→F-dur→F-dur

Композитор сознательно избегает выставления знаков альтерации при ключе, и даже в некоторых пьесах не выставляет размеры. Все это, конечно же, дань музыкальной традиции китайской культуры.

Фортепианный цикл «Пекинская коллекция Ваньхуа» был завершен в августе 1938 года, опубликованным в Токио, и стал первым фортепианнымopusом после переезда композитора в Пекин и ознаменовал поворот в его творческом стиле: «Я прошел через все новейшие современные техники композиции, но я не могу зайти слишком далеко... Лучше сдаться, чем продолжать, и я должен полностью (отказаться) от себя!» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонг Сяюнь В поисках воплощения национального музыкального стиля: на примере фортепианных произведений Цзян Вэнье и Ван Лисаня // Первый международный симпозиум по истории китайской музыки. Исторический факультет Фогуанского университета, июнь 2010.
2. Гонг Сяюнь От современности к традиции. Цзян Вэнье и его музыкальное творчество / Докторская диссертация на немецком языке. – Берлин: «Человек и книга», 2002.
3. Иванян Э.А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII-XX века. – М.: «Международные отношения», 2001. – 696 с.
4. Лэй Мэйцинь Продолжение творческого стиля Цзян Вэнье, исследование и развитие китайского стиля. Сравнительное исследование фортепианного эскиза Цзян Вэнье «Пекинская коллекция Ваньхуа» и подобных работ до и после. – Пекин: «Столичный педагогический университет», 2002.
5. Первый тайваньец, завоевавший медаль на Олимпийских играх, – музыкант Цзян Вэнье / Лянтинъюань, Тайвань от 04 августа 2021.
6. Сун Яньин Интеграция европейских традиций пения в вокальную школу Китая / Диссертация. – Москва, 2017.
7. У Линъи Музыкальный мир Цзян Вэнье. – Тайбэй: Китайская национальная музыкальная ассоциация, 1991.
8. Цзинь Ляньхуа, Ван Яцинь Анализ музыки и исполнение фортепианного дивертисмента Цзян Вэнье «Пекинская коллекция Ваньхуа» // 2011 г.
9. Чанг Чи-Джен Александр Черепнин – его влияние на современную китайскую музыку / Диссертация. – Нью-Йорк: Колумбийский университет, 1983.
10. Чжан Цзижэнь Цзян Вэнье, композитор с большим талантом и судьбой // «China Times» Human World, 13.03.1981.
11. Чжан Цзижэнь Цзян Вэнье: Амариллис среди шипов. – Уцзе-Илань: Национальный центр традиционных искусств, 2002.
12. Экстаз погони за композитором Цзян Вэнье / View-Taiwan Electronic Newspaper (Национальный тайваньский исторический музей). 10 июля 2012.
13. David Der-wei Wang In Search of a Genuine Chinese Sound: Jiang Wenye and Modern Chinese Music // Global Chinese Literature. – Brill, 2010. P. 157-175.
14. Liu Ching-chih The Mass Singing Movement and Musical Creation in the Anti-Japanese War Period (1937–1945) // A Critical History of New Music in China / translated by Caroline Mason. – The Chinese University of Hong Kong Press, 2010. P. 189-286.

© Лю Сьюй (bhwhjl@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВЕДНОСТЬ РУССКИХ КАК КЛЮЧЕВОЙ КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ В КНИГЕ Т. ГОТЬЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ»

Семухина Елена Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.
semuh@rambler.ru

THE RIGHTEOUSNESS OF RUSSIANS AS A KEY CULTURAL MEANING IN T. GAUTIER'S BOOK "TRAVELS IN RUSSIA"

E. Semukhina

Summary: The article undertakes a culturological analysis of the book "Travels in Russia" by the famous French poet, publicist and public figure of the XIX century Theophile Gautier. The works of the XIX century remain relevant at the present time, because they contain information underlying modern cultural knowledge. T. Gautier's travel notes have become one of the works that influence the formation of stereotypes and stable ideas of Europeans about the image of the Russian person. One of the most important cultural meanings represented in the work is the idea of the righteousness of the Russian people. The cultural meaning of righteousness consists of such characteristics as purity and spirituality, religiosity, honesty, humility.

Keywords: culture, religion, cultural meaning, righteousness, sinfulness.

Аннотация: В статье предпринят культурологический анализ книги известного французского поэта, публициста и общественного деятеля XIX века Теофиля Готье «Путешествие в Россию». Сочинения XIX века остаются актуальными в настоящее время, т.к. содержат информацию, лежащую в основе современного культурного знания. Путевые заметки Т. Готье стали одним из произведений, влияющих на формирование культурных штампов и устойчивых представлений европейцев об образе русского человека. Одним из ключевых культурных смыслов, репрезентированных в произведении, является идея праведности русского народа. Культурный смысл праведности складывается из таких характеристик как чистота и духовность, религиозность, честность, покорность.

Ключевые слова: культура, религия, культурный смысл, праведность, греховность.

Книга Теофиля Готье «Путешествие в Россию» была написана в середине XIX века (с 1858 по 1861 гг.), однако до сих пор не теряет своей актуальности, как для российских, так и для зарубежных читателей. Значимость произведения во многом определяется его автором, а Теофиль Готье был известным французским поэтом, писателем и публицистом, поэтому его произведения, несомненно, привлекали интерес читателей. Тем более, что данное сочинение, сегодня существующее в виде книги, изначально публиковалось отрывками – отдельными письмами во французских газетах, которые тогда переживали настоящий бум, выписывать их или читать в библиотеках считалось необходимым для каждого француза, даже самого бедного рабочего. Газеты сообщали о последних новостях, предоставляли темы для дискуссий, печатали романы с продолжением, а стоили гораздо меньше, чем книги. Т. Готье рассказывал читателям о своих впечатлениях от путешествия по России, о нравах и обычаях, о том, что из себя представляют русские. Таким образом, в середине XIX на формирование стереотипного представления о стране и народе большое влияние оказала литература (действительно, культуру того периода часто определяют как «литературоцентричную», что означает, что «центром культуры, ее ценностно-смысловым «ядром» является литература» [4, с. 18]). Этот стереотип, однажды зафиксированный на языке, понятном современному носителю, становится базовым,

таким, к которому невольно обращаются наши современники. Вообще, XIX век, события в его истории, его открытия оказались важнейшими для человечества, то же можно сказать и о его культуре: этот период стал настоящим маяком для развития новых тенденций и стилей, его образы и смыслы и сегодня являются необходимыми для понимания сути таких явлений как национальные стереотипы и установки, а также определения их влияния на межкультурное взаимодействие.

В связи с вышесказанным представляется актуальным анализ культурных смыслов, лежащих в основе книги Т. Готье «Путешествие в Россию». Как показало исследование, одним из основных смыслов является «праведность простого человека», которую автор считает характерной для русского народа.

Интересно, что в целом текст Т. Готье не содержит большого количества оценок, тем более этического характера, автор не склонен к морализаторству или далеко идущим выводам. Исследователи говорят о его книге как об «импрессионистической живописи» в прозе [6, с. 10], поскольку важнейшее место здесь занимают лиричные, глубоко поэтические и длинные описания природы, архитектуры городов, интерьеров и одежды [2, с. 663-664], причем оформленные таким образом, что, как и настоящая импрессионистическая живопись, с успехом создают впечатление и настроение у читателя.

Безусловно, положительное представление о типичном представителе русского народа у Т. Готье сложилось не случайно. Важным фактором стали сами обстоятельства приезда французского писателя в Санкт-Петербург. Его визит пришелся на период охлаждения дипломатических отношений между Россией и Францией, чему немало способствовала публикация и популярность скандальной книги маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», в которой страна предстает отсталой, мрачной, а народ и власть глубоко порочными. В результате въезд в Россию путешествующим в познавательных целях иностранцам был воспрещен. Теофиль Готье, напротив, получил высочайшее разрешение на посещение страны, поскольку от него ожидали «художественного опровержения» на книгу А. де Кюстина.

Приветливо встреченный француз как будто не замечает проблем, с которыми сталкивается страна и ее население, – путешественник не описывает ни кризис крепостнической системы, ни сложности, возникшие в результате ее отмены. В путевых заметках Т. Готье Россия – это красивая и духовно развитая держава. Такими предстают в тексте и сами россияне. Особенными духовными качествами, праведностью, по наблюдениям Т. Готье, обладают простые русские люди. Праведность, таким образом, становится одним из ключевых культурных смыслов, репрезентированных в книге «Путешествие в Россию».

Под культурным смыслом в настоящей работы мы понимаем продукт человеческой мысли, самостоятельный объект мышления, а также составляющую мира культуры (вслед за А.С. Карминым и Е.С. Новиковой [3, с. 20-21], такую единицу культурного знания, которая отражает характерные особенности национальной культуры, будучи «средоточием уникального процесса... самобытного сообщества людей», а также «являются подлинной мерой человечности» и «бытийной константой мира» [5, с. 115]. Таким образом, культурный смысл праведности связан с культурно-специфическими характеристиками, вошедшими в стереотипное представление о простом русском народе, основу которого закладывает в том числе и исследуемое произведение. При этом представляется, что праведность можно включить в общую культурную категорию греховности по принципу антонимии, наряду с другими противоположными греху понятиями о святости, искуплении, прощении и пр.

Рассмотрим подробнее, каким образом Т. Готье удается передать читателю культурный смысл праведности, отсутствия склонности к греху, духовной чистоты простого русского человека. Самый первый встреченный им «мужик» (примечательно, что это слово в оригинальной французской версии книги является калькой с русского – «*troujik*») приводит автора к мысли об образе Христа: он причесан на прямой пробор и носит слегка вьющу-

юся бороду. Ничего во внешности мужика не противоречит выбранному автором книги идеальному прототипу – простой русский моряк чисто одет, он ловок и строен.

В книге Т. Готье не только собственно русский народ отличается своей религиозностью, но вся окружающая автора произведения городская среда. Уже на самых первых страницах писатель подчеркивает общую духовность принимающей его страны: он описывает свои впечатления от Санкт-Петербурга, встретившего его блеском куполов церквей и колоколен [1, с. 26-27], повсюду он встречает изображения креста, иконы, часовни, соборы и пр.

Т. Готье неоднократно подчеркивает чистоту русских людей: они, хотя и носят везде и непременно свои тулупы, которые со временем засаливаются и чернеют, все же под верхней одеждой сохраняют чистоту, поскольку каждую неделю ходят в баню. Писатель даже сравнивает чистоту простого мужика и парижской красоти, «слепленной из кольдкрема и рисовой пудры», и находит, что любой крестьянин, выходящий из бани чище [1, с. 221]. Эта внешняя чистота (Т. Готье настаивает на «исключительной чистоте» [1, с. 46].) является для писателя залогом и внутренней духовной, моральной чистоты. Он пишет, что лица у мужиков мягкие, трогательно простодушные, добрые и умные, и к тому же встреченные им люди демонстрируют вежливое обращение с окружающими, что разительно отличает их от соотечественников Т. Готье [1, с. 29-30].

Писатель неоднократно упоминает о необыкновенной честности русского человека: честен приказчик, принимающий заказы, честен и простой торговец блошиного рынка. Простой русский человек не только честен, и аккуратен в подсчетах, он также щедр и добр, причем не только с людьми, но даже с домашними животными и птицами. Таким предстает перед читателем типичный извозчик, который обращается к своим лошадям не только с бранью, но и с неожиданной нежностью, торговец продуктовой лавки, который зимой ежедневно кормит голубей («Жить ведь нужно всем») [1, с. 57] и другие.

О трепетном отношении к животным автор рассказывает также в пятой главе своей книги. Мужик, выигравший гонки по замерзшей Неве, отказывается продавать своих быстрых «милых лошадок», к которым он сильно привязался, и которые составляют не только основу его заработка, но и всей жизни [1, с. 98-99].

Русские женщины в изображении Т. Готье предстают не менее опрятными, одетыми вне зависимости от социального статуса с некоторым «стилем и благородством», они скромны и даже покорны, не движимы гордыней, принимают свое положение в обществе, «их... глаза не зажигает искра зависти» [1, с. 46-49].

Рассуждая о гордыне, которая не свойственна русскому народу, Т. Готье подчеркивает, что даже простой кучер обладает чувством собственного достоинства, которое не позволяет ему вести себя непристойно или повышать голос на своих пассажиров [1, с. 52].

Собственно, стремление к праведному образу жизни проявляется в постоянном религиозном рвении простого народа. Так, например, описывая установленную у часовни икону, Т. Готье указывает, что все, кто проходит мимо, произносят молитву и крестятся, а мужчины обязательно снимают шапку, несмотря на сильный мороз. Женщины часто преклоняют колени и целуют образ, многие подают милостыню, так, что копейки «льются рекой» (еще одна из многих отсылок к щедрости русского человека) [1, с. 64].

Даже на Щукином дворе Санкт-Петербурга, квартале блошиного рынка, где повсюду грязь и «перегной», устроено немало часовен, проходящие мимо усердно и часто крестятся, молятся, «падают ниц лбом» и бросают монеты в церковные кружки [1, с. 142]. Торговцы ико-

нами отличаются от других продавцов Щукина двора опрятностью, аккуратной стрижкой, и все также напоминают писателю Христа. Они на редкость вежливы, обходительны с покупателями, гордятся своим уникальным товаром.

Итак, в книге Т. Готье большое значение придается такой характеристике русского народа как праведность. Многочисленные детали, глубокая образность и метафоричность, высокая частотность обращения автора к данной характеристике позволила сделать вывод о том, что она представляет собой культурный смысл, который отражает специфические особенности русской национальной культуры и является частью стереотипного представления европейца о простом русском человеке. Концепция праведности репрезентируется в тексте книги «Путешествие в Россию» через описание таких качеств, как внешняя и внутренняя чистота русского народа, глубокая религиозность и приверженность к церковным ритуалам, честность, щедрость, уважение себя и других, сострадание к близким людям и животным, а также отсутствие гордыни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готье Т. Путешествие в Россию // Собрание сочинений: в 6-ти томах. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2017. Т. 5. 384 с.
2. Зенкин С.Н. Теофиль Готье – писатель-художник // Младофранки. Новеллы. Сказки: в 2 книгах. Москва: ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Наука», 2022. С. 663-697.
3. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2005. 464 с.
4. Кондаков И.В. Русский литературоцентризм // Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И. В. Кондакова: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 2017 года / Министерство образования Московской области; Академия социального управления. Москва: Академия социального управления, 2017. С. 8-13.
5. Шишова Н.В. Культурология: словарь-справочник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 596 с.
6. Geisler-Szmulewicz A., Montandon A. Introduction // La poésie de Gautier: textes et postures. P.: Lucie éditions, 2021. P. 9-12.

© Семухина Елена Александровна (semuh@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОСЛАВИЕ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

ORTHODOXY IN RUSSIAN CULTURE: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT

V. Skopa

Summary: Due to the penetration and influence of Orthodox culture, the religious elements of Russian social culture are multifaceted. The role of Orthodoxy in the modern culture of Russia is very significant both from a theoretical point of view and from a practice-oriented point of view - the upbringing of the younger generation. The popularization of Orthodoxy in modern Russian culture is conditioned by the realities of the time. This opinion is based on the specifics of the transition periods in the history of Russian culture. At the initial stage of historical transitions in Russian culture, there was a general crisis of spirituality, expressed in the dominance of ideas of apathy and the uncertainty of the future. With the onset of a turning point and the beginning of the process of exhaustion of the transitional era, there was a return to the most stable semantic and axiological elements of national culture that had been formed throughout its history. In Russian culture, symptoms of a way out of the crisis are currently observed, a favorable moment is coming for creating the foundations of a new cultural-historical type, where an important role is assigned to Orthodoxy.

Keywords: culture, Orthodoxy, Russia, Yu. M. Lotman, culturology, value orientations, axiology.

Аннотация: Благодаря проникновению и влиянию православной культуры, религиозные элементы российской социальной культуры многогранны. Роль православия в современной культуре России весьма значима как с теоретической точки зрения, так и с практикоориентированной – воспитание подрастающего поколения. Популяризация православия в современной русской культуре обусловлена реалиями времени. Данное мнение опирается на специфику протекания переходных периодов в истории русской культуры. На начальном этапе исторических переходов в русской культуре отмечался общий кризис духовности, выраженный в доминировании идей апатии и неопределенности будущего. С наступлением переломной ситуации и начала процесса исчерпания переходной эпохи, происходил возврат к наиболее устойчивым смысловым и аксиологическим элементам отечественной культуры, которые формировались на протяжении ее истории. В русской культуре в настоящее время наблюдаются симптомы выхода из кризисного состояния, настает благоприятный момент для создания основ нового культурно-исторического типа, где важная роль отведена православию.

Ключевые слова: культура, православие, Россия, Ю.М. Лотман, культурология, ценностные ориентиры, аксиология.

Сегодняшний мир оценивается как глобализирующийся не только экономически и политически, но и информационно, социокультурно [2]. Реалии современной жизни заставляют переосмыслить и по-новому взглянуть, казалось бы, на устоявшиеся вещи, актуализировать и придать новый оттенок базовым категориям жизненного бытия человека – нравственности, доброте, любви, где православие в этом играет важнейшую роль, выступая фундаментом в созидании и творении [6].

Заявленная проблема – православие в современной культуре России является достаточно актуальной как с теоретической точки зрения, так и с практикоориентированной – воспитание подрастающего поколения. В первую очередь, данный вопрос стал следствием продолжающегося в русской культуре перехода от советского культурно-исторического типа к постсоветскому. В ситуации перехода, сопровождаемого большим числом кризисных феноменов: трансформация аксиологических основ русской культуры, возрастание интереса к православию.

Следует отметить, что популяризация православия в

современной русской культуре в значительной степени обусловлена реалиями времени. Данное мнение опирается на специфику протекания переходных периодов в истории русской культуры. В частности, на начальном этапе исторических переходов в русской культуре отмечается общий кризис духовности, выраженный в доминировании идей апатии и неопределенности будущего. Далее, с наступлением переломной ситуации и начала процесса исчерпания переходной эпохи, происходит возврат к наиболее устойчивым смысловым и аксиологическим элементам отечественной культуры, сформировавшимся на протяжении ее истории. В русской культуре в настоящее время наблюдаются симптомы выхода из кризисного состояния, а значит, настает благоприятный момент для создания основ нового культурно-исторического типа. Таким образом, роль, значение и востребованность православия в России обусловлена тем, что современная русская культура на фоне кризисных симптомов духовности нуждается в обретении четких аксиологических ориентиров.

Проблемой на пути выхода из кризиса являются су-

щественные черты русской культуры, а именно ее «бинарность» и «ценностно-смысловой раскол», особенно ярко проявляющиеся в переходные периоды истории. Изучению данных характеристик отечественной культуры посвящены работы Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского [8, 10]. В частности, в семиотическом пространстве бинарных культур авторы констатируют наличие противоположных ценностных полюсов. Бинарная культура развивается по принципу движения маятника, попеременно отвергая одни ценности и принимая противоположные. «Здесь борющиеся тенденции вынуждены сталкиваться лицом к лицу, не имея никакой третьей альтернативы» [8, с. 385]. Согласно мнению Ю.М. Лотмана, русская культура полностью соответствует бинарному типу, поскольку в ее истории наблюдается периодическое колебание между ценностными крайностями в решении тех или иных вопросов [8]. В такой ситуации смысловой «раскол» становится основным качеством культуры, максимально обостряясь в переходные периоды. В результате культура попадает в состояние невозможности определить свой ценностно-смысловой вектор развития и «застревает» в состоянии кризиса.

Схожий взгляд на природу русской культуры высказал А.С. Ахиезер [3]. В основу культурно-исторического процесса автор помещает принцип, согласно которому периодизация истории определяется сменой основных ценностных ориентаций общества. Ахиезер А.С. отмечал, что «... в истории человечества можно выделить два основных типа ценностей, что свидетельствует о существовании двух основных типов цивилизаций, или суперцивилизаций – традиционной и либеральной» [3, с. 12-13]. Россия в своем историческом развитии вышла за рамки традиционной цивилизации, но не сумела преодолеть границу либеральной. В результате в русской культуре сформировалось два ценностно-смысловых полюса. В частности, олицетворением традиционного компонента русской культуры стало православие, а либеральная составляющая получила выражение в заимствовании смыслов и ценностей западноевропейской культуры. Таким образом, автор констатирует, что в основе самобытности России лежит раскол, который пронизывает культуру, социальные отношения, личность, воспроизводственную деятельность.

Начало переходных периодов в русской культуре, как правило, сопровождается отторжением и пересмотром стержневых ценностей, и, соответственно, данная тенденция сказывается на православном компоненте. К историческим примерам данных переходов можно отнести Смуту, петровские реформы и следующая за ними трансформация всего общества, рубеж XIX - XX столетий [1].

Как уже было отмечено, в условиях перехода в русской культуре пробуждается противоположная православию тематика, выраженная в популяризации опре-

деленного перечня духовных настроений, в частности темы «хаоса». В русской культуре данная тема получает отражение в образе «демонического».

Быстро и нелогично меняющаяся реальность возрождает в переходные моменты истории тему «непостоянства». В смысловой сфере русской культуры это выражается в том, что мир начинает восприниматься скорее, как кажущийся и иллюзорный, нежели как устойчивый, стабильный и ясный. В такой ситуации в культуре открывается простор для «духовного брожения» в объяснении смыслов и жизненных ценностей.

На фоне большого числа кризисных симптомов «переходности» в русской культуре получает распространение тема «регресса». В обществе культивируются представления о том, что с течением времени оно деградирует и на фоне «золотого века» собственной древности культура движется в направлении вырождения и бездуховности. Отмеченные характеристики времени, несомненно, оказывают влияние на востребованность целостной картины мира, ценностного и смыслового базиса в современной русской культуре. В данном контексте религия является источником возвращения человека к утраченным нравственным ценностям: солидарности, братства, свободы и равенства, одной из причин разрушения, которых является навязывание элементов западной культуры в сознание народов России [5]. Однако её несостоятельность позволяет донести до осознания современного поколения ценности воссоединения и целостности культурной традиции.

Исторический опыт показывает, что аксиологическое «ядро» русской культуры составляет православие, и, соответственно, выход из кризисного состояния должен сопровождаться возвращением к «стержневым», в частности к православным основам отечественной культуры. Данная точка зрения укоренилась в работах многих известных философов и ученых, изучавших кризис русской культуры рубежа XIX-XX веков. Так, К.Н. Леонтьев предложил рассматривать историю отдельных культур как «триединый процесс развития» [7]. Развитие как таковое, по мнению Леонтьева, строится следующим образом: «Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую «Нирвану»» [7, с. 187]. В концепции К.Н. Леонтьева, глобальный кризис рубежа XIX-XX вв. предстает как следствие экспансии стареющего и вырождающегося типа западной цивилизации, превратившей разнообразный мир традиционных культур в мир универсализма и серийности. Выход из кризиса следует искать в преодолении влияния отживающего культурно-исторического типа и возвращении к исконной духовности, сформировавшейся в лоне традиционной русской культуры.

Религиозный философ Е.Н. Трубецкой, анализируя природу кризиса культуры в России, отмечал, что кризис – это момент искупления и очищения «звериного царства» [9]. Трубецкой Е.Н. определял, что кризис есть ничто иное как апогей разрастания антирелигиозного элемента культуры [9]. «Мировые катастрофы повторяются в истории. При каждом повторении они становятся глубже и шире, распространяются на все большую и большую область земной поверхности» [9, с. 225]. «До поры до времени темные силы хаоса в каждом человеческом обществе сдерживаются частью противоположными, светлыми духовными силами Когда эти сдержки слабеют, огонь поглощает созревшее для гибели. Все государства в мире огню блюдомы надень суда» [9, с. 254]. Если народ найдет в себе духовные силы и направит собственную культуру на реализацию «положительных» ценностей, то это может отсрочить момент катастрофы на некоторое время. «Путь спасения – вообще путь катастрофический. И каждый новый шаг на этом пути, каждое новое огненное испытание готовит катастрофу заключительную и тем самым приближает мир к его вечному концу» [9, с. 278].

Анализируя природу кризиса культуры рубежа XIX-XX вв. С.Л. Франк отмечал, что данный кризис представляет собой повторение эпохи варварства, казалось бы, отошедшей в безвозвратное прошлое и олицетворяющей собой всю сложность и противоречивость культуры, находящейся в состоянии упадка [11]. Франк видел выход из варварства в духовном возрождении, в нарастании внутренне осмысленного, проникнутого любовью отношения к жизни. В русле данного рассуждения он отмечал: «чтобы не ощущать смертельной пустоты в глубине, так сказать, в последнем конце нашего духа, надо, чтобы он и не имел этого конца, надо, чтобы он был непосредственно связан с бесконечным духом. Чтобы жизнь наша не иссякла, надо, чтобы она изну-

три питалась вечным источником жизни» [11, с. 196].

Таким образом можно отметить, что православие в современной культуре России весьма значимо и весомо, и представляет собой возвращение культуры, завершающей исторический переход к своим аксиологическим основаниям. Примером такого видения исхода переходных периодов в культурно-историческом развитии являются взгляды Н.А. Бердяева. «Ошибочно видеть в упадничестве что-то исключительно отрицательное и бессильное. Упадничество есть также и огромное утончение и усложнение, в нем есть своя красота и свой свет. Упадничество есть раздвоение, рождающее знание, неведомое эпохам цельности» [4, с. 328]. В результате прохождения через состояние упадка или кризиса дряхлеющая культура обновляется, получая новый приток сил, идущий от нахлынувшего потока «варварства плоти», «крови и духа», приходящего извне или изнутри.

Таким образом, историческая логика развития русской культуры, в частности ее аксиологической и смысловой составляющей, в настоящее время направлена на возрождение православного компонента. Данная тенденция является исторически оправданной и логичной. Однако, в вопросах популяризации православия следует учитывать и реалии современности. В частности, мультирелигиозный характер российского общества, доминанту научной картины мира и светскую направленность образования. Православие в современной культуре предстает не как возвращение к теологии и средневековому образу жизни. В настоящее время православие актуально в качестве воплощения нравственного императива, регламентирующего жизнь общества. Православие определяет жизненные ориентиры, помогающие человеку обрести устойчивые представления о мире и собственном предназначении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Н. Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Отдел третий: Политическая идеология различных классов русского общества в XVIII в. // Русский исторический журнал М., 1999. Т. II. № 3. – С. 117-156.
2. Амельченков В.Л. (Серафим) Православная культура в информационном пространстве современной России // Вестник культуры и искусств. 2019. № 3 (59). – С. 39-46.
3. Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4/5. – С. 3-25.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. – 541 с.
5. Ирхен И.И. Культурологический анализ региональных процессов в современной России // Филология и культура. 2011. № 1 (23). – С. 103-108.
6. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт-на-Майне, 1981. – 284 с.
7. Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. – 334 с.
8. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. СПб. 2002. – 765 с.
9. Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. – 352 с.
10. Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. – 608 с.
11. Франк С.Л. Философия и жизнь (этюды и наброски по философии культуры). СПб., 1910 – 389 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ХЭЙЛУНЦЗЯН НА ГРАНИЦЕ РОССИИ И КИТАЯ¹

Юй Юнмин

Старший преподаватель, Хэйхэский университет,
г.Хэйхэ
dtszyan@mail.ru

Ван Луюн

Доцент, Хэйхэский университет,
г.Хэйхэ

Ван Гун

Старший преподаватель, Хэйхэский университет,
г.Хэйхэ

1.

RESEARCH ON CULTURAL HERITAGE IN THE HEILONGJIANG RIVER BASIN ON THE RUSSIAN-CHINESE BORDER

Yu Yongming
Wang Luyang
Wang Gong

Summary: The article describes the relationship between Russia and China in the field of preservation and dissemination of cultural heritage in the border areas. The aim of the work is to present the significance of cultural heritage in the Heilongjiang River basin. The aim of the work on the project is to encourage people to consciously protect the cultural heritage and intangible cultural heritage of the country. The scientific novelty of the study is an attempt of a new approach to cultural heritage in the Heilongjiang River basin in China and Russia, using the studios of the Chinese-Russian Scientific, Technical and Cultural Industrial Art Park of the Heihe Institute to promote the promotion and preservation of values. The author concludes that the dissemination of cultural values is very important for the exchange of experience between Russia and China, and the residents of the Far East region and coastal China need to study their historical roots.

Keywords: Heilongjiang River, cultural heritage, souvenirs, international relations, Russia, China, cooperation.

Аннотация: Статья посвящена описанию отношений между Россией и Китаем в области сохранения и распространения культурного наследия приграничных зон. Целью работы является представление значимости культурного наследия в бассейне реки Хэйлунцзян. Целью работы над проектом является побуждение людей к сознательной защите культурного наследия и нематериального культурного наследия страны. Научной новизной исследования является попытка нового подхода к культурному наследию в бассейне реки Хэйлунцзян в Китае и России с использованием студий Китайско-российского научно-технического и культурного индустриального парка искусств Института Хэйхэ для продвижения пропаганды и сохранения ценностей. Автор приходит к выводу, что распространение культурных ценностей очень значимо для обмена опытом между Россией и Китаем, а жителям Дальневосточного региона и прибрежного Китая необходимо изучать свои исторические корни.

Ключевые слова: река Хэйлунцзян, культурное наследие, сувенирная продукция, международные отношения, Россия, Китай, сотрудничество.

Введение

Изучение культурного наследия в бассейне реки Хэйлунцзян в Китае и России представляет собой актуальное направление современной культурологии. Проект предполагает выполнение обзора литературы и интеграции данных для цифрового восстановления и воссоздания культурных объектов бассейна реки Хэйлунцзян.

Целью работы является представление значимости культурного наследия в бассейне реки Хэйлунцзян. Целью работы над проектом является побуждение людей к сознательной защите культурного наследия и нематериального культурного наследия страны.

Научной новизной исследования является попытка нового подхода к культурному наследию в бассейне реки

Хэйлунцзян в Китае и России с использованием студий Китайско-российского научно-технического и культурного индустриального парка искусств Института Хэйхэ для продвижения пропаганды и сохранения ценностей.

Практическая значимость проекта состоит в том, что изучение культурного наследия России и Китая имеет большое значение для охраны наследия в стране и за рубежом. Материалы статьи могут быть использованы при подготовке занятий по культурологии, истории Китая и России, а также при анализе международных отношений РФ и КНР.

Обзор исследований культурного наследия в бассейне реки Хэйлунцзян

В электронной научной библиотеке «КиберЛенинка»

¹ Данная статья публикуется в рамках научно-исследовательского проекта основного операционного расхода вузов в провинции Хэйлунцзян 2020 г. на тему «Исследование наследования культурного наследия в бассейне реки Хэйлунцзян в Китае и России». Проект:2020-KYYWF-0887

насчитывается 213 работ с ключевым словом «река Хэйлуцзян». Нами были отобраны 10 исследований, которые будут интересны при анализе культурного наследия бассейна реки Хэйлуцзян. Данные работы представляют собой исследования из разных областей знаний: лингвистические, литературоведческие, исторические, а также охватывающие тематику туризма, международных отношений и стихийных бедствий.

Река Хэйлуцзян (Амур) является одной из самых крупных рек Китая, она течет через Китай, Россию и Монголию. При этом 1887 км ее длины находится на границе России и Китая [4, с. 5]. В 1928 году исследователь Чэнь Ханьшэн исследовал окрестные деревни, усадьбы помещиков и их крестьян, проживающих вдоль бассейна реки Хэйлуцзян. По итогам экспедиции был опубликован научный труд «Крестьяне и помещики бассейна реки Хэйлуцзян» [6].

Исследователь Чжао Фусин анализировал культурные особенности быта народа ороочонов, живших вдоль реки Хэйлуцзян (кит. 黑龙江, сейчас р. Амур). Поскольку этот этнос относился к кочевым племенам, то основным источником их образов для декоративных узоров стало природное богатство [5].

Необходимо отметить, что река Хэйлуцзян стала торговым путем между Россией и Китаем с 1858 года и подписания китайско-русского Айгунского договора. В 1882 году в верховьях реки Хэйлуцзян (Мохэ) было найдено большое количество рассыпного золота [2, с. 72]. С этого времени начались крупные миграции с севера на юг в эти области для поиска культурных ценностей.

Особенности международных отношений между Россией и Китаем, посвященные вызовам и приоритетам развития в Дальневосточном федеральном округе РФ посвящены исследования Ян Нань и Го Пэйцзин [Ян, Пэйцзин 2022], Ли Хунцзюань [Ли 2020], А.В. Бризицкой [Бризицкая 2006], Чжао Личжи [Чжао 2012]. В этих работах отражены основные аспекты приграничного сотрудничества и внешнеторговые отношения двух государств. Кроме этого, проанализированы возможные пути для развития туризма, динамизма торговых отношений, развития энергетики в Дальневосточном регионе России, мероприятия по обучению нанайцев родному языку. Элементы внешней политики, изучение жителями приграничных территорий русского и китайского языка, улучшение связи между странами позволит жителям улучшить отношения в сфере туризма и привлечь граждан к сохранению и распространению культурных ценностей.

Перечисленные работы имеют большую научную ценность для составления проекта по изучению культурного наследия в бассейне реки Хэйлуцзян.

Значимость культурного наследия в бассейне реки Хэйлуцзян

Название реки Хэйлуцзян связано для китайцев с таинственным миром мрака, темноты и упадка. Лексема на китайском языке «黑龙江 heilongjiang» переводится как «река черного дракона» [3, с. 230]. Исследователи отмечают, что такой перевод связан с неизведанностью и неизвестностью того, что расположено с другой стороны реки, именуемое «мир варваров» [3, с. 231].

Как отмечают исследователи Вэй Синьсинь и Чжан Ян, специфическими культурными особенностями северо-востока Китая являются: стабильность, изменчивость, преемственность и вариативность [1, с. 387]. Пограничное географическое положение, исторические и климатические условия способствовали развитию индивидуализации местной культуры.

К объектам культурного наследия древних жителей бассейна реки Хэйлуцзян можно отнести памятные монеты, картины, кулоны, спиннеры с изображением драконов, украшения, произведения каллиграфии и живописи, представляющие художественную ценность. Природные ресурсы, к которым относятся горы и реки, холмы, животные и полезные ископаемые могут быть перенесены в художественные фотографии и объемные модели снежных пейзажей, пазлы.

Для сохранения и распространения уникальных объектов культуры можно использовать студии новых медиа, студию анимации и печатной рекламы. Кроме этого, знакомство с культурными традициями и ценностями может проводиться с помощью игр на онлайн-платформах, 3D-моделей, анимации, иллюстраций и H5.

Древние объекты, представляющие культурную и научную ценность, необходимо заархивировать, записать в цифровом формате для удобства хранения и поиска и графировать для создания специальной базы графических изображений.

Для проведения академического и профессионального анализа культурного наследия необходимо подключить экспертов с целью обобщения исследовательской ценности наследия российского и китайского бассейна реки Хэйлуцзян. Для привлечения внимания общественности следует организовывать цифровые выставки, демонстрации и показы культурного наследия, чтобы большее число сознательных граждан выступали за сохранение культурных объектов, расположенных в бассейне реки Хэйлуцзян.

С помощью рекламы можно разработать творческую и сувенирную продукцию с помощью студийной плат-

формы Китайско-российского научно-технического и культурного индустриального парка искусств Института Хэйхэ для продвижения пропаганды и сохранения ценностей, а также онлайн и офлайн продвижения для увеличения продаж.

Кроме этого, изучение культурного наследия будет способствовать объединению культурного наследия с туризмом, а также распространению не только внутри страны, но и за рубежом.

Заключение

Таким образом, в статье проанализированы пути распространения культурного наследия на приграничных территориях России и Китая в бассейне реки Хэйлунцзян. Культурные объекты, монеты, элементы живописи и графики интересовали жителей приграничных районов еще с конца XIX века. Особый климат, красивые пейзажи, улицы, дома, особенности речи местных жителей привлекали туристов.

Однако не все культурные объекты могут быть известны широкому кругу населения России и Китая. В нашей работе мы предприняли попытку рассказать меры распространения культурных объектов с помощью оцифровки, анимации, сувенирной продукции с изображением холмов и достопримечательностей бассейна реки Хэйлунцзян. Студийная платформа Китайско-российского научно-технического и культурного индустриального парка искусств Института Хэйхэ для продвижения пропаганды и сохранения ценностей, а также онлайн и офлайн продвижение культурных ценностей будет способствовать активному привлечению туристов и увеличению продаж сувениров.

Распространение культурных ценностей очень значимо для обмена опытом между Россией и Китаем, а жителям Дальневосточного региона и прибрежного Китая необходимо изучать свои исторические корни, чтобы понимать сущность развития международного сотрудничества, развития дорог, энергосвязей и др. материальных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэй Синьсинь, Чжан Ян. Дизайн-стратегия и вопросы реализации туристической культурно-творческой продукции на Северо-Востоке Китая // Мanusкрипт. 2021. Том 14. Выпуск 2. С. 386-392.
2. Го Мэн. Миграция населения из России в Китай: исторический опыт натурализации и сохранения самобытности (конец XVII–XX веков) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2015. № 5 (15). С. 71-77.
3. Ручина А.В., Хоречко У.В. Базовые цветовые концепты в китайском языке. Анализ устойчивых словосочетаний // Вестник науки Сибири. 2014. № 2 (12). С. 228-234.
4. Сардановский С.Ю. Зарубежный опыт борьбы с бедствиями и катастрофами // Технологии гражданской безопасности. 2014. № 4 (42). С. 4-9. ISSN 1996-8493.
5. 鄂伦春族简史. 呼伦贝尔: 国家出版社, 2008. Краткая история народности орохонов. Хулунбуир: Национальное издательство, 2008. 240 с.
6. 陈翰笙. 黑龙江流域的农民和地主. 上海 = Чэнь Ханьшэн. Крестьяне и помещики бассейна реки Хэйлунцзян. Шанхай, 1929. 227 с.

© Юй Юнмин (dtszyan@mail.ru), Ван Луюн,
Ван Гун.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ШКОЛЬНОГО ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

INDIVIDUAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS AS A FACTOR OF THE EFFICIENCY OF SCHOOL DISTANCE LEARNING

V. Avramtsev
A. Potemkina

Summary: The article studies the problem of the influence of individual psychological qualities of students on the effectiveness of distance learning. The features of school distance learning are revealed. The conditions for its optimization are described. The essence of the individual psychological characteristics of schoolchildren is analyzed. The qualities of students (individual, subjective, personal and individuality) that affect the effectiveness of distance learning are described.

Keywords: school distance learning, individual psychological characteristics, students, efficiency, individual style of activity.

Аврамцев Владимир Владимирович

кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский институт управления - филиал РАНХиГС
vvavr@mail.ru

Потемкина Анна Алексеевна

Аспирант, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС
apotemkina-20@edu.ranepa.ru

Аннотация: В статье изучается проблема влияния индивидуально-психологических качеств обучающихся на эффективность дистанционного обучения. Выявлены особенности школьного дистанционного обучения. Описаны условия его оптимизации. Проанализирована сущность индивидуально-психологических особенностей школьников. Описаны качества обучающихся (индивидуальные, субъективные, личностные и индивидуальные), влияющие на эффективность дистанционного обучения.

Ключевые слова: школьное дистанционное обучение, индивидуально-психологические особенности, обучающиеся, эффективность, индивидуальный стиль деятельности.

В настоящее время человек включен в пространство цифровизации, процессы которой пронизывают все сферы социокультурной жизни, в том числе в организацию и осуществление образовательной деятельности. Опыт образовательной деятельности в дистанционном формате показывает, что такой способ обучения предоставляет богатые возможности самообучения, содержит огромный развивающий потенциал, в то же время, включает в себя ряд проблем организации процесса обучения, дидактического и психолого-педагогического сопровождения, обеспечения качества учебно-воспитательной деятельности. Решение этих проблем связано с детальным изучением факторов эффективности школьного дистанционного обучения.

В современных исследованиях данной проблемы четко определены данные факторы. Так, в трудах О.Н. Новиковой [5] указано, что на эффективность дистанционного обучения влияют три группы условий: «материально-технические, организационно-методические и социально-психологические» [5, с.69].

В рамках статьи мы изучим последний из представленных факторов, уделив особое внимание индивидуально-психологическим особенностям обучающихся, как основе познавательной активности и уровня обучаемости субъекта учения.

Задачи исследования:

1. Определить сущностные характеристики дистанционного обучения, описать уровни его организации в условиях школы.
2. Проанализировать специфику индивидуально-психологических особенностей обучающихся, оказывающих влияние на эффективность дистанционного обучения.
3. Сформулировать рекомендации по оптимизации дистанционного обучения в рамках общеобразовательной школы.

Итак, определимся с понятием «дистанционное обучение» (ДО). Дистанционное обучение относится к «образованию, полученному с использованием телекоммуникационных технологий (в форме дистанционного обучения)» [2, с.170].

В научных разработках А.Ю. Романовой конкретизируется суть дистанционных образовательных технологий (ДОТ) как совокупности «инновационных информационных и телекоммуникационных технологий, где взаимосвязь между педагогом и учащимся осуществляется на расстоянии» [8, с.766]. Анализ исследований по изучению ключевых характеристик ДО позволил нам сформулировать ключевые характеристики данной образовательной технологии (Рисунок 1).

Рис. 1. Особенности дистанционного обучения

Первый компонент в специфике дистанционного обучения описывает дидактическую особенность организации учебной деятельности, связанную со значительным повышением удельного веса самостоятельной работы обучающихся, следовательно, с грамотной методикой психолого-педагогического сопровождения таких занятий. Реализация дистанционного обучения требует активизации навыков учебно-исследовательской, поисковой активности, достаточного уровня развития познавательной активности, информационных компетенций и исследовательских навыков.

Второй компонент предполагает выстраивание учебного процесса с фасилитацией мотивации саморазвития и самообразования обучающихся. В частности речь идет об организации дополнительной работы (например, в рамках осуществления проектной деятельности) по усовершенствованию школьниками своих знаний. Преподавание с опорой на интерес, задействование системы развития творческой активности содействует саморазвитию детей. Дистанционное обучение располагает большими преимуществами, связанными с удовлетворением познавательных интересов, предоставлением образовательных ресурсов и тематических сообществ согласно возрастно-психологическим особенностям и программным требованиям обучения.

Третий компонент связан с внедрением инновационных ИКТ-технологий наряду с традиционными формами обучения. Компьютер, дополнительные мультимедийные устройства обеспечивают оптимальное взаимодействие между обучаемым, обучающим и средством обучения в рамках дистанционного обучения. При этом, дистанционное обучение становится возможным на основе средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обладающим интерактивностью, возможностью обеспечения незамедлительной обратной

связи, возможностью предоставления огромных объемов аудиовизуальной информации адекватно интересам обучающихся.

Четвертый компонент предполагает упрощение многих операций текущего контроля, а также, благодаря автоматизации данных операций, способствует развитию рефлексии в оценки собственных знаний у обучающихся.

Рассматривая социально-психологические условия организации дистанционного обучения, отметим, что существуют определенные характеристики обучающихся, от качества реализации которых зависит эффективность дистанционного обучения в школе. К основным из них исследователи [2,4,6,8] относят следующие характеристики: способность гибко трансформировать установки и направленность мотивации на учебный процесс в рамках ДО; умение самоорганизации и дисциплины, положительный эмоциональный настрой; специфику протекания психофизиологических процессов; коммуникативную активность, качество социального контакта и направленности для достижения устойчивого мотива творческого и познавательного интереса обучающихся.

Рассмотрим детально сущность индивидуально-психологических особенностей обучающихся, задействованных в освоении дистанционного формата учения. Современное учение об индивидуальности характеризуется многообразием и многоплановостью. В трудах С.Л. Рубинштейна [9] представлены основы современного представления о целостной индивидуальности человека. Ключевые компоненты в структуре индивидуальности по С.Л. Рубинштейну представлены на рисунке 2.

Данные свойства формируются и проявляются в деятельности.

Рис. 2. Компоненты индивидуальности.

Индивидуальный стиль деятельности (ИСД) обеспечивает связи между разноуровневыми свойствами индивидуальности обучающихся. Благодаря развитию ИСД становится возможным достижение гармонии между свойствами нервной системы и определенными личностными характеристиками, например, мотивационной стороной личности и направленностью. По мнению Е.А. Климова, ИСД как характеристика индивидуальности связана, прежде всего, с формированием, так называемых компенсаторных механизмов в учебной деятельности, способствующих ее успешной реализации. В случае наличия у обучающихся качеств, благоприятно влияющих на осуществление учебной деятельности, развитие индивидуального стиля будет связано с поиском таких способов учения в дистанционном формате, которые позволят максимально использовать свои возможности (как индивида, субъекта, личности и индивидуальности). В итоге, развитие ИСД будет способствовать переходу личности обучающихся на более высокий уровень реализации учебной деятельности в онлайн-формате, формированию ее индивидуальных, своеобразных способов с ориентацией на лучший результат учения.

Применяя данное знание к задачам нашего исследования, представим требования к индивидуально-психологическим характеристикам обучающихся, оказывающим влияние на эффективность обучения и лежащих в основе ИСД при обучении в дистанционном формате. (Таблица 1.)

Следует отметить, что с повышением уровня организации дистанционного обучения возрастает роль самостоятельной деятельности обучающихся на основе активного включения образовательных возможностей Интернет-технологий (образовательных онлайн-платформ).

В настоящее время наиболее востребованы такие, как «Учи.ру», Якласс и ЛЕСТА. Так, всероссийский портал «Учи. ру» обеспечивает свободный доступ к образовательным курсам, разработанным в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов. Возможности платформы реализуют принцип индивидуализации обучения (выбор сложности заданий, их индивидуальная проработка), обеспечивают игровой характер и наглядность, наличие обратной связи для поддержки мотивации.

Интерактивная образовательная онлайн-платформа «ЯКласс» содержит задания по каждому учебному предмету с учетом возрастных особенностей обучающихся. При этом дети работают с электронными учебниками, самостоятельно выполняя задания в них.

Платформа ЛЕСТА предоставляет доступ не только к электронным учебникам, проверочным работам, но и к интерактивным тренажерам, позволяющим школьникам самостоятельно осуществлять контроль знаний.

Следовательно, чем выше уровень организации дистанционного обучения, тем больше требований к развитию качеств личности (характера, направленности, способностей) и индивидуальности обучающихся (креативность, ИСД). Важно отметить значимость нормативных показателей функционального состояния центральной нервной системы (ЦНС) и уровня психоэмоционального напряжения на всех уровнях реализации дистанционного обучения [3, с.28].

Определяя специфику индивидуально психологических качеств обучающихся, важных для эффективной работы в дистанционном обучении, отметим:

Таблица 1.

Уровень организации ДО	Суть уровня	Роль педагога	Индивидуально-психологические качества обучающихся
1.Нулевой	Самостоятельное изучение материала, разовые консультации с педагогом.	Обеспечение дидактическими материалами, понятная обратная связь.	Соответствие психологических характеристик возрастной норме, новообразования. Познавательная активность, внимательность. Навыки самоорганизации. Ценность учения и достижений.
2. Минимальный	Самостоятельное изучение материала, привлечение региональной образовательной платформы	Техническая оснащенность образовательного процесса, Организационно-методическое оснащение. Сопровождение в освоении информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).	Оптимальное психоэмоциональное состояние. Характеристики субъекта познания и общения, Рефлексивность, коммуникативные и ИКТ - навыки. Обучаемость, достаточный интеллектуальный уровень.
3.Средний	Использование нескольких образовательных платформ и цифровых ресурсов (программного обеспечения для качественной учебной деятельности на компьютере). Автоматизация контроля знаний.	Применение возможностей платформ Zoom и Google Meet (веб-приложение для организации видеоконференций), привлечение платформ Учи.ру и других. Применение интерактивности в организации групповой работы.	Оптимальное психоэмоциональное состояние, стрессоустойчивость [1], навыки контроля эмоций, подвижность и уравновешенность нервных процессов, адаптивность, психологическая готовность к работе с компьютером и образовательными ресурсами в сети Интернет, творческая продуктивность, самостоятельность, рефлексивность, мотивация и направленность на процесс. ИСД.
4.Оптимальный	Оптимальное сочетание онлайн – обучения (организации ДО с использованием облачных конференц- платформ для проведения вебинаров в режиме онлайн) и цифровых образовательных ресурсов (электронных образовательных ресурсов и соответствующих им технологических средств).	Специально созданный образовательный контент (включая все возможности образовательных платформ и программ организации онлайн-обучения), индивидуализация процесса преподавания.	Развитые коммуникативные навыки, способность работать в команде. Познавательная самостоятельность, исследовательские навыки.

- Наряду с важностью норм психологического развития, значимых в реализации традиционного процесса обучения (в частности уровня интеллектуального развития, сформированности эмоционально-волевой сферы и характерных для возраста психологических качеств), существуют новообразования, как некие компетенции обучающихся, оптимизирующие их взаимодействие в онлайн обучении.
- К психологическим качествам, лежащим в основе компетенций, мы относим, прежде всего, навыки самоорганизации и дисциплины, организационно-коммуникативные умения, творческие способности и развитую познавательную мотивацию обучающихся.

В исследованиях О.Н. Новиковой [5] среди наиболее значимых индивидуально-психологических качеств обучающихся выделены такие, как:

- усидчивость, интерес к предмету, способность адаптироваться под формат обучения с большей долей самообучения и дисциплины, уровень от-

ветственности и рефлексивности, вовлеченности и креативности, умение сформировать «индивидуальный стиль деятельности» исходя из специфики индивидуально-психологических особенностей.

Интересен подход Л.А. Овчинниковой [6], описывающей суть ключевых психологических характеристик обучающихся как факторов эффективности дистанционного обучения. К основным из них автор относит:

- общие способности, влияющие на качество обучения в целом (например, когнитивные способности обучающихся, уровень интеллектуальной одаренности, обучаемость);
- актуальное психоэмоциональное состояние участников образовательного процесса, в том числе характеристики психологического благополучия личности (качество удовлетворения базовых и актуальных потребностей: в безопасности, защищенности; уважении и признании заслуг, коммуникативной реализации в учебной деятельности);
- внешняя поведенческая направленность на про-

цесс и доминирующая мотивация творческой деятельности, желание добиваться поставленных целей в обучении;

- наличие качеств эмоциональной стабильности, в том числе достаточный уровень стрессоустойчивости.

В общем и целом, можно говорить о наличии психологической готовности обучающихся к участию в дистанционном обучении как факторе его эффективности, полноценной реализации своих обязанностей и освоения новых форм учебного взаимодействия. По В.А. Крутецкому [7] психологическая готовность связана, во-первых, с качествами подструктуры индивидуальности - субъекта деятельности, например:

- способностями обучающегося к осуществлению учебной деятельности в дистанционном формате, а также знаниями и навыками, обеспечивающими ее успешность, оперативность, качество; чертами характера, влияющими на специфику познавательной деятельности и инициативность. Во-вторых, готовность, по мнению ученого, обусловлена рядом психологических условий, например изначальной положительной настроенности и наличии заинтересованности субъекта ее выполнением. Наличие удовлетворенности от процесса работы также значимый фактор предварительной настройки. Поэтому так важно обеспечить психологически безопасную атмосферу дистанционного обучения.

Следовательно, психологическая готовность к дистанционному обучению - это психологическое новообразование (устойчивая характеристика личности), имеющее в своей основе приобретённые знания и навыки учебной деятельности в онлайн среде (когнитивный компонент); умения и опыт участия в интерактивном взаимодействии в рамках ДО (деятельностный компонент); качества личности (эмоционально-личностный компонент); мотивы осуществления учебной деятельности в рамках ДО (ценностно-мотивационный компонент).

Для обеспечения развития всех компонентов психологической готовности к дистанционному обучению мы сформулировали ряд практических рекомендаций:

1. необходимость создания психологически безопасного образовательного пространства онлайн-

обучения с предоставлением возможностей интерактивного учебного взаимодействия, общения всех субъектов образовательной деятельности и эффективного мониторинга самостоятельной работы обучающихся;

2. применение широкого спектра электронных образовательных ресурсов для обеспечения индивидуализации учебного процесса в ДО, построения индивидуальных образовательных маршрутов на основе постоянно обновляемого образовательного контента интересным материалом (тексты, аудио и видеофрагменты, электронные учебники и т.д.);
3. обязательное включение разных форм организации учебного процесса (групповой/индивидуальный; текстовый и видеоформат) в виртуальной группе в рамках онлайн-обучения;
4. фасилитация поисково-исследовательской, творческой активности обучающихся как основы развития творческой индивидуальности на основе самообразования.

Необходимо отметить, что в нормативных правовых актах, регулирующих организацию дистанционного обучения, основные деструктивные факторы информационного воздействия, которые могут быть направлены на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, четко не определены. Представляется, что именно эти факторы можно отнести к факторам, наносящим вред психическому здоровью, поскольку факторы, наносящие вред физическому здоровью определены действующими санитарными и эпидемиологическими нормами [10, с.83-84].

Самые важные рекомендации связаны с обязательным учетом возрастно-психологических потребностей обучающихся и нацеленностью дистанционного обучения на становление психологических новообразований и развитие всех компонентов психологической готовности к дистанционному обучению. Грамотно организованное дистанционное обучение на оптимальном уровне реализации будет строиться с учетом индивидуально-психологических особенностей обучающихся и располагать всеми «условиями для адаптации ребенка в современном информационном обществе, развитию качеств личности, способной самореализоваться в условиях актуальных социальных требований» [4, с.2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаскалова Н.П. Проблемы психологического здоровья обучающихся в современной кризисной ситуации COVID // МНИЖ. 2021. №2-3 (104). - С.87.
2. Кот Т.А. Педагогическая фасилитация в условиях дистанционного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №72-1. - С.170.
3. Кошко Н.Н., Свиридова И.А., Блинова Н.Г. Особенности психофизиологического и психоэмоционального состояния подростков с учётом воздействия дистанционного режима обучения // Новые исследования. 2021. №3 (67). - С.28.

4. Кузьмина А.П. Практика дистанционного обучения старших школьников: проблемы и перспективы / А.П. Кузьмина, Е.А. Колодовская // *Colloquium-Journal*. – 2020. – № 10-5(62). – С. 53-56.
5. Новикова О.Н., Костина С.Н. Проблемы и факторы реализации дистанционных форм обучения в школах Пермского края в период самоизоляции // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2021. №5 (74). – С.69-74.
6. Овчинникова Л.А. Анализ психологических аспектов дистанционного обучения студентов педагогического института / Л.А. Овчинникова // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2020. – Т. 3, № 6. – С. 30-36.
7. Психология обучения и воспитания школьников: книга для учителей и классных руководителей / В.А. Крутецкий. - Москва: Просвещение, 1976. – 300 с.
8. Романова А.Ю. Проблема оптимизации и критерии эффективности дистанционного обучения в школе / А.Ю. Романова // *Современное общее образование: проблемы, инновации, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции*. – Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. – С. 765-770.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2018. – 712 с.
10. Государственная политика обеспечения информационной безопасности в сфере образования и воспитания (политико-правовое исследование): монография/ П.П. Востриков, И.А. Коннов, В.А. Сомов. - Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2020. – 124 с.

© Аврамцев Владимир Владимирович (vvavr@mail.ru), Потемкина Анна Алексеевна (apotemkina-20@edu.ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ЭМПАТИЙНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РАЗНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ

Автух Вера Владимировна

Аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, avtuh-vera@mail.ru

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EVALUATION OF PROFESSIONAL EFFICIENCY AND EMPATHY OF TEACHERS OF ADDITIONAL ARTISTIC EDUCATION OF DIFFERENT QUALIFICATION CATEGORIES

V. Avtuh

Summary: The article deals with the issues, reflecting the specificity of professional work of teachers of additional education, implementing the artistic orientation in secondary comprehensive schools. The questions connected with evaluation of professional effectiveness and empathy of teachers of additional education in art direction are considered. The degree of empathy expressed by teachers of additional education in art, which are at different stages of their professional development and have different levels of professional effectiveness is determined.

Keywords: education, professional activity, programme orientation, artistic orientation, supplementary education, supplementary education teacher, secondary general education school, empathy, method of expert evaluation, qualification category, professional performance evaluation.

Аннотация: В статье изложены вопросы, отражающие специфику профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования, реализующих художественную направленность в средних общеобразовательных школах. Рассмотрены вопросы, связанные с оценкой профессиональной эффективности и эмпатийности педагогов дополнительного образования художественной направленности. Определена степень выраженности эмпатийности педагогов дополнительного образования художественной направленности, находящихся на разных этапах своего профессионального развития, имеющих разный уровень профессиональной эффективности.

Ключевые слова: образование, профессиональная деятельность, направленность программ, художественная направленность, дополнительное образование, педагог дополнительного образования, средняя общеобразовательная школа, эмпатия, метод экспертной оценки, квалификационная категория, оценка профессиональной эффективности.

Педагог дополнительного образования руководит разнообразной деятельностью воспитанников в области дополнительного образования (комплекует состав кружков, секций, студий, ведет документацию и т.п.) в зависимости от направленности, в рамках которой работает (техническая, естественнонаучная, физкультурно-спортивная, художественная, туристско-краеведческая, социально-педагогическая) [6].

Педагоги дополнительного образования работают в детских садах, школах, центрах развития и других учреждениях.

В нашем исследовании мы рассматриваем аспекты профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования художественной направленности, которые работают в средних общеобразовательных школах Санкт-Петербурга.

Отметим, что художественная направленность доста-

точно распространена в дополнительном образовании и включают в себя такие группы программ, как театральное творчество, художественное слово, изобразительное искусство, декоративно-прикладное творчество, пение, исполнительство на инструментах [4].

Поскольку основное содержание педагогической профессии выстраивается вокруг взаимодействия со всеми участниками образовательного процесса (воспитанниками, коллегами, родителями), то эмпатийность, как способность к параллельному переживанию тех же эмоций, которые возникают у другого индивида в ходе взаимодействия с ним [2], является значимой в восприятии данных участников, в установлении между ними взаимопонимания [3].

Учитывая вышесказанное, мы ставили перед собой цель выявить выраженность эмпатии педагогов дополнительного образования художественной направленности, находящихся на разных этапах своего

профессионального развития, обладающих разной профессиональной эффективностью.

В исследовании было задействовано 122 педагога дополнительного образования художественной направленности, работающих в средних общеобразовательных школах Санкт-Петербурга.

Для определения профессиональной эффективности каждого педагога дополнительного образования художественной направленности мы использовали метод экспертной оценки. Полученные в результате экспертной процедуры оценки всех экспертов конкретной школы (директора школы, заместителя директора по учебно-воспитательной работе, заведующего отделением дополнительного образования детей и трех родителей обучающихся) суммировались и для них находилось среднее значение, в зависимости от которого педагог дополнительного образования художественной направленности был отнесен нами к одной из трех групп: эффективные педагоги дополнительного образования – набравшие от 4 до 5 баллов; педагоги дополнительного образования средней эффективности – более 2, но менее 4 баллов; низкоэффективные педагоги дополнительного образования – набравшие до 2 баллов. Мы также использовали метод самооценивания, который рассматривается в нашем исследовании в качестве неосновного, дополняя информацию, полученную в ходе экспертной оценки.

В процессе исследования эмпатии у педагогов дополнительного образования мы задействовали методику И. М. Юсупова, в содержании которой представлены 36 утверждений, с каждым из которых респондент соглашается или нет. Данные утверждения выражают отношение к родителям, детям, стариками, героям художественных произведений, животным, знакомым и незнакомым людям [1].

В качестве критерия профессионального развития

были взяты квалификационные категории педагогов, на основе которых респонденты были поделены на три группы:

- квалификационная категория отсутствует (подтверждается соответствие занимаемой должности);
- первая квалификационная категория;
- высшая квалификационная категория.

Педагог, с периодичностью в 5 лет, проходит аттестацию, чтобы подтвердить, что соответствует занимаемой им должности. Кроме того, каждый педагог может, в установленный срок и по установленной форме, аттестоваться на первую или высшую квалификационную категорию. Аттестация проводится открыто, гласно, коллегиально, обеспечивается объективное отношение к педагогам и отсутствие дискриминации в процессе проведения аттестации [5].

Описательная статистика в нашем исследовании осуществлялась с помощью анализа средних значений и стандартных отклонений, в то время как для анализа значимости различий был использован U-критерий Манна-Уитни (показатели сравнивались в подгруппах попарно). Результаты исследования оценки профессиональной эффективности и эмпатийности педагогов художественной направленности разной квалификационной категории представлены в таблице 1.

Согласно представленным данным, «экспертная оценка профессиональной эффективности» соответствует среднему уровню и в группе педагогов без категории (3,4 балла) и в группе педагогов первой категории (3,6 балла), в то время как у педагогов высшей категории она является высокой (4,2 балла). При этом данный профессиональный параметр выше у педагогов высшей квалификационной категории по сравнению с отсутствующей (подтвержденным соответствием занимаемой должности) ($U=44,5$ при $p \leq 0,05$) и первой ($U=433$ при $p \leq 0,05$) категориями и на уровне математически значи-

Таблица 1.

Профессиональная эффективность и эмпатийность педагогов дополнительного образования художественной направленности разной квалификационной категории.

Характеристики	Квалификационная категория			U-критерий Манна-Уитни		
	Отсутствует (среднее значение, баллы)	Первая (среднее значение, баллы)	Высшая (среднее значение, баллы)	Отсутствующая и первая	Отсутствующая и высшая	Первая и высшая
Экспертная оценка профессиональной эффективности	3,4 ($\pm 0,8$)	3,6 ($\pm 0,8$)	4,2 ($\pm 0,8$)	483 ($p=0,36$)	44,5* ($p=0,04$)	433* ($p=0,031$)
Самооценка профессиональной эффективности	3 ($\pm 0,4$)	3,4 ($\pm 0,6$)	3,8 ($\pm 0,7$)	376,5* ($p=0,02$)	33,5** ($p=0,003$)	480 ($p=0,052$)
Эмпатийность	47,6 ($\pm 10,2$)	51,1 ($\pm 9,6$)	55,4 ($\pm 12,4$)	431 ($p=0,15$)	50 ($p=0,08$)	548,5 ($p=0,267$)
Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$						

мых различий. Другими словами, уровень профессионального развития у педагогов при переходе к первой квалификационной категории, по мнению экспертов, меняется незначительно, в то время как переход к высшей квалификационной категории отражается уже и в непосредственном качестве деятельности.

«Самооценка профессиональной эффективности» у всех трех групп педагогов является средней (3 балла; 3,4 балла и 3,8 балла соответственно), однако, при сравнении показателей с помощью статистического критерия было установлено, что педагоги без профессиональной категории оценивают себя гораздо ниже, чем педагоги первой ($U=376,5$ при $p \leq 0,05$) и высшей ($U=33,5$ при $p \leq 0,05$) квалификационных категорий. Вероятно, сравнивая себя и результаты своего труда с более статусными коллегами, педагоги без квалификационной категории (с подтвержденным соответствием занимаемой должности) связывают свои профессиональные трудности и возможные неудачи с отсутствием достаточного профессионального опыта, а не с объективно сложивши-

мися обстоятельствами. Можно предположить, что при получении квалификационной категории уверенность педагогов в себе растёт.

Уровень эмпатийности у педагогов и при наличии, и при отсутствии квалификационной категории является средним (47,6 балла; 51,1 балла; 55,4 балла). С помощью U-критерия Манна-Уитни значимых различий в показателях эмпатийности у респондентов выявлено не было, однако, на уровне тенденции эмпатийность педагогов высшей квалификационной категории выше, чем у педагогов без квалификационной категории (с подтвержденным соответствием занимаемой должности) ($U=50$ при $p=0,08$). Возможно, более выраженная способность к пониманию чужих эмоций и сопереживанию определяется опытностью педагога дополнительного образования.

Результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы для дальнейшего изучения профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования художественной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии (И.М. Юсупов) / Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. И.Б. Дерманова. – СПб., 2002. С.114-118.
2. Долгова В.И., Мельник Е.В. Эмпатия / Монография. – М. Издательство «Перо», 2014
3. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. - СПб.: ПИТЕР, 2004.
4. Приказ Министерства просвещения РФ от 9 ноября 2018 г. N 196 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам».
5. Распоряжение Комитета по образованию Санкт-Петербурга от 29.12.2022 № 2714-р «Об утверждении Административного регламента Комитета по образованию по предоставлению государственной услуги по организации и проведению аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга, педагогических работников частных организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории Санкт-Петербурга, в соответствии с действующими нормативными правовыми актами Российской Федерации»
6. Распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 N 1726-р «Об утверждении концепции развития дополнительного образования».

© Автух Вера Владимировна (avtuh-vera@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «КРЕАТИВНОСТЬ»

THEORETICAL APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF "CREATIVITY"

**A. Barzyh
O. Morozova**

Summary: Object: Identification and attempt to structure the concept of «creativity» on the example of domestic and foreign researchers studying aspects of creativity. The data obtained will provide a more complete understanding of the essence and structure of creativity, as well as create the basis for a future strategy for its development. Based on the analysis of domestic and foreign researchers studying aspects of creativity, an attempt was made to structure the definitions of the concept of creativity and four main theoretical approaches to the interpretation of the concept of creativity were formulated. A conclusion is formulated about the tendency to expand the limits of the concept of creativity in psychological research, and the possibility of developing creative abilities in neuropsychological research is also noted.

Keywords: creativity, the concept of creativity, the creative potential of the personality of student, creative pedagogy, psychology, neuropsychology.

Барзых Анна Владиславовна
аспирант, младший научный сотрудник ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова»
barzyh.anna@gmail.com

Морозова Ольга Владимировна
кандидат архитектуры, доцент, ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова»
prorektor.ur@nsuada.ru

Аннотация: Цель: Выявление и попытка структурирования понятия «креативность» на примере работ отечественных и зарубежных исследователей, изучающих аспекты креативности. Полученные данные обеспечат более полное представление о сущности и структуре креативности, а также создадут основу для будущей стратегии ее развития. На основании анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных изучению аспектов креативности, была осуществлена попытка структурирования определений понятия «креативность» и сформулированы четыре основных теоретических подхода к его трактовке. Сформулирован вывод о тенденции к расширению пределов понятия «креативность» в психологических исследованиях, а также отмечена возможность развития творческих способностей в нейropsychологических исследованиях.

Ключевые слова: креативность, понятие креативности, креативный потенциал личности, креативная педагогика, психология, нейropsychология.

Введение

Современный мир за последние годы несколько раз сменил свое название – SPOD, VUCA, BANI. В 2016 году американский футуролог Жаме Кашио предложил заменить название VUCA-мир (изменчивый/volatility, неопределенный/uncertainty, сложный/complexity, неоднозначный/ambiguity) на BANI (хрупкий/brittle, тревожный/anxious, нелинейный/nonlinear, непостижимый/incomprehensible) [5].

Опираясь на данные этих моделей, можно сделать вывод, что время устойчивого и предсказуемого мира давно прошло. С каждым годом мир становится все более непостоянным и изменчивым, и для того чтобы успешно реализоваться, человеку необходимо уметь адаптироваться под новые условия и быстро реагировать на изменения. Развитие творческого потенциала играет здесь важную роль.

Креативная личность – такой тип личности, для которой характерен более высокий уровень социальной интеграции, что позволяет ей лучше адаптироваться к постоянно меняющейся среде и достигать более успеш-

ного результата в своей отрасли. Кроме того, креативные личности способны разрабатывать инновационные решения для сложных проблем и способствовать развитию современного общества. В этой связи обнаружение и развитие креативного потенциала личности является важным исследованием, которое проводят ученые из разных отраслей.

В самом общем виде креативность понимается как общая способность к творчеству. Креативность (от лат. creatio – «созидание») – это способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления [7, с. 4].

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что изучение понятия «креативность» не имеет единой и стройной теории, как и не существует единого определения креативности и всеми признанных методик, диагностирующих данную способность. Выявление и попытка структурирования понятия «креативность» даст более полное представление о сущности и структуре креативности, а также сформирует основу для будущей стратегии ее развития.

Изучением понятия «креативность» занимались отечественные исследователи Е.П. Ильин [11], И.И. Томилова [18], В.М. Дюков, Ю.Г. Козулина [9], О.Г. Захарова [10], Д.А. Хохлова [21]; зарубежные исследователи Р. Lambert [27], Р. Lindner [28], Е. Valcheva [34], S.S. Omar [29], Т. Hoffmann [25], L. Gabora, S. Kaufman [24].

Также были попытки структурирования понятий креативности. Например, А. Розенберг и К. Хаусман [30] выделяют четыре предметные области креативности: креативный процесс, креативный продукт, креативная личность и креативная среда. С.В. Тейлор [32, с. 446] вывел шесть типов определений креативности: гештальтистские, инновационные, эстетические, или экспрессивные, психоаналитические, или динамические; проблемные. В своей теоретической статье А. Хархурин [26, с. 341] представил расширенное понятие креативности и определил его как четырехчастную конструкцию, которая включает в себя атрибуты новизны, полезности, эстетики и подлинности.

В ходе анализа была осуществлена попытка структурирования определений понятия «креативность» и сформулированы четыре теоретических подхода к трактовке этого понятия:

1. уровень интеллектуальных способностей влияет на степень развития креативности (креативность выступает как производный компонент от интеллектуальной деятельности, т.е. чем выше интеллект, тем выше творческие способности);
2. креативность как самостоятельная творческая способность (креативность развивается независимо от интеллектуальной деятельности и выступает как самостоятельная способность личности);
3. уровень развития креативности определяют мотивационно-личностные факторы (креативность определяется не наличием особых творческих способностей, а наличием определенной мотивации, ценностей и личных черт);
4. креативность – это интегративная характеристика личности, обусловленная взаимодействием когнитивно-интеллектуальных и мотивационно-личностных факторов.

Одной из первых концепций креативности была идея о непосредственной зависимости интеллекта и творческих способностей. Причем креативность выступала как производный компонент от интеллектуальной деятельности, т.е. чем выше интеллект, тем выше творческие способности.

Так, например, В.Н. Дружинин выделяет интеллект и креативность как общую творческую способность, необходимую для адаптации обучающегося к изменяющимся условиям окружающего мира. Исследователь считает, что в процессе адаптации интеллект отвечает

за способность решать поставленные задачи, а креативность – за преобразование полученных знаний об этой задаче [8, с. 368]. Таких же взглядов придерживается Р. Стернберг, который полагает, что способности выбирать и адаптироваться к среде различной сложности являются условиями интеллектуального поведения. Творческое поведение является вспоминающей способностью к адаптации, оно выражается в избавлении мышления от стереотипов и внешнего влияния, умении самостоятельно ставить задачи и успешно их решать [31]. Другой исследователь, Г. Айзенк, также не выделял креативность в отдельную способность человека. Он считал, что креативность является одним из компонентов общей умственной одаренности [1].

Более современные исследователи тоже разделяют эту точку зрения. М.А. Холодная выделяет креативность как один из аспектов работы интеллекта, объединяя их общим понятием «творческая интеллектуальная деятельность». По определению «творческая интеллектуальная деятельность – это деятельность, связанная с созданием субъективно и объективно новых идей, использованием нестандартных подходов в решении проблем, открытостью любым инновациям» [21 с. 272]. М.А. Холодная считала, что показатели творчества можно измерить с помощью тестов.

Для выявления корреляции интеллекта и креативности проводились специальные тесты интеллекта. Так, например, Л. Термен в 1921 году проводил исследование среди более чем 150 школьников с целью выявления влияния высокого уровня интеллекта на творческие способности [33]. Другой исследователь, Е.П. Торренс, разработал 12 тестов для диагностики творческих способностей человека. На основе полученных результатов Торренс пришел к выводу, что существует определенный порог умственных способностей, при котором креативность перестает быть зависимой от интеллекта. При показателях IQ до 120 баллов общий интеллект имеет влияние на развитие креативности, а при показателях свыше 120 баллов креативность становится независимым от интеллекта фактором [20, с. 17].

Одновременно существовала другая группа исследователей, которая определяла креативность как универсальную познавательную творческую способность, являющуюся самостоятельным фактором, независимым от интеллекта.

В свое время Т. Рибо впервые сформулировал представление о независимом развитии навыка мышления (интеллекта) и творческого креативного воображения. Он пришел к выводу, что две эти сферы могут пересекаться только в подростковом возрасте, далее человек может развить только интеллектуальные способности, а способности к креативности значительно снижаются [16].

Существенную роль в отделении креативности от интеллекта сыграл Дж. Гилфорд, который характеризовал креативность как способность отказаться от стереотипных способов мышления. В соответствии с теорией Гилфорда, мышление человека делится на два вида: конвергентное (является основой интеллекта) и дивергентное (является основой креативности). Конвергентное мышление представляет собой логическое мышление, направленное на поэтапное выполнение одной задачи, следование заданным алгоритмам. Дивергентное мышление альтернативно и направлено на поиск множества оригинальных решений. В ходе исследования Гилфорд определил, что дивергентное мышление является основой креативного мышления и установил, что творческие способности существуют параллельно с общими и специальными [6, с. 56].

Последователь Гилфорда в области исследований креативности Е.П. Торренс определял креативность как отказ от стереотипных способов мышления, способность продуцировать новые идеи и находить нетрадиционные способы решения задач [6, с. 58]. Благодаря проведенным тестам он установил отделение навыка креативности от способностей интеллекта.

Эдвард де Боно предложил другой вид мышления – латеральный. Латеральное мышление – это способность находить креативные решения, рассматривая проблему под разными углами, даже самыми неожиданными [23]. Эдвард де Боно утверждает, что латеральное мышление является основой креативности, а также навыком, который можно приобрести и развить. Он также полагает, что креативность можно развить с помощью определенных инструментов, таких как мозговой штурм и ролевые игры.

Современный болгарский исследователь Е. Валчева также считает, что креативность – это способность видеть новые отношения, производить необыкновенные идеи и отклоняться от традиционных способов мышления [34, с. 373].

Существует ряд других исследователей, с точки зрения которых креативность – это не набор особых творческих способностей, а личность, обладающая определенной мотивацией, ценностями и личными чертами. Интеллектуальная одаренность выступает в качестве необходимого, но не достаточного условия для креативной деятельности.

А.Г. Маслоу [12, с. 23] определял креативность как процесс самореализации человека через творчество, с помощью использования своих талантов и способностей. Он утверждал, что творческое поведение является результатом самоактуализации и что творческие личности мотивированы необходимостью выразить свою уникальную идентичность. Маслоу предположил, что твор-

ческими личностями движет потребность открывать и исследовать новые идеи, чему способствует готовность идти на риск и бросать вызов существующим нормам. В теории креативности А.Г. Маслоу мотивация определяется исходя из потребностей личности: чем выше человек может подняться по иерархии потребностей, тем большую индивидуальность, творческие возможности он продемонстрирует [12, с. 25].

Итальянский психолог Р. Ассаджиоли понимал креативность как процесс восхождения личности к «идеальному Я», способ ее самораскрытия и проявления индивидуальности. Он предполагал, что каждый человек имеет в себе нечто великое и бесконечное, которое он может проявить через свое творчество. По мнению Ассаджиоли, творчество позволяет личности раскрывать и развивать свои потенциалы, проявлять свою индивидуальность [2, с. 314].

З. Райков указывает, что «креативная личность самостоятельна, гибка, выражается в стремлении к самосовершенствованию и не перестает конкурировать с собой» [15, с. 109].

Современный исследователь Д.Б. Богоявленская считает, что креативность обусловлена процессом самореализации личности. В качестве измерения креативности ею предложено понятие «интеллектуальная активность», в которое входят умственные способности и влияющие на них мотивационные факторы. Мотивация является важным компонентом и может как стимулировать умственные способности, так и тормозить их проявление. Взаимодействие этих двух компонентов дает в итоге то свойство личности, которое и определяет индивидуальный уровень интеллектуальной активности (креативность) [4, с. 43].

Таким образом, многие современные исследователи выделяют еще и такое определение креативности, когда происходит объединение интеллектуального и личностного аспектов психологии творчества.

Так, Ф. Вильямс рассматривает креативность как интегративную личностную характеристику, состоящую из взаимодействующих когнитивно-интеллектуальных и личностно-индивидуальных компонентов [19, с. 79].

Согласно теории креативности Я.А. Пономарева креативность является независимым от интеллекта фактором и должна измеряться и изучаться отдельно. По словам Пономарева, креативность – это универсальная когнитивно-творческая способность, представляющая собой сочетание как интеллектуальных, так и эмоциональных компонентов. Исследователь предположил, что креативность – это результат взаимодействия трех основных компонентов: знаний, умственных способностей и моти-

вации. Он утверждал, что знания и умственные способности обеспечивают необходимые условия для творческой деятельности, в то время как мотивация является движущей силой творческого поведения [14, с. 22].

А.В. Морозов определяет креативность как «составную часть творческого потенциала наряду с другими качествами, такими как интеллектуальные способности, высокая увлеченность профессиональной деятельностью и полная самоотдача» [13, с. 25].

Современные психологи Т.А. Барышева, Ю.А. Жигалов [3, с. 14] и Е.Л. Яковлева [22, с. 260] тоже считают, что креативность является сложной, многоуровневой психической деятельностью, которая включает в себя интеллектуальный потенциал, а также мотивацию, эмоции, уровень эстетического развития и т.д.

Большие перспективы исследования креативности открываются с развитием когнитивных наук, таких как нейропсихология, ведь ее достижения используются учеными и для понимания самого процесса проектирования и творчества. Анализ исследований по изучению активности мозга во время творческого процесса показал, что существует три основных направления изучения активности мозга. Первое направление говорит о возникновении креативности благодаря работе правого полушария; второе – описывает активность мозга билатерально (работу обоих полушарий); третье – отмечает изменение активности в разных областях мозга.

М.Г. Старченко, научный сотрудник института мозга человека им. Н.П. Бехтерева [17, с. 18], считает, что «мозговая организация творческой деятельности в каждом случае различна. Такое разнообразие мозговых паттернов креативности зависит от личностных особенностей добровольцев, от типа творческой задачи, от когнитивной стратегии, используемой при решении, от ситуационных факторов. Таким образом, каждый раз мозг в зависимости от условий формирует особое функцио-

нальное состояние, которое необходимо для успешного решения творческих задач разного типа. В определенном смысле можно сказать, что творчество обеспечивается всем мозгом».

Также в Институте мозга человека РАН было проведено исследование [17, с. 19], которое показало, что существует возможность «тренировать» творческие способности людей с разным уровнем креативности, что позволяло затем добровольцам более успешно решать творческие задачи. В качестве упражнений при этом были выбраны методики, использующиеся при подготовке театральных актеров и развивающие у них навык владения эмоциональными процессами, т.е. обучающие сознательному формированию определенных функциональных состояний.

Актуальность развития креативного потенциала личности обуславливается большим спросом на качественно подготовленных специалистов, способных принимать креативные решения и адаптироваться к изменяющимся условиям работы. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что изучение понятия «креативность» не имеет единой теории, не существует единого определения креативности и всеми признанных методик, диагностирующих данную способность. В ходе анализа была осуществлена попытка структурирования определений понятия «креативность» и сформулированы четыре теоретических подхода к его трактовке. Анализ исследований активности мозга во время творческого процесса показал, что творческие процессы обеспечиваются всеми отделами мозга. Также существует возможность «тренировать» творческие способности с помощью специальных творческих задач.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе эволюции категории «креативность» в психологических исследованиях наблюдается тенденция к расширению пределов этого понятия. Все больше исследователей рассматривают креативность в качестве интегральной характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк Г., Кэмин Л. Природа интеллекта – битва за разум. – М., 2002.
2. Ассаджиоли Р. Психосинтез: теория и практика. – М.: REFL-book, 1994. – 314 с.
3. Барышева Т.А., Жигалов Ю.А. Психолого-педагогические основы развития креативности: учебное пособие. – СПб., 2006.
4. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: учебное пособие. – М.: Изд. центр «Академия», 2002.
5. Втулкина Н., Фирсов А. Хрупкая, тревожная, нелинейная, непостижимая: что такое «эпоха BANI» // Сетевое издание «forbes.ru». – 2022. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/476185-vse-v-bani-pocemu-tak-nazyvaetsa-novaa-trevoznaa-epoha-i-kak-v-nej-zit>
6. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. – М.: Прогресс, 1965.
7. Голованова А.А. Коммуникативная креативность субъекта как фактор эффективности группового решения задач: автореф. ... канд. психол. наук. – Казань, 2003. – С. 4–5.
8. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – 368 с. (Серия «Мастера психологии»).
9. Дюков В.М., Козулина Ю.Г. Теоретические подходы к исследованию креативности // Современные наукоемкие технологии. – 2010. – № 10. – С. 140–144.

10. Захарова О.Г. Определение понятия «креативность» в научной литературе // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). – СПб.: Свое издательство, 2017. – С. 15–17.
11. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – Изд. дом «Питер», 2009.
12. Маслоу А. Психология бытия. – М.: Смысл, 1997.
13. Морозов А.В., Чернилевский Д.В. Креативная педагогика и психология: учебное пособие. – М.: Академический Проект, 2004. – 560 с.
14. Пономарев Я.А. Психология творчества // Тенденции развития психологической науки. – М.: Наука, 1988. С. 21–25.
15. Райков А.Н. Когнитивное программирование // Экономические стратегии. – 2014. – Т. 16. – №. 4. – С. 108–113.
16. Рибо Т. Опыт исследования творческого воображения. – СПб., 1901.
17. Старченко М. Психофизиология креативности // Наука и инновации. – 2014. – № 142. 15–19 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologiya-kreativnosti>
18. Томилова И.И. Теоретические подходы к понятию «креативность» // Альманах современной науки и образования. – 2014. – №. 7. – С. 131–133.
19. Туник Е.Е. Модифицированные креативные тесты Ф. Вильямса. – СПб., 2003. – с. 96.
20. Туник Е.Е., Тест Е. Торренса. Диагностика креативности. Методическое руководство. – 1998. – с. 170.
21. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2002. – с 272.
22. Яковлева Е.Л. Психология развития творческого потенциала школьников: специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Яковлева Евгения Леонидовна. – Москва, 1997. – 368 с.
23. De Vono E. Искусство думать: Латеральное мышление как способ решения сложных задач. – Альпина Паблишер, 2015.
24. Gabora L., Kaufman S. (2010). Evolutionary perspectives on creativity // *The Cambridge Handbook of Creativity*. – Cambridge UK: Cambridge University Press. – P. 279–300.
25. Hoffmann T. Constructionist approaches to creativity // *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association*. – 2022. – Vol. 10. – No. 1. – Pp. 259–284.
26. Kharkhurin A.V. Creativity.4in1: Four-Criterion Construct of Creativity. *Creativity Research Journal*. – 2014. – 26 (3). – Pp. 338–352.
27. Lambert P. A. Understanding creativity // *Creative dimensions of teaching and learning in the 21st century*. – Brill, 2017. – Pp. 1–21.
28. Lindner P. Creativity // *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. – 2020. – Pp. 1–4.
29. Omar S.S. et al. Creativity in Science Education: Definition and Constraints. – 2015. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Creativity-in-science-education%3A-definition-and-Omar-Halim/f2f05a059711a960a953123da77e61c6f4a479ca>
30. Rothenberg A., Hausman C.R. *The Creativity Question*. – Duke University Press. – Durham, 1976.
31. Sternberg R.J., Lubart T.I. *Defying the crowd: Cultivating creativity in a culture of conformity*. – Free press, 1995.
32. Taylor C.W. Various approaches to and definitions of creativity. *The nature of creativity*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 446 p.
33. Terman L.M. *Psychological Approaches to the Biography of Genius (1947)* // *Creativity. Selected Readings* / P.E. Vernon (ed.). – Penguin Books, 1972. – Pp. 25–42.
34. Valcheva E. Contemporary Definition for Creativity // *Knowledge – International Journal*. – 2019. – Vol. 34. – No. 2. – Pp. 373–379.

© Барзых Анна Владиславовна (barzyh.anna@gmail.com), Морозова Ольга Владимировна (prorektor.ur@nsuada.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К ДЕТЯМ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ

FEATURES OF SELF-ATTITUDE AND PARENTS' ATTITUDE TO PRESCHOOL CHILDREN WITH SEVERE SPEECH DISORDERS

*M. Burykina
Yu. Shibarshina*

Summary: The article presents the theoretical justification and results of studying the relationship between self-attitude and the relationship of parents of children with severe speech disorders and children with normotypic speech development. Self-attitude is considered as a person's need state, directed at himself. Based on the analysis of the results of an empirical study, the types and meaningful characteristics of adult self-attitude, manifestations of self-esteem, personality type and reflection, as well as their influence on the attitude towards preschool children are identified. The parental attitude is closely connected with the formation of the evaluative component of the preschooler's self-attitude. External reinforcement and stimulation are necessary conditions for the formation of a child's personal needs for respect, social approval and recognition, motivation to achieve success.

The nature and relationship of self-attitude and the relationship of parents of children with severe speech disorders is determined by the predominance of a certain level of self-esteem, self-esteem, personality type and reflection. The obtained results will allow organizing psychoconsultative work with parents in such areas as the development of self-understanding, self-interest, autosympathy, self-esteem. For the successful formation of a positive self-attitude of parents to children, it is necessary to pay special attention to the adequacy of self-esteem and reflexive skills of adults, their emotional and personal orientation to the characteristics of the child and his age capabilities.

Keywords: parents' self-attitude, parents' attitude to children with severe speech disorders and children with normotypic speech development, personality type, self-esteem, reflection.

Бурыкина Марина Юрьевна

доктор психологических наук, профессор, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
tabur03@yandex.ru

Шибаршина Юлия Игоревна

Логопед, МБУ «Центр психолого – педагогической, медицинской и социальной помощи «Ладья», г. Брянск

Аннотация: В статье представляется теоретическое обоснование и результаты изучения взаимосвязи самооотношения и отношения родителей детей с тяжелыми нарушениями речи и детей с нормотипичным речевым развитием. Самоотношение рассматривается как потребностное состояние человек, направлено на самого себя. На основании анализа результатов эмпирического исследования выделены типы и содержательные характеристики самооотношения взрослых, проявления самооценки, типа личности и рефлексии, а также их влияние на отношение к детям дошкольного возраста. Родительское отношение тесным образом связано с формированием оценочного компонента самооотношения дошкольника. Внешнее подкрепление и стимулирование являются необходимыми условиями формирования личностных потребностей ребенка в уважении, в социальном одобрении и признании, мотивации достижения успеха.

Характер и взаимосвязь самооотношения и отношения родителей детей с тяжелыми нарушениями речи определяется преобладанием определенного уровня самоуважения, самооценки, типа личности и рефлексии. Полученные результаты позволяют организовать психоконсультативную работу с родителями по таким направлениям как развитие самопонимания, самоинтереса, аутосимпатии, самоуважения. Для успешного формирования позитивного самооотношения родителей к детям необходимо отдельное внимание уделять адекватности самооценки и рефлексивным умениям взрослых, их эмоционально-личностной ориентации на особенности ребенка и его возрастные возможности.

Ключевые слова: самооотношение родителей, отношение родителей к детям с тяжелыми нарушениями речи и детям с нормотипичным речевым развитием, тип личности, самооценка, рефлексия.

Введение

В психологической науке трудно найти единого определения понятия «самоотношение». Среди наиболее значимых исследований данного феномена можно отметить работы Н.И. Сарджвеладзе, С.Р. Панталева, В.В. Столина, И.И. Чесноковой, И.С. Кона, В.В. Мясичева, Е.Т. Соколовой, Р. Бернса, С. Куперсмита, М. Розенберга, Р. Вайли.

Самоотношение представляется зарубежными ис-

следователями как компонент самосознания. С. Куперсмит в данном феномене рассматривает «глобальную самооценку», одобрение или неодобрение себя, М. Розенберг – как чувство самоуважения, ощущения собственной ценности, позитивное или негативное отношение к «Я», неприятие – принятие себя. Для У. Джеймса самооотношение является глобальным личностным «Я» (self)=Я-сознающим, для Р.Бернса - аффективная самооценка разной степени принятия или осуждения своей личности.

Понятие самоотношения по мнению Н.И. Сарджвадзе употребляется в «отношении субъекта потребности к ситуации ее удовлетворения, которое направлено на самого себя» [5, с.34]. Основываясь на теории установки Д.Н. Узнадзе, автор выделяет две основные оси направленности данного психического образования: направление установки и её предметное содержание; процесс разворачивания установки на свой предмет и способ протекания отношения. Выражение качественной стороны самоотношения происходит через модальность: позитивную, отражающую целостное принятие своей личности; негативную, связанную с отрицательной самооценкой личности, и формирующую искаженный образ «Я»; амбивалентную, определяющуюся конфликтным самовосприятием и самооцениванием, повышенным уровнем самообвинения» [5].

Наиболее разработанной в отечественной психологии является концепция В.В. Столина, С.Р. Пантелеева. По мнению В.В. Столина самоотношение выполняет функцию самоописания, самопознания, самооценивания и направлено на интеграцию и иерархизацию мотивов личности [6]. Вместе с тем, С.Р. Пантелеев указывает на то, что феноменология данного понятия лежит в отражении смысл «Я» как личностного образования, которое проявляется в реальных жизненных отношениях человека, «социальных ситуаций его развития» и деятельности, в связи с его самореализацией [7, с.45].

В структуру самоотношения разные исследователи включают такие составляющие, которые расширяют и дополняют друг друга. А.В. Петровский, В.В. Столин считают данное личностное образование трехкомпонентным (аутосимпатия, самоуважение, близость-самоинтерес) [6]. И.С. Кон выделяет такие структурные компоненты как установка и представление о своих качествах, их сущности (познавательный компонент), эмоционально-аффективный (самолюбие), и оценочно-волевой (самооценку, самоуважение) элементы [2, с.176]. Эмоционально-ценностное самоотношение, как вид «эмоционального переживания», И.И. Чеснокова рассматривает в качестве ядра самосознания, отражения собственного отношения к самому себе [8, с.34].

Важным основанием для нашего исследования стало положение В.Н. Мясищева о неотъемлемой связи субъективного отношения к себе и действительности с системой общественных отношений. «Формирование отношений человека строится на отражении им социальных связей с окружением. На формирование отношения ребенка к окружению влияет макро- и микромир, опыт общения в нем будет способствовать формированию и проявлению его потребностей, интересов». «Истинные отношения человека к действительности, до определенного момента являются его потенциальными характеристиками и проявляются в полной мере тогда, когда

человек начинает действовать в субъективно очень значимых для него ситуациях» [4, с.238].

Главная роль в общении и психическом развитии ребенка отводится взрослому. М.И. Лисина полагает, что дети находятся под прямым воздействием «Я - концепции» отца и матери. Ребенок как член семьи состоит в определенных отношениях с родителями, которые своим самоотношением оказывают на него положительное или негативное влияние. Вследствие этого ребенок становится доброжелательным, открытым, общительным или тревожным, грубым и лицемерным [3, с.187].

М.И. Лисина убедительно показывает, как родительское отношение влияет на формирование оценочного компонента самоотношения дошкольника через «механизм внешнего подкрепления, стимулирования или фрустрирования потребности ребенка в уважении, значимости, в социальном одобрении и признании, мотивации достижения успеха» [3, с.188]. Впитывая родительские установки, ребенок подражает образу действия родителей, их стандартам, тем самым подкрепляя свою ценность через их одобрение или неодобрение. Формируемый «образ Я» взаимосвязан с оценками родителей и значимых других и находится под непосредственным влиянием самоотношения родителей.

Обозначая значимость и взаимосвязь самоотношений родителей и детей старшего дошкольного возраста, следует отметить, важность именно этой возрастной категории. Представления ребенка о себе формируются в этом возрасте на основе совпадений его поведения с социальными нормами, которые транслируются взрослыми. Появляются расхождения между Я-реальным и Я-идеальным, его самооценка становится относительно объективной. Отношение к самому себе опирается на эмоционально положительное отношение других людей.

Базовые ориентиры самоотношения, сформированные в раннем детстве, остаются фундаментом личности. Р. Бернс утверждает, что «значимым является положительное отношение родителей к самим себе и между ними. В таких семьях дети меньше подвержены стрессу и тревожности, а окружающий мир и себя самих они воспринимают реалистично и доброжелательно» [1, с.56].

Опираясь на эти положения, мы провели исследование самоотношения и отношения родителей детей с тяжелыми нарушениями речи.

Цель, методы и методики

Цель исследования: изучить характер и взаимосвязь самоотношения и отношения родителей детей с тяжелыми нарушениями речи и детей с нормотипичным речевым развитием.

В ходе исследования были использованы следующие методики: «Тест-опросник самооотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантелеева; тест «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой); Шкала самоуважения Розенберга; тест-опросник родительского отношения А.Я. Варга, В.В. Столина.

В исследовании участвовали 104 родителя дошкольников 5-6 лет, имеющие тяжелое нарушение речи (52 семейные пары - экспериментальная группа) и нормотипичные речевые возможности (52 семейные пары - контрольная группа).

Количественная оценка изучаемых показателей получена на основе использования методов математической статистики: непараметрический статистический U-критерий Манна-Уитни (для сравнения количественных результатов изучения самооотношения, самоуважения и родительского отношения к детям) и коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена (для определения линейной связи между исследуемыми параметрами).

Результаты исследования

На основе полученных результатов можно выделить следующие характеристики самооотношения родителей.

На основании данных теста-опросника самооотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева можно утверждать, что в экспериментальной группе взрослых, имеющих детей с тяжелыми нарушениями речи, в своем большинстве отмечен низкий уровень самоуважения (81%). Для них характерны сомнения в ценности собственной личности, низкая самооценка, выраженность аутосимпатии (66,7%), враждебность к собственному «Я». Эти родители в своем большинстве у себя замечают преимущественно недостатки, они склонны к самообвинению, раздражительности и презрению к себе, допускают самоиздевки. Большинство из них (90,5%) ожидают отрицательного отношения от других, чувствуют душевный дискомфорт, внутреннее неблагополучие (71,4%), неуверенность и сомнения в своих личностных качествах (90,5%). В этой группе родителей интегральное чувство «за» и «против» собственного «Я» менее выражено (33,3%). Для них характерен настрой «против» собственного «Я», принятие себя, склонность к самообвинению (61,9%). Большинство родителей (71,4%) недооценивают свое духовное «Я», безразлично к нему, не переосмысливают свои чувства, не выражают установку на самоизменение.

В контрольной группе у значительной части родителей (77,7%) преобладает уважительное отношение к себе, к своим планам и стремлениям, заинтересованность в собственном «Я». Они выражают готовность принимать себя, свой интерес к другим, ценят себя, одобряют, принимают себя как ответственного человека

(62,9%). Низкие количественные показатели отмечаются относительно неуверенности, колебаний модальности самооотношения, неверия в свои способности (28,5%), самообвинения (9,5%). Родители детей с нормотипичным речевым развитием преимущественно (90,5%) самодовольны, интересны себе, обращают внимание на свои эмоции и чувства (61,9%).

Данные по «Шкале самоуважения Розенберга» подтверждают преобладание у значительного количества взрослых экспериментальной группы низкого уровня развития самоуважения (57%). Они склонны обращать внимание больше на своих недостатках и неудачах, и принимать вину на себя. В такой позиции родителям сложно ставить цели и получать результат, тем самым фиксируется низкая самооценка и формируется самоунижение. К среднему уровню самоуважения продемонстрировали 43% родителей, которые радуются успехам и уважают себя. Высокий уровень данного феномена не выявлен ни у кого.

У родителей контрольной группы отмечается равнозначное соотношение высокого (47,6%) и среднего уровня (47,6%), низкий уровень самоуважения наблюдается у 4,8% взрослых. Для родителей, имеющих высокий уровень развития самоуважения, характерно, прежде всего, уважение себя как личности. Они совершенствуются в профессии, в духовном, интеллектуальном направлении, в сфере отношений, преодолевают трудные ситуации и исправляют ошибки.

Для проверки достоверности различий в проявлениях разных типов самооотношения у родителей, имеющих детей с речевыми нарушениями, и имеющих детей с речевой нормой, мы использовали U-критерий Манна-Уитни. Показатели самооотношения взрослых двух групп значимо отличаются по шкалам «самоуважение» (0,0003 при $p \leq 0,05$), «аутосимпатия» (0,0001 при $p \leq 0,05$), «ожидание отношения от других» (0,0001 при $p \leq 0,05$), «самопринятие» (0,0001 при $p \leq 0,05$); «отношение других» (0,0003 при $p \leq 0,05$); «самообвинение» (0,001 при $p \leq 0,05$); «самоуверенность» (0,001 при $p \leq 0,05$); «самопонимание» (0,013 при $p \leq 0,05$). По шкалам S («интегральная шкала»), «самоинтерес» (6,275 при $p \leq 0,05$) и «самоуправление» (0,315 при $p \leq 0,05$) значимых различий не выявлено. Полученные данные свидетельствуют о значительных различиях в позитивном самооотношении родителей детей с нарушенным речевым развитием, а также по таким его компонентам как самопонимание, аутосимпатия, самоуважение.

Проанализировав ответы, полученные на основании теста-опросника «Родительского отношения» А.Я. Варга, В.В. Столина, мы получили следующую характеристику родительского отношения к детям. Большая часть родителей экспериментальной группы (90,5%) относят

ся к ребенку как к «маленькому неудачнику», желают его «переделать». Они склонны воспринимать ребенка «плохим, неприспособленным и неудачливым», часто испытывают к нему злость, досаду, раздражение, обиду, стыд (среднее значение процентильного ранга по шкале «Принятие – отвержение» составляет 68,44). Родители контрольной группы (77,7%) более всего склонны к позитивному восприятию ребенка (процентильный ранг 30,01). Они принимают ребенка таким, какой он есть, одобряют и поддерживают его интересы.

В обеих группах отмечается заинтересованность делами и планами дошкольника, предлагают ему помощь (Шкала «Кооперация»: в экспериментальной группе – среднее значение процентильного ранга 16,88, а в контрольной группе – 9,86). Родители детей с речевой нормой более высоко оценивают умственные и творческие способности ребенка, гордятся им.

Симбиотические отношения выстраивают родители в экспериментальной группе – 66,33%, а в контрольной – 33,96%. У них с ребенком выстраивается близкая дистанция, формируется ощущение себя с ребенком единым целым. Взрослые тревожатся и стремятся оградить его от трудностей и неприятностей жизни, замечают его маленьким и беззащитным.

Данные, полученные по шкале «Инфантилизация» (в экспериментальной группе высокие значения получены у 60,27%, в контрольной – 31,67%), указывают на то, что взрослые видят своего ребенка неприспособленным, более младшими относительно их реального возраста. Они приписывают детям личную и социальную несостоятельность, усиливают контроль за ним.

В экспериментальной группе авторитарный стиль воспитания встречается чаще (49, 26%), чем в контрольной (28,11%). Родители навязывают ребенку свою точку зрения, требуют от него безоговорочного послушания, строгой дисциплины, следят за социальными достижениями ребенка, его индивидуальным развитием, проявлениями их особенностей, привычек, мыслей, чувств.

Достоверность различий в типах родительского отношения (U-критерий Манна-Уитни) у родителей, имеющих детей с речевыми нарушениями и детей с речевой нормой, отмечена в данных по шкалам отвержение ($p \leq 0,005$ при $p \leq 0,05$), «инфантилизация» ($p \leq 0,0002$ при $p \leq 0,05$). По шкалам «кооперация», «симбиоз», «авторитарная гиперсоциализация» отличий выявлено не было. В экспериментальной группе отношение близких взрослых к детям носят преимущественно негативный характер, что приводит к повышению уровня тревожности у детей и искаженному образу ребенка у родителя.

Содержательные характеристики идентичности лич-

ности родителей нами выявлены на основании теста «Кто Я?» в модификации Т.В. Румянцевой. У взрослых (в основном экспериментальной группы – 42,9%) отмечается неустойчивая самооценка, страх неопределенности, дискомфорт, лабильность отношения к себе (принятие-неприятия себя, позитивное восприятие собственной личности – негативное отношение к себе и самоотрицание), преувеличение значения неудач. Их неуверенность в себе часто является следствием нестабильного поведения, на основании чего формируется пассивность и «комплекс неполноценности».

Родители, у которых наблюдается адекватная самооценка (в экспериментальной и контрольной группе – 47,6%), способны осознавать и оценивать как свои достоинства, так и недостатки в реальных ситуациях. Они позитивно относятся к себе и чувствуют собственную значимость, адекватно оценивают собственные возможности в различных жизненных ситуациях, обладают умениями свободно и непринужденно строить отношения с людьми.

Достаточно высокие значения неадекватно завышенной самооценки наблюдаются у родителей контрольной (38,1%) и экспериментальной (9,5%) групп, что свидетельствует о завышенной ценности себя, сниженной критичности к собственным действиям, переоценке своих достоинств, исключении у себя недостатки, о высоком уровне притязания на признание.

Проанализировав степень уравновешенности и «взвешенности» собственных позиций относительно эмоционально значимых ситуаций у родителей двух групп встречаются устойчивый и эмоционально-полярный типы личности.

Родители с устойчивым типом личности (в экспериментальной группе – 42,9% и контрольной – 57,1% взрослых) отличаются высоким уровнем стрессоустойчивости, способностью к быстрому разрешению конфликтных ситуаций, поддержанию конструктивных отношений с разными людьми, терпимостью к недостаткам других людей. Родители, которые относятся к сомневающемуся типу личности (в экспериментальной группе – 38,1%), ярко переживают жизненный кризис, нерешительны. Для людей эмоционально-полярного типа личности (в экспериментальной группе – 33,3%, в контрольной – 19%) характерен максимализм в оценках, лабильность эмоциональных состояний. Они эмоционально-выразительно реагируют по отношению к другим людям в зависимости от симпатии к ним.

В контрольной группе у значительной части родителей (66,7%) отмечаются высокие показатели рефлексии. Такие люди быстро и легко решают вопросы, касающиеся собственных индивидуальных особенностей. В экспе-

риментальной группе взрослые продемонстрировали в своем большинстве средний уровень рефлексии (71,4%), что свидетельствует о их склонности к регулярному анализу собственного поведения.

Достоверность различий (U-критерий Манна-Уитни) в проявлениях самооценки, типа личности и рефлексии у родителей экспериментальной и контрольных групп указывает на значимые различия самооценки ($p \leq 0,01$ при $p \leq 0,05$), типа личности ($p \leq 0,02$ при $p \leq 0,05$) и рефлексии ($p \leq 0,0008$ при $p \leq 0,05$). Становится необходимо формирование у взрослых, имеющих детей с тяжелыми нарушениями речи, адекватной самооценки, личностно-устойчивых качеств и рефлексивных умений.

Для установления взаимосвязи самоотношения и отношения родителей двух групп мы использовали непараметрический статистический метод ранговой корреляции Ч. Спирмена.

В экспериментальной группе (табл. 1) выделены положительные связи внутренне недифференцированного чувства «за» и «против» самого себя со способностью к рефлексии. Самоуважение, вера в свои силы, самостоятельная оценка своих возможностей тесно связаны с «контролем за поведением ребенка», с требованием

послушания, его социальными достижениями, проявлениями индивидуальных особенностей, привычек, мыслей, чувств.

Для родителей детей с нарушениями речевого развития характерны взаимосвязи аутосимпатии с развитой самооценкой и рефлексией; самоуверенности - с самооценкой; самопринятие, самоуважение - со способностью к рефлексии своего поведения. Авторитаризм родителя положительно связан с самообвинением. Преобладающий эмоционально-полярный тип личности положительно связан с симбиотическим отношением взрослого и ребенка, с оценкой его поведения.

В этой группе взрослых прослеживаются отрицательные связи инфантилизации с внутренне недифференцированным чувством «за» и «против» самого себя, с аутосимпатией, с ожиданием позитивного или негативного отношения к себе окружающих людей, рефлексией и способностью самооценивания. Стремление родителей инфантилизировать ребенка, строить симбиотические отношения с ним, приписывать ему личную и социальную несостоятельность препятствует проявлению самоинтереса, самопринятия, самоуважения, рефлексии. Отвергающие ребенка взрослые не могут себя принимать и уважать. Чем выше показатели самообвинения

Таблица 1.

Значимые корреляционные связи показателей в экспериментальной группе (по Ч. Спирмену)

Шкалы	Положительные связи	Отрицательные связи
За и против Шкала S	Рефлексия (0.635, $p=0.001$)	Инфантилизация (-0,503 при $p=0,019$)
Самоуважение	Авторитарная гиперсоц. (0,446 при $p=0,04$).	
Аутосимпатия	Самооценка (0.448, $p=0.041$). Рефлексия (0.651, $p=0.001$)	Инфантилизация (-0,45 при $p=0,04$),
Ожидания отношения от других		Симбиоз (-0,605 при $p=0,003$)
Самоинтерес		Образ соц желател. поведения (-0,6307 при $p=0,002$).
Самоуверенность	Самооценка (0.499, при $p=0.021$)	
Отношение других		Симбиоз (-0,422 при $p=0,05$), Инфантилизация (-0,460 при $p=0,035$)
Самопринятие	Рефлексия (0.511, $p=0.017$)	Отвержение (-0,487 при $p=0,025$), симбиоз (-0,371 при $p=0,096$), Образ соц желател. Поведения (-0,505 при $p=0,0019$)
Самоинтерес		Симбиоз (-0,627 при $p=0,001$)
Самообвинение	Авторитарная гиперсоц. (0,486 при $p=0,025$)	Рефлексия (-0.525, $p=0.014$)
Самоуважение (Розенберг)	Рефлексия (0.698, $p=0.0004$)	Отвержение (-0,702 при $p=0,0003$), Симбиоз (-0,698 при $p=0,0004$), Инфантилизация (-0,710 при $p=0,0003$), Образ соц желател. Поведения (-0,503 при $p=0,01$)
Рефлексия		Симбиоз (-0.591, при $p=0.004$), Авторитарная гиперсоциал. (-0.435, при $p=0.048$), Инфантилизация (-0.688, $p=0.0005$), Образ соц желател. поведения (-0.641, при $p=0.001$)
Самооценка		Инфантилизация (-0.426, при $p=0.05$)
Тип личности	Симбиоз (0.493, $p=0.022$)	

Значимые корреляционные связи показателей в контрольной группе (по Ч. Спирмену)

Шкалы	Положительные связи	Отрицательные связи
За и против Шкала S		Авторитарная гиперсоц. (-0,572 при $p=0,006$)
Аутосимпатия		Симбиоз (-0,468 при $p=0,032$), Авторитарная гиперсоц. (-0,584 при $p=0,005$), Инфантилизация (-0,438 при $p=0,04$)
Ожидания отношения от других		Симбиоз (-0,588 при $p=0,004$)
Отношение других		Симбиоз (-0,549 при $p=0,009$), Авторитарная гиперсоц. (-0,425 при $p=0,05$)
Самопринятие		Симбиоз (-0,44 при $p=0,045$)
Самообвинение	Отвержение (0,496 при $p=0,02$), Инфантилизация (0,511 при $p=0,017$)	
Самоуважение Розенберг	Самооценка (0,419, $p=0,05$), Рефлексия (0,586, $p=0,005$)	Отвержение (-0,529 при $p=0,013$), Образ социально желательного поведения (-0,396 при $p=0,04$)
Рефлексия		Отвержение (-0,424, $p=0,05$)

родителей, тем ниже значения рефлексией. Им трудно осознавать свои мысли, эмоции и поведение, принимать решения и определять перспективы.

В контрольной группе родителей (табл. 2) положительная корреляционная связь установлена только по двум позициям. С одной стороны, самообвинение родителей связано с их инфантилизацией и отвержением своего ребенка. С другой стороны, самоуважение связано с адекватной самооценкой и рефлексией.

Отрицательно связаны авторитарная гиперсоциализация и внутренне недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя, аутосимпатия, ожидание положительного отношения других. Чем выше показатели симбиотических отношений родителей к ребенку, тем ниже значения аутосимпатии, ожидания положительного отношения от других, самопринятия. «Отвержение» отрицательно связано с самоуважением и симбиозом. Образ социально желательного поведения не

связан с самоуважением. Инфантилизация противоположна аутосимпатии.

Выводы

Характер и взаимосвязь самоотношения и отношения родителей детей с тяжелыми нарушениями речи определяется преобладанием низкого уровня самоуважения, тенденцией к акцентированию внимания на своих недостатках и неудачах. В такой позиции родителям сложно замечать достижения своего ребенка и поддерживать его в преодолении тяжелых речевых нарушений. Для успешного формирования позитивного самоотношения родителей необходима организация психоконсультативной работы по таким направлениям как развитие самопонимания, самоинтереса, аутосимпатии, самоуважения. Отдельное внимание необходимо уделить адекватности самооценки и рефлексивным умениям родителей, их эмоционально-личностной ориентации на особенности ребенка и его возрастные возможности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание. - Москва, 1986. - 176с.
2. Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание: [Перевод] / И. Кон. - Москва: Прогресс, 1990. - 367с.
3. Лисина, М.И. Общение, личность и психика ребенка/ Под редакцией Рузской А.Г. - Москва: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. - 383 с.
4. Мясищев, В.Н. Психология отношений/ под ред. А.А. Бодалева. - Москва: Институт практической психологии, 1995. - 356 с.
5. Сарджвелазе, Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой - Тбилиси, 1989. - 182 с.
6. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. - Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1983. - 284 с.
7. Пантлеев, С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. - Москва: Изд-во МГУ, 1991.-108с.
8. Чеснокова, И.И. Проблемы самосознания в психологии. - Москва, 1977. - С. 109.

© Буркина Марина Юрьевна (mabur03@yandex.ru), Шибаршина Юлия Игоревна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГР С МЯЧОМ В ПРОЦЕССЕ АВТОМАТИЗАЦИИ ЗВУКОВ У ДЕТЕЙ 5-6 ЛЕТ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Бурыкина Марина Юрьевна

доктор психологических наук, профессор, Брянский
государственный университет им. И.Г. Петровского
tabur03@yandex.ru

Фатеева Анна Александровна

Логопед, МБДОУ СОШ №4 (дошкольные группы),
г. Сельцо Брянской области

THE USE OF BALL GAMES IN THE PROCESS OF AUTOMATING SOUNDS IN CHILDREN 5-6 YEARS OLD WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

**M Burykina
A. Fateeva**

Summary: The article analyzes the concept of "automation of sounds" from the point of view of the organization of speech as a system, the link of which is self-control and self-regulation of sound reproduction. Automation of speech action is possible on the basis of gradual removal of conscious control due to stereotyping of performance. The pedagogical conditions of this process consider the use of ball games in individual speech therapy classes; different material of balls, their filling, size, color, providing the perception of signals of various modalities; as well as joint actions with an adult as speech motivation.

According to the stage of automation of the set sounds, ball games have been developed and distributed into groups. The first block of games is held in various conditions of pronunciation of the delivered sound against the background of the formation of phonemic hearing and the ability to reproduce a rhythmic pattern. The second block of games is aimed at automating the delivered sound and the formation of grammatical categories. The article suggests the content of ball games according to the goals of automation. The speech material used in the games was selected on the basis of the existing errors in the sound pronunciation of children 5-6 years old. Performing the specified actions with the ball, the preschooler fixes his own speech achievements with rhythmic and coordination movements.

Keywords: automation of sounds, coordination of movement and sound reproduction, ball games.

Аннотация: В статье анализируется понятие «автоматизация звуков» с точки зрения организации речи как системы, связующим звеном которой является самоконтроль и саморегуляция звукопроизношения. Автоматизация речевого действия возможна на основе постепенного снятия сознательного контроля за счет стереотипизации исполнения. Педагогическими условиями данного процесса рассматриваются использование игр с мячом на индивидуальных логопедических занятиях; различный материал мячей, их наполнения, размер, цвет, обеспечивающие восприятие сигналов различных модальностей; а также совместные действия со взрослым как речевая мотивация.

Соответственно этапу автоматизации поставленных звуков разработаны и распределены в группы игры с мячом. Первый блок игр проводится в различных условиях произношения поставленного звука на фоне формирования фонематического слуха и умения воспроизводить ритмический рисунок. Второй блок игр направлен на автоматизацию поставленного звука и формирования грамматических категорий. В статье предлагается содержание игр с мячом соответственно целям автоматизации. Речевой материал, использованный в играх, подобран на основе имеющихся ошибок звукопроизношения детей 5-6 лет. Выполняя заданные действия с мячом, дошкольник фиксирует собственные речевые достижения ритмическими и координаторными движениями.

Ключевые слова: автоматизация звуков, координация движения и звукопроизношения, игры с мячом.

Введение

Многочисленной категорией детей, которые поступают в школу, являются дети с недоразвитием речи. Распространенным отклонением в речи остается неправильное звукопроизношение и неумение дифференцировать звуки, схожие акустически и артикуляционно. Нарушение звукопроизношения ведёт к трудностям общения детей со сверстниками, к неудачам в овладении грамотой и чтения.

Автоматизация звуков в ходе коррекции нарушений произношения звуков у детей с общим недоразвитием

речи рассматривается Е.В. Архиповой как согласованная работа дыхания, голосообразования и звукообразования [1]. Такая системная организация речи невозможна без самоконтроля и саморегуляции звукопроизношения. Автоматизация звуков тесным образом связана с регуляцией со стороны центральной нервной системы, произвольностью навыков, сформированных в ходе коррекции звукопроизношения. От сознательной ориентировки, сосредоточения внимания на расположении органов артикуляции формируемого звука логопеды переходят к повторяющимся упражнениям в его произношении, утверждает Е.В. Архипова, ориентировочное действие становится автоматизированным. Звук вклю-

чается постепенно в усложняющийся речевой поток и внимание направлено на связность речевого высказывания. Регуляция, исполнение и контроль действия направляется на развернутую самостоятельную речь [1].

Автоматизация речевого действия связана с постепенным снятием сознательного контроля вслед за ориентировочным и исполнительным речевоспроизведением за счет стереотипизации исполнения. И.А. Григорьева, Н.П. Задумова отмечают, что в ходе автоматизации звуков укрупняются единицы сознательного контроля и регуляции речевого действия, которое становится целостным и включенным в речевой поток. На этапе постановки звуков происходит развернутая ориентировка и осмысление произнесения звука, на стадии автоматизации возникают знакомые условия, которые являются сигналом выполнения целостной структуры речевого действия. Поставленный звук включается в группу автоматизированных речевых действий, быстро и точно воспроизводится. Автоматизированный звук перестает быть отдельной операцией и не задействует моторной ориентировки [4].

Л.М. Коровко подчеркивает необходимость формирования самоконтроля в связи с автоматизацией формируемого звука. Новые условно-рефлекторные речедвигательные связи достаточно слабы, и ребенок с нарушением речи часто возвращается к использованию неправильного звука. Без подкрепления звука эта связь может быть разрушена и возможен возврат к закрепленным стереотипам неправильного звукопроизношения [5].

Автоматизация звука происходит на основе внутреннего торможения неправильного артикуляционного уклада благодаря самоконтролю. Внешнее двигательное подкрепление в этой системе будет обеспечивать и усиливать контрольно-регулятивные функции речи.

Т.А. Воробьева, О.И. Крупенчук, Н.И. Николаева, А.Б. Галактионова, О.А. Леонова, Е. Евдокимова, Т.С. Мамичева, Л.М. Боок, С.А. Ануфриева, И.В. Илюхина, С.А. Мороз, О.Л. Пилюгина, И.Н. Рылова считают эффективным средством коррекции звукопроизношения у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (III уровень) игры с мячом.

Т.А. Воробьева, О.И. Крупенчук считают, использование игр с мячом на логопедических занятиях обеспечивает произвольность внимания, силу, точность, координированность движений и речи, необходимых для преодоления различных речевых нарушений у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи [3].

Осознание и самоконтроль своего движения доступно детям дошкольного возраста в рамках удовлет-

ворения личностной потребности во взаимодействии со взрослым. По мнению М.Ю. Бурыкиной к концу дошкольного возраста ребенок может произвольно управлять своим поведением, а также вниманием и запоминанием, эмоциональными реакциями [2]. В этом процессе важное место занимают совместные со взрослым игры с мячом, которые, с одной стороны, могут занять особое место на этапе автоматизации звуков. С другой стороны, удовлетворяется потребность во взаимодействии дошкольника со взрослым, что становится необходимым условием формирования нового речевого навыка. Ребенок фиксирует собственные успехи ритмическими и координаторными движениями и речи.

Возникающие трудности в речевоспроизводстве требуют перестройки представлений о способах действий. В играх с мячом дети не сидят на стульчиках как обычно, а встают в круг, в линейку, имеют возможность постоять, двигаться, попрыгать, координируя свои движения с собственным звукопроизношением. Данная особенность игр позволяет снимать «учебную усталость», помогает поддерживать произвольное внимание, стимулировать познавательную активность. Использование мячей различных по материалу, их наполнению, размеру, цвету обеспечивает восприятие сигналов различных модальностей, что побуждает самоконтроль за восприятием и воспроизведением звуков.

Методы

Описанные выше положения мы реализовали в ходе нашего исследования, целью которого стало определение педагогических условий использования игр с мячом в коррекции звукопроизношения у детей 5-6 лет с общим недоразвитием речи (III уровень). Логопедическую работу мы построили с учетом полученных результатов обследования звукопроизношения 36 старших дошкольников, посещающих старшие логопедические группы МБДОУ компенсирующего вида г. Брянска.

Анализ данных о звукопроизношении обследуемых детей позволил выделить наиболее встречающиеся нарушения. Мы разделили имеющиеся ошибки звукопроизношения у обследуемых детей на три группы: свистящие, шипящие и сонорные звуки. В исследуемой выборке детей отмечены:

1. недостатки произношения свистящих и шипящих звуков:
 - межзубный сигматизм;
 - замены:
 - а) [с] на [сь], [з] на [зь], [ц] на [сь];
 - б) [ш] на [сь], [ж] на [зь], [ч] на [ть];
2. недостатки произношения сонорных звуков:
 - замены звуков: [л] на [в], [л] на [у], [ль] на [i];
 - отсутствие дрожащих звуков [р] и [рь].

На основе эмпирических результатов нами разработан комплекс игр с мячом, направленных на автоматизацию поставленных звуков речи у детей 5-6 лет с общим недоразвитием речи (III уровень) в условиях произношения звуков изолированно, в слогах (прямых, обратных), в словах (автоматизируемых звук в начале, в середине, в конце, в стечении согласных), в предложениях и фразовой речи (чистоговорках) в условиях индивидуальных логопедических занятий.

Предлагаемые игры выделены в два блока. Первый блок игр проводится в различных условиях произношения поставленного звука на фоне формирования фонематического слуха и умения воспроизводить ритмический рисунок. Второй блок игр направлен на автоматизацию поставленного звука и формирования грамматических категорий. Приведем примеры игр.

Первый блок игр. Автоматизация поставленного звука изолированно, в слогах, словах на фоне формирования фонематического слуха и ритма.

Цель: автоматизировать поставленный звук на уровне изолированного произношения, слогов, слов; формировать фонематический слух и умение воспроизводить ритмический рисунок по заданному образцу.

Игра. Прокати мяч.

Оборудование: мяч из любого материала (резиновый, каучуковый, пластиковый «колючий» Су-джок шар) маленького размера.

Выполняемое действие с мячом: прокатывание.

Речевой материал: ссссссс; зззззззззз; шшшшшш; жжжжжж; щщщщщщ; ллллл, рррррр.

Игру можно провести в трёх вариантах.

1 вариант – прокатывание мяча между логопедом и ребёнком по столу.

Речевая инструкция: «Я качу тебе мяч – ссссссс, а теперь мне верни мяч, произнося – ссссссс».

2 вариант - прокатывание мяча по линии, меняя высоту голоса: от тихого до громкого и наоборот.

Речевая инструкция: «Послушай внимательно, запомни звук и прокати мяч между кубиками: сссССссс, а теперь попробуй сам.

3 вариант – прокатывание мяча по разным видам дорожек: прямых, волнистых, зигзагообразных, круговых.

Речевая инструкция: «Волшебный клубок укажет до-

рогу зайцу до его домика – ссссссс, повтори за мной».

Игра «Барабанщик»

Оборудование: резиновый мяч любого цвета среднего размера.

Речевой материал: С ссссссс; СС сссссс; Ш шшшшш; ШШ шшшш; Ж жжжж; ЖЖ жжжж; Щ щщщщ; ЩЩ щщщщ; Л ллл; ЛЛ ллл; Р ррр; РР ррр.

Вариант 1. Выполняемое действие с мячом: отстукивание кулаком по мячу с заданным ритмом.

Вариант 2. Речевая инструкция: Зажми мяч между ног и прыгни, если услышишь звук и проговори его.

Игра «Услышишь звук – подбрось мяч».

Оборудование: резиновый мяч среднего размера.

Выполняемое действие с мячом: подбрасывание мяча вверх над головой.

Речевой материал: например, с, а, м, с, т, к, с, ж, с, б, с, д, с; са, ба, су, ма, сы, су, та, жа, са, су; сом, каток, сумка, жакет, баба, сундук, сабля, будка, зебра, ток, салют.

Речевая инструкция: Я буду произносить звуки (слоги, слова), а ты, если услышишь звук [с] (указывается отрабатываемый звук), то подбрось мяч вверх над головой.

Игра «Не пропусти звук».

Оборудование: резиновый мяч среднего размера.

Выполняемое действие с мячом: подбрасывание мяча вверх над головой.

Речевой материал: например, з, т, х, з, з, с, ш, з, р, з, ч, з, з; за, са, зу, зы, су, жа, зы, зо, ка, па, зу, ра, зу, мы; закат, сундук, зонт, замок, жара, жук, зал, Зоя, шут, дом, школа, заяц, зуб, забор.

Речевая инструкция: Я буду произносить звуки (слоги, слова), а ты, если услышишь звук [з] (указывается конкретный отрабатываемый звук), то, проговаривая его, подбрось двумя руками мяч вверх над головой и поймай его двумя руками.

Игра «Твой звук – лови мяч, чужой звук - отбрось мяч!»

Оборудование: резиновый мяч среднего размера.

Выполняемое действие с мячом: ловля мяча двумя руками и отбрасывание мяча двумя руками от себя.

Речевой материал: например, ш, м, к, ш, ш, б, т, з, ш, ж, ш, р; ша, ма, ка, шу, ши, ба, ту, шо, за, шу, жа, ши, ра; шар, мука, ком, шут, шок, бык, таз, зуб, шапка, жар, шов, рак.

Речевая инструкция: Я буду произносить звуки (слоги, слова), а ты, если услышишь звук [ш] (указывается конкретный звук), то проговаривай его, ловишь мяч, но если, услышишь другой звук, то отбрось мяч от себя.

Игра «Ушки на макушке»

Выполняемые действия с мячом: отстукивание мяча об пол; подбрасывание мяча вверх; ловля мяча; прокатывание между логопедом и ребёнком; прокатывание по разным видам дорожек.

Речевой материал: например, са-со-су; са-су-су; са-ша-са; за-жа-за; сок-сук; мишка-миска; мышка - мишка; зуб - суп.

Оборудование: при отстукивании, подбрасывании, ловле мяча - резиновый мяч среднего размера любого цвета; при прокатывании мяча - мяч из любого материала (резиновый, каучуковый, пластиковый «колючий» Сунджок шар) маленького размера.

Логопед произносит цепочку слогов и показывает действие с мячом, затем ребёнок повторяет указанную цепочку слогов (слов), повторяя показанное действие с ним.

Речевая инструкция: «Посмотри, внимательно послушай и запомни и сам повтори».

Дифференциация и автоматизация поставленного звука в предложении и чистоговорках.

С мячом предлагается выполнять следующие действия: прокатывание маленького мяча (резиновый, каучуковый, колючий пластиковый Сунджок шар), сидя за столом; бросание (от груди двумя руками; с ударом об пол) резинового мяча среднего размера любого цвета.

Игра «Произносим предложения мы с мячом вдвоём»

Выполняемые действия с мячом: удар мячом об пол, произнося каждое слово; подбрасывание мяча вверх; ловля мяча; прокатывание между логопедом и ребёнком.

Речевой материал. Пример. У Яши машина. У Алёши санки. Са-са-са - на суку оса. Са-ша-са - на суку оса.

Оборудование: при ударе по мячу, подбрасывании, ловле его - резиновый мяч среднего размера любого цвета; при прокатывании мяча - мяч из любого материала (резиновый, каучуковый, пластиковый колючий Сунджок шар) маленького размера.

Ребёнку логопед произносит предложение (чистоговорку) на автоматизацию поставленных звуков, затем ребёнок повторяет, выполняя показанное действие с мячом.

Речевая инструкция: «Посмотри, внимательно послушай и запомни. А теперь сам повтори».

Второй блок игр направлен на автоматизацию поставленного звука в условиях формирования грамматических категорий.

Игра «Мяч возвращай - слово изменяй»

Цель: автоматизировать поставленный звук в словах; формировать умение образовывать форму множественного числа существительных именительного падежа.

Речевой материал: например, сабля - сабли, салют - салюты, сапог - сапоги; сушка - сушки, пустышка - пустышки.

Речевая инструкция. Например, Сабля, а как сказать, когда их много?

Игра «Мяч возвращай и быстро отвечай»

Цель: автоматизировать поставленный звук в словах; формировать умение образовывать форму множественного числа существительных родительного падежа.

Речевой материал: например, сабля - сабель, салют - салютов, сундук - сундуков; сушка - сушек, пустышка - пустышек.

Речевая инструкция. Например, Сушка, а много чего ...?

Игра «Мяч возвращай - ласково называй»

Цель: автоматизировать поставленный звук в словах; формировать умение образовывать уменьшительно-ласкательную форму существительных.

Речевой материал: например, сабля – сабелька, сом – сомик, сундук – сундучок; шапка – шапочка, машина – машинка; замок – замочек, ваза – вазочка, коза – козочка, сушка – сушечка и т.д.

Речевая инструкция: например, Сушка, а много чего ...?

Игра «Посчитай и мяч возвращай»

Цель: автоматизировать поставленный звук в словах; формировать умение согласовывать числительные с существительным.

Речевой материал: например, один чемодан – пять чемоданов, одна свеча – пять свечей, один чердак – пять чердаков.

Речевая инструкция: например, одна сушка, а пять чего ...?

Игра «Посчитай и мяч возвращай»

Цель: автоматизировать поставленный звук в словах; формировать умение согласовывать числительные с существительным.

Речевой материал: например, один чемодан – пять чемоданов, одна свеча – пять свечей, один чердак – пять чердаков.

Речевая инструкция: например, одна сушка, а пять чего ...?

Игра «Жадина»

Цель: автоматизировать поставленный звук в словах; формировать умение согласовывать притяжательные местоимения с существительными.

Речевой материал: например, моя ворона, мой тигр, моя ворона, мой город, мой мухомор, мои перчатки.

Речевая инструкция: например, Отвечай на вопрос полным ответом. Чей мухомор?

Игра «Чья?»

Цель: автоматизировать звук [р] в словах; формировать умение образовывать притяжательные прилагательные.

Речевой материал: например, воронья, тигровая, воробьиная, рыба, рысь, сорочья голова.

Речевая инструкция: например, Голова рыси - ...?

Автоматизация (дифференциация) звука в предложении

Игра «Мяч возвращай - предложение продолжай»

Цель: автоматизировать поставленный звук в предложениях; формировать умение согласовывать слова в предложении в роде, падеже.

Речевой материал: Павел отнял ложку, и Луша отняла ложку. Михаил лошадь напоил, и Клава лошадь напоила. Володя спал днём, и Мила спала днём.

Речевая инструкция: Я начинаю предложение, а ты продолжаешь. «Володя спал днём, и Мила ...».

Игра «Мяч возвращай – предложение изменяй»

Цель: автоматизировать поставленный звук в пред-

ложениях; формировать умение согласовывать слова в предложении в роде, числе, падеже.

Речевой материал: Я ем лапшу. Он ест лапшу. Она ела лапшу. Они ели лапшу. Ты ела лапшу.

Речевая инструкция: Я ем лапшу. Он

Игра «Мяч возвращай - полным ответом отвечай»

Цель: автоматизировать поставленный звук в предложениях; согласовывать слова в предложении, в падеже.

Ребёнок отвечает на вопрос логопеда полным ответом в соответствии с содержанием предметной картинки.

Речевой материал: Павел ел лапшу (булку, салат, колбасу, клубнику). Павел пил молоко...

Речевая инструкция: Что ел (пил) Павел?

Игра «Мяч возвращай - предложение дополняй»

Цель: автоматизировать поставленный звук в предложениях.

Ребёнок начинает предложение со слов: Я вижу

Речевой материал: Я вижу жука (пижаму, жакет, желудь).

Речевая инструкция: Глядя на картинку, предложение начинаешь так: Я вижу

Игра «Составляем предложения мы с мячом вдвоём»

Цель: автоматизировать поставленный звук в предложениях; согласовывать слова в предложении в роде, числе, падеже.

Ребёнок составляет предложение из предложенных слов.

Речевой материал: Вышел, на, ёжик, лужайку. Красный, Вера, у, карандаш. Мишка, у, Тишка, кот.

Речевая инструкция: Внимательно послушай, запомни слова и составь предложение.

Игра «Мяч возвращай - предложение исправляй»

Цель: автоматизировать поставленный звук в предложениях.

Ребёнок восстанавливает деформированное предложение.

Речевой материал: Мусор убирает Рому. Куры кормят

Марусю.

Речевая инструкция: Послушай и исправь предложение.

Выводы

Разработанные нами игры с мячом мы включали в индивидуальные логопедические занятия с детьми 5-6 лет с общим недоразвитием речи (III уровень). Речевой материал логопедического занятия был подобран относительно темы, цели, задач индивидуального логопедического занятия, этапа работы над звуком и подавался с постепенным усложнением (слоги, слова, предложения).

В ходе игр использовались два вида мячей (маленький колючий, пластмассовый и резиновый мяч среднего размера). С ними выполнялись несложные движения: подбрасывание мяча вверх над головой, ловля его двумя руками; перекачивание, удары мячом об пол.

Систематическое использование игр с мячом при коррекции звукопроизношения на индивидуальных логопедических занятиях с детьми 5-6 лет с общим недоразвитием речи (III уровень) способствует успешному введению поставленного звука в речь детей и повышает их интерес к занятиям и речевую успешность в условиях совместной со взрослым деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Е.Ф. Логопедическая работа с детьми со стертой дизартрией. - Москва: АСТ: Астрель, 2007. - С.43-53.
2. Бурыкина М.Ю. Содержание личностных потребностей детей дошкольного возраста// Вестник Брянского государственного университета «1 (2010): Общая педагогика. Профессиональная педагогика. Психология. Частные методики. -Брянск: РИО БГУ, 2010. - с.127-136.
3. Воробьева, Т.А., Крупенчук, О.И. Мяч и речь. - Санкт-Петербург: Дельта, 2001. - 96 с.
4. Григорьева И.А., Задумова Н.П. Автоматизация звуков: традиционные и инновационные технологии. - URL: <http://logoped-sfera.ru/avtomatizaciya-zvukov-tradicionnye-i-innovacionnye-tehnologii> (Дата обращения 17.09. 2022) – Текст: электронный.
5. Коровко, Л.М. Формирование навыков самоконтроля в процессе автоматизации звуков у детей дошкольного возраста с нарушением речи - URL: <http://logoportal.ru/statya-15401.html> (Дата обращения 14.09.2022) -Текст: электронный.

© Бурыкина Марина Юрьевна (mabur03@yandex.ru), Фатеева Анна Александровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

ЦИФРОВАЯ МУЗЫКОТЕРАПИЯ ПРОГРАММЫ «MY ENERGY STREAM» В КОРРЕКЦИИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПРИ ПАНИЧЕСКИХ АТАКАХ

Васина Марина Владимировна

клинический психолог, специалист
в когнитивно-поведенческой терапии
master-marina@mail.ru

DIGITAL MUSIC THERAPY OF THE PROGRAM "MY ENERGY STREAM" IN CORRECTION OF THE PSYCHO-EMOTIONAL STATE IN PANIC ATTACKS

M. Vasina

Summary: The possibilities of non-drug correction of cognitive, sensory and psychomotor dysfunctions are currently particularly relevant in conditions of excessive psycho-emotional stress on the human body that can cause anxiety and stress, provoke recurring panic attacks. Music therapy as a method of art therapy is the impact of music on the psycho-emotional state of a person. The paper analyzes the results of a study confirming the effectiveness of the digital music therapy program "My energy stream" as a psychotherapeutic method. An algorithm was proposed for using the application "My energy stream" in working with patients subject to panic attacks, stressful situations and suffering from insomnia.

Keywords: music therapy, digital music therapy, panic attacks, anxiety, insomnia, "My energy stream" program.

Аннотация: Возможности немедикаментозной коррекции когнитивных, сенсорных и психомоторных дисфункций в настоящее время особенно актуальны в условиях чрезмерных психоэмоциональных нагрузок на организм человека, способных вызвать состояние тревоги и стресса, провоцировать повторяющиеся панические атаки. Музыкальная терапия как метод арт-терапии представляет собой воздействие музыки на психоэмоциональное состояние человека. В работе проанализированы результаты исследования, подтверждающие эффективность применения цифровой музыкальной терапии программы «My energy stream» как психотерапевтического метода. Был предложен алгоритм использования приложения «My energy stream» в работе с пациентами, подверженными паническим атакам, стрессовым ситуациям и страдающими бессонницей.

Ключевые слова: музыкальная терапия, цифровая музыкальная терапия, панические атаки, тревожность, бессонница, программа «My energy stream».

Введение

Использование музыки в лечении различных заболеваний, главным образом для коррекции нервно-психических расстройств, известно с глубокой древности. Возможности использования целительной силы музыки упоминались еще в трудах Аристотеля и Платона, прослушивание музыки как метода лечения известно в древних культурах стран Востока, в Греции, Индии, Японии, Китае [2].

В США в 1789 г. в американском журнале «Columbian Magazine» вышла статья под названием «Музыка с физической точки зрения». В 1800-х гг. впервые был описан эксперимент в области музыкальной терапии, которую применили для изменения состояний сна при психотерапии. Но повсеместное распространение музыкальной терапии как психотерапевтического метода получила в XX в., после Первой и Второй мировой войн, когда в больницы к ветеранам, имеющим как физические, так и психоэмоциональные травмы, приходили музыканты, после чего у пациентов отмечались заметные положительные физические и эмоциональные реакции на музыку [16].

В Германии в 80-е гг. прошлого века сфера применения музыкальной терапии не была ограничена лишь лечением неврозов и депрессии, а рекомендовалась к применению в различных областях: от детской и общей психиатрии до невропатологии и педиатрии. В США в 1950 г. была создана Национальная ассоциация музыкальной терапии, которая в 1998 г. была преобразована в Американскую ассоциацию музыкальной терапии [14]. В 1985 г. в Генуе, Италия, была создана Всемирная федерация музыкальной терапии [18].

В отечественной науке интерес к использованию музыки в терапевтических целях возник в начале XX в., когда по инициативе В.М. Бехтерева в 1913 г. был основан комитет по исследованию музыкально-терапевтических эффектов. К этому времени ученым (В.М. Бехтерев, И.М. Сеченов, И.М. Догель, И.Р. Тарханов) удалось выявить положительное действие музыки на различные системы человеческого организма: центральную нервную систему, сердечно-сосудистую, двигательную системы. Со второй половины XX в. музыкальная терапия как один из методов арт-терапии в России применяется как в медицине, так и в психологии в лечебных и коррекционных целях [8, 11, 15].

В основе метода музыкотерапии лежит воздействие музыки на психоэмоциональное состояние человека. Накопление научных знаний об особенностях восприятия музыки и ее влиянии на различные отделы головного мозга и его функции позволило в настоящее время разрабатывать и предлагать эффективные клинические методы терапии ряда когнитивных, сенсорных и моторных дисфункций, возникающих вследствие различных неврологических заболеваний, успешно применять принципы музыкотерапии в нейрореабилитации [1, 5, 9, 13].

Цифровая музыкотерапия представляет собой метод регуляции психоэмоционального состояния человека, его настроения посредством использования специальных музыкальных алгоритмов. Это инновационное приложение, которое дает возможность получать психологическую помощь людям по всему миру, не выходя из дома и используя в качестве технических средств только свои компьютеры и смартфоны [12].

Возможности применения музыкотерапии достаточно разнообразны. Это интегративная научная дисциплина, которая находится на стыке нейрофизиологии, психологии, музыкальной психологии, рефлексотерапии, музыковедения и др. Под действием музыкальных гармонических сигналов, воспринимаемых слуховым аппаратом человека и обрабатываемых в дальнейшем слуховым центром коры головного мозга, воздействующие амплитуды звукового сигнала преобразуются в так называемые гармоники, которые сочетаются по действию между собой и могут усиливать свое действие вследствие совпадения сигналов. В результате мозг человека начинает воспринимать слуховые сигналы на качественно более высоком уровне, при этом такие сигналы сопровождаются положительно окрашенными эмоциями. Современные методы, используемые в музыкотерапии, нашли свое воплощение в цифровых технологиях с их уникальными возможностями функциональности, визуальности и кодирования информации. Потенциал использования цифровой музыкотерапии при этом не ограничивается исключительно прослушиванием определенной музыки: рассматриваются вопросы использования цифровых технологий для оценки психического состояния пациента, с целью подбора наиболее действенных вариантов музыкальных треков, изучается возможность коррелировать различные функциональные связи между прослушиванием музыки и динамической оценкой функционального состояния человека, добиваясь таким образом желаемого терапевтического и корригирующего эффекта с учетом цели оказываемого воздействия и индивидуальных характеристик пациента в каждом конкретном случае [4, 17]. В рамках нашего исследования анализируется эффективность использования цифровой музыкотерапии в коррекции панических атак и их неблагоприятных последствий.

На сегодняшний день панические атаки представляют собой довольно распространенное явление: отмечается, что распространенность данной патологии в течение жизни человека встречается 22% в общесоматической сети [6]. При этом если одни люди испытывают приступ паники 1-2 раза в жизни, другие страдают от данного недуга довольно продолжительное время.

Сильная, как правило развивающаяся по нарастающей, непредсказуемая и резкая, плохо контролируемая тревога мешает нормальной жизни человека, может длиться от нескольких минут до получаса и проявляться с различной частотой, вплоть до нескольких приступов паники за сутки. При этом человек физически испытывает изменения своего состояния в виде учащенного сердцебиения, усиливающегося потоотделения, ощущения нехватки воздуха; некоторые люди отмечают присутствие головокружения, озноб или сильный жар. Как следствие, человек теряет контроль над ситуацией, испытывая чувство надвигающейся катастрофы, вплоть до страха смерти [3, 7].

В исследовании был выполнен анализ возможности терапии панических атак с помощью цифровой музыкотерапии как альтернатива медикаментозного лечения в борьбе со стрессами, тревогой и их последствиями.

Материалы и методы исследования

В исследовании была задействована программа «Му energy stream», разработанная компанией Cybernet Ltd (Республика Татарстан) для музыкально-акустической терапии панических атак, стрессовых и тревожных расстройств, посредством прослушивания через онлайн-приложение специально запрограммированных музыкальных треков. Музыкально-акустические S-алгоритмы, используемые в треках программы, обладают выраженным седативным эффектом и предназначены для коррекции функционального состояния организма [10]. Это особые музыкальные программы, которые были разработаны в тесном сотрудничестве неврологов, психологов и музыкантов, направленные на достижение следующих эффектов: оказание терапевтического действия при панических атаках, бессоннице, тревоге и стрессе, различных психосоматических расстройствах, а также в качестве метода, направленного на увеличение уровня общего качества жизни и здоровья.

В исследовании приняли участие 22 человека, мужчины и женщины (1 : 1) (или ... мужчин и ... женщин) в возрасте от 31 до 50 лет, имеющие симптомы панических атак с разной степенью их выраженности. Все исследуемые скачали приложение «Му energy stream» и ежедневно в дневное и вечернее время прослушивали композиции, представленные в приложении, от 30 до 60 минут в

день в течение 3 месяцев.

Предварительно со всеми участниками исследования в рамках индивидуального приема было проведено интервью, позволяющее зафиксировать основные жалобы пациентов, и выполнен ряд тестов:

- САН (самочувствие-активность-настроение);
- TMAS (шкала проявлений тревоги Тейлора);
- Цветовой тест Люшера.

Для того, чтобы контролировать динамику состояния испытуемых, прием повторялся каждые 2 недели.

За первый месяц использования программы «My energy stream» при оценке жалоб у 50% испытуемых было зафиксировано улучшение сна, яркость сновидений. У 45% испытуемых отмечено снижение тревожности, 40% указали на отсутствие панических атак.

В течение последующего месяца 50% пациентов отметили появление у них энергичности, бодрости, что также подтвердили результаты тестирования. Был зафиксирован момент ухудшения анализируемых показателей, вызванный объявлением «специальной военной операции», что ожидаемо, поскольку люди с паническими атаками более подвержены тревоге и хуже справляются со стрессовыми ситуациями по сравнению с лицами, не страдающими паническими атаками. В момент ухудшения состояния для пациентов было рекомендовано прослушивание треков по 3 раза в день, а также дополнительно, в момент наибольшего волнения. После коррекционных работ показатели вернулись в норму.

Результаты опроса, выполненного в начале и конце исследования, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты опроса участников исследования, страдающих приступами панических атак, до и после эксперимента

Жалобы и симптомы	Пациенты, предъявляющие жалобы (%)	
	При первичном обследовании	В конце эксперимента
Тревога	85	35
Панические атаки	100	25
Повышенная утомляемость	90	45
Мышечное напряжение	85	40
Бессонница	75	25

Согласно представленным в табл. результатам, по всем анализируемым параметрам по окончании эксперимента наблюдались значительные улучшения показателей в виде снижения количества жалоб пациентов.

Большинство участников исследования отметило улучшение своего самочувствия: спустя 3 месяца применения программы на продолжающиеся панические атаки жаловались лишь 25% пациентов. Показатели тревоги и жалобы на бессонницу уменьшились на 50%, жалобы на повышенную утомляемость и мышечное напряжение сократились на 45%.

Согласно результатам опроса пациентов, регулярное слушание музыки приложения «My energy stream» позволило им также улучшить свою память, 60% отметили, что музыка способствовала расслаблению, особенно в стрессовой ситуации и мышечном напряжении. Еще 50% испытуемых отметили, что они стали более собранными и продуктивными.

Согласно полученным результатам, предложенные алгоритмы использования цифровой музыкотерапии «My energy stream», разработанные в рамках выполненного исследования, обладают ярко выраженным релаксирующим и седативным эффектом, вследствие чего человек имеет возможность стабилизировать свое психоэмоциональное состояние, снизить выраженность тревоги и стресса, а также справиться с бессонницей и мышечным напряжением, вызванными нейрогенными факторами.

Заключение

Использование приложения «My energy stream» показало свою эффективность в работе с пациентами, подверженными паническим атакам, стрессовым ситуациям и страдающими бессонницей. При прохождении курса занятий уже через 1 месяц использования программы «My energy stream» достоверно снизилось число жалоб на самочувствие, а после прохождения всего курса по результату тестирования были зафиксированы улучшения по всем анализируемым параметрам. Согласно результатам тестирования, музыкотерапия оказывает положительное влияние на тревожных пациентов, оказывая успокаивающий эффект, поэтому данные алгоритмы могут быть рекомендованы к применению в качестве дополнительной реабилитационной терапии в медицинских учреждениях, что будет способствовать более быстрой реабилитации. Хочется дополнить, что данное приложение может помочь большому количеству людей по всему миру, благодаря своей доступности и простоте использования, при этом для экстренной помощи достаточно нажать на воспроизведение понравившейся мелодии у себя на смартфоне. В широком понимании, цифровая музыкотерапия «My energy stream» - психотерапевтический метод, основанный на целительном воздействии музыки на психологическое состояние человека. Ее конечная цель – восстановление, возвращение к гармонии и поддержание здоровья всего организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Е.А., Иванчук Е.В., Гунченко М.М., Батышева Т.Т. Возможность использования музыкотерапии в неврологии на примере рассеянного склероза. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2016;116(2 2):74-77.
2. Бомбардирова Е.П., Басаргина М.А., Харитоновна Н.А., Митиш М.Д. Музыкотерапия: вспомогательный метод реабилитации при перинатальной патологии у детей первых месяцев жизни. Неврологический журнал им. Л.О. Бадаяна. 2020;1(4):224-231. <https://doi.org/10.17816/2686-8997-2020-1-4-224-231>.
3. Воробьева О.В. Панические атаки (клиника, диагностика, принципы лечения). Лечение заболеваний нервной системы. 2015;2(17):3-11.
4. Выготский Л.С. Психология искусства / Общ. ред. В.В. Иванова, коммент. Л.С. Выготского и В.В. Иванова, вступит. ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. - 573 с.
5. Евдокимова И.А. Музыкотерапия в комплексном лечении соматических расстройств. Музыкотерапия в музыкальном образовании: Материалы Первой Международной научно-практической конференции. 2008;141-148.
6. Кузюкова А.А., Рачин А.П. Панические атаки в неврологической практике. Русский медицинский журнал. 2017;13:986-991.
7. Липовая О.А., Соколовский Г.В. Психологические особенности панических атак. Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017;(1):57-60.
8. Орлова Е.М. К истории создания отечественных программ по музыкотерапии: В.М. Бехтерев. Музыкотерапия сегодня: наука, практика, образование: материалы Международной конференции. 2019;31-32.
9. Петрушин В.И. Музыкальная психотерапия: Теория и практика. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. 176 с.
10. Шушарджан С.В. Современные методы музыкальной терапии и эффекты, возникающие при воздействии музыкой и различными акустическими сигналами на организм человека. Традиционная медицина. Восток и Запад. 2005;2(2):23-29.
11. Aalbers S., Fusar-Poli L., Freeman R.E., Spreen M., Ket J.C., Vink A.C., Maratos A., Crawford M., Chen X.-J., Gold C. Music therapy for depression. Cochrane Database Syst Rev. 2017;11(11):CD004517. doi: 10.1002/14651858.CD004517.pub3.
12. Aarvik B. Digital audio workstations in music therapy: An international study of how music therapists in a mental health setting experience working with digital audio workstations. 2019;116 p. <https://bora.uib.no/bora-xmlui/bitstream/handle/1956/22443/Aarvik%2C%20B.%20%282019%29%20Digital%20Audio%20Workstations%20in%20Music%20Therapy.pdf?sequence=1&isAllowed=y>,
13. Apreleva A. Music therapy as an integrated method of psycho-emotional and cognitive support in multidisciplinary ALS care. Mental Health and Education: Collection of Scientific Papers of the II Congress on Mental Health: Meeting the Needs of the XXI Century. 2018;422-425.
14. History of music therapy. American music association. <https://www.musictherapy.org/about/history/>.
15. Mallik A., Russo F.A. The effects of music & auditory beat stimulation on anxiety: a randomized clinical trial. PLoS ONE. 2022;17(3):e0259312. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259312>.
16. Mercadal-Brotons M. Music therapy education and training from a global perspective. Mental Health and Education: Collection of Scientific Papers of the II Congress on Mental Health: Meeting the Needs of the XXI Century. 2018;428-430.
17. Vereschagina E.A., Kayak A.B., Fadyushin S.G., Kudra T.A., Lyadov S.S. Digital technologies applied to music therapy in the information-semantic approach. Advances in Economics, Business and Management Research. International Scientific Conference «Far East Con» (ISCFEC 2020). 2020;128:973-980.
18. World Federation of music therapy. <https://wfmt.info/>.

© Васина Марина Владимировна (master-marina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ НА СКОРОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ганшин Сергей Олегович

старший преподаватель, Московский
финансово-промышленный университет «Синергия»
sganshin@inbox.ru

INFLUENCE OF PERCEPTIVE READINESS ON THE SPEED OF PERCEPTION OF NEW INFORMATION

S. Ganshin

Summary: The article is devoted to one of the fundamental cognitive phenomena – perceptual readiness (expectation), which determines the speed of perception and recognition of new information. The study of perceptual readiness is relevant in that it covers the daily life of a person in such phenomena as motivation, selectivity of attention, mutual understanding and worldview of a person. Perceptual readiness is able to form sensitivity (sensitivity) in relation to one information agents, at the same time indifference to others. In some cases, it can be the cause of the emergence of psychopathological mechanisms (for example, anxiety, obsessive-compulsive disorders). The processes of adaptation and maladaptation are inextricably linked with perceptual readiness, since expectation forms protective response mechanisms, on the other hand, it can lead to stereotyping.

The purpose of the study is to establish (verify) the presence of the influence of perceptual readiness (expectation) on the speed of perception and recognition of new information.

According to the results of the empirical study, it was found that subjects without perceptual readiness recognize new information longer; in the behavioral register, this was recorded in the duration of responses and reactions to the presented stimulus material.

The data obtained make it possible to study the properties and mechanisms of the perceptual, to apply the acquired knowledge in applied areas that require a decrease in the level of uncertainty, frustration, and anxiety.

Keywords: perception, perceptual readiness, expectations, set, cognitive scheme.

Аннотация: Статья посвящена одному из фундаментальных когнитивных феноменов – перцептивной готовности (ожидания), которая детерминирует скорость восприятия и распознавание новой информации. Исследование перцептивной готовности актуально тем, что она охватывает повседневную жизнь человека в таких явлениях как мотивация, избирательность внимания, взаимопонимание и мировоззрение человека. Перцептивная готовность способна формировать сензитивность (чувствительность) по отношению к одним информационным агентам, в тоже время безразличие к другим. В некоторых случаях именно она может являться причиной возникновения психопатологических механизмов (например, тревоги, навязчивых состояний). Процессы адаптации и дезадаптации неразрывно связаны с перцептивной готовностью, поскольку ожидание формирует защитные механизмы реагирования, с другой стороны – может вести к стереотипизации. **Цель** исследования – установить (верифицировать) наличие влияния перцептивной готовности (ожидания) на скорость восприятия и распознавания новой информации.

По результатам проведенного эмпирического исследования было установлено, что испытуемые без перцептивной готовности дольше распознают новую информацию, в поведенческом регистре это было протоколировано в длительности ответов и реакций на предъявляемый стимульный материал.

Полученные данные позволяют изучать свойства и механизмы перцептивной, применять полученные знания в прикладных областях, требующих снижения уровня неопределенности, фрустрированности, тревожности.

Ключевые слова: восприятие, перцептивная готовность, ожидания, установка, когнитивная схема.

Перцептивная готовность определяется как ожидание воспринимаемой информации. С точки зрения когнитивного психолога Дж. Брунера перцептивная готовность заключается в отнесении той или иной информации к определенной категории, что называется «категоризация». Первичная категоризация является врожденной и относит информацию, например, к «свету», «движению», «лицам» и другим объектам. На основе врожденной категоризации происходит селекция распознавания новой информации и закрепление его в памяти. Запечатленные конкретные образы объектов обобщаются в образы-типы, которые выполняют роль «гипотез». Если информацию сложно отнести к той или иной гипотезе или происходит конкуренция гипотез,

то решающую роль выполняет готовность и ожидание, контекст опыта человека и его потребностей. При этом категоризация не является неизменной, она может быть предварительной и проходит постоянную перепроверку. Однако в случаях, если категоризация оказывается систематически успешной или удобной для восприятия, то пластичность и открытость изменениям снижается. Таким образом, восприятие в большей степени автоматизируется, не осознается, что с одной стороны упрощает и ускоряет восприятие, с другой стороны – создает предпосылки к ошибкам восприятия, иллюзиям и стереотипизациям. Например, парейдолии являются разновидностью отнесения, воспринимаемого к неправильной гипотезе [1, 3, 6].

Дж. Брунер провел эксперимент, в ходе которого испытуемым предъявлялся стимул «13». Испытуемые распознавали в нем либо цифру «13», либо литеру «В», в зависимости от контекста, к которому его приписывали. Контекст мог быть цифровым «12... 14», либо буквенным «А... С». Иначе говоря, любая внешняя информация будет воспринята человеком в зависимости от контекста, который создает относительность (фигуры и фона). Контекстом могут выступать внешние объекты (ситуации) и прошлый опыт человека, задающие направленность восприятия. Другой эксперимент Дж. Брунера предполагал предъявление испытуемым слов с использованием тахистоскопа, который проецировал слова на экран. Одной группе испытуемым оглашалась тематика слов, которые они увидят, второй группе – не сообщалось заранее ничего. По результатам исследования группа, которой сообщалась тематика слов, отвечала быстрее [2, 7].

Физиологической основой перцептивной готовности, вероятно, являются клеточные ансамбли Д. Хебба и рецептивные поля нейронов. В связи с тем, что существуют различные сенсорные модальности (зрение, слух, осязание, вкус и пр.), формируются различные ассоциативные связи (ассоциативная кора), необходимые для представлений и репрезентаций данной модальности. У приматов и человека преобладающую роль имеет зрительный анализатор и соответственно представления визуального восприятия. Например, Д. Марр считал основной задачей визуального восприятия формирование представлений о форме или «принятие решения» о категории репрезентации, что ускоряет процесс распознавания объектов. Зрительная кора человека имеет большое количество полей, отвечающих за распознавание разных признаков объектов (цвет, форма и пр.), что формирует категоризацию. Простейшими единицами геометрических объектов по И. Бидерману являются геоны (элементарные формы, разновидности цилиндров) или, если это знаковая система – текстоны. Процесс формирования репрезентаций объектов идет от простого к сложному: от восприятия линий, углов, краев, то есть двухмерного пространства до градиентов (яркости освещения объектов) трехмерного пространства (отдаленность объектов, глубина, ориентация) [5, 7, 9].

Одной из важнейших теоретических основ в распознавании новой информации является модели Э. Трейсмана, Д. Дойчей, Д. Нормана, которые экспериментально установили, что восприятие тесно связано с долговременной памятью («словарем»), что определяет степень значимости, релевантности внешнего стимула и скорости, интенсивности реагирования на него. Например, спящий человек с большей вероятностью проснется от произнесения не всех слов подряд, а от своего личного имени. Или студенты на заня-

тии будут в большей степени реагировать на те слова и темы лектора, которые для них в большей степени интересны [8, 10, 11].

Д.Н. Узнадзе явлением, при котором прошлый опыт автоматизируется и определяет восприятие новой информации, называл установкой [13].

Ф. Бартлетт выявил, что люди воспринимают новую информацию на базе старых когнитивных схем, то есть прошлого опыта. Новое как бы встраивается в систему долговременной памяти. В его исследованиях было продемонстрировано, как испытуемые искажают в пересказе иностранные мифы и легенды, которые приобретают привычные для пересказчика слова и образы. Ф. Бартлетт пришел к выводу, что человек не просто механически запоминает и говорит то, что запомнил, а конструирует нечто оригинальное, обусловленное его психической системой представлений, когнитивной схемой [7, 12].

Г. Гельмгольц описывал перцептивную готовность как бессознательные умозаключения, которые автоматически интерпретируют входные сенсорные данные при переходе их от ощущений к восприятию. Наиболее константные умозаключения формируются в раннем детском возрасте, тем самым обеспечивая им свойство непреодолимости, сложности коррекции [4].

Г.Э. Мюллер полагал, что запоминание материала происходит не механически, а новая память интерферирует, накладывается на старую, что определяет готовность к восприятию той или иной информации [7, 8].

Кроме того, перцептивная готовность используется в проективных методиках. В нейтральных или неоднозначных изображениях клиент (пациент) различает свои проблемные стороны жизни, которые Г. Мюррей назвал «темами». Эти темы будут проходить лейтмотивом при предъявлении различных изображений [11].

В целях исследования влияния перцептивной готовности на скорость распознавания новой информации нами было проведено исследование, состоящее из четырех этапов:

1. Подготовительный этап, в ходе которого были отобраны испытуемые в количестве 50 человек (студенты 1 курса МФПУ «Синергия» психологического факультета в возрасте от 18 до 25 лет, при одинаковом соотношении полов). Был составлен стимульный материал, представляющий собой слова из житейского и повседневного лексикона. Слова специальным образом шифровались. Буквы в них смещались влево или вправо, например, шифр слова «психолгоия» (психология). Первая буква всегда оставалась на своем месте, осталь-

ные буквы могли смещаться. На каждого испытуемого было отобрано по 30 житейских слов (по 15 слов в два этапа). Итого на 50 испытуемых по 30 слов в сумме 1500 слов, которые произносились в эксперименте единожды. Количество букв в словах и количество смещений букв выдерживались для каждого испытуемого одинаковое (для обеспечения равных условий). Для I серии эксперимента на каждого испытуемого были подобраны 15 зашифрованных слов на одну конкретную тематику (погода, профессии, канцелярские принадлежности и т.д.). Данная тематика испытуемому предварительно оглашалась. На II серии, тематики не было, 15 слов были случайно подобраны друг к другу.

Гипотеза исследования: перцептивная готовность (ожидание) влияет на скорость восприятия и распознавания новой информации (скорость реагирования).

2. Экспериментальный этап состоял из двух серий. Главным отличием серий друг от друга являлось то, что в I серии действовал фактор готовности (ожидания) благодаря объявлению общей тематики слов, к которой они относятся. Во II серии данный фактор переставал действовать: слова были на различную тематику. Время от предъявления слова до его правильного прочтения испытуемым фиксировалось секундомером. Затем время за 15 слов в каждой из серий по каждому испытуемому суммировалось.
3. Статистический этап, в котором был произведен анализ полученных данных на одной выборке испытуемых в двух различных условиях (сериях), в целях определить направленность и выраженность изменений (сдвиг) в скорости ответов. Для расчета был использован T-критерий Вилкоксона с применением программы «Statistical Package for the Social Sciences» (SPSS).
4. Заключительный этап (выводы).

Рассмотрим полученные результаты эмпирического исследования.

В I серии эксперимента среднеарифметические от-

веты 50 испытуемых составили 20,2, в II серии – 21,6 секунды (Табл. 1).

Таблица 1.
Время ответов испытуемых на предъявление стимулов в двух сериях эксперимента

Результаты	I серия (секунды)	II серия (секунды)
Среднее значение	20,2	21,6
Сумма	1014	1065

Для определения статистической значимости полученных результатов был использован T-критерий Вилкоксона. Необходимо установить какие ответы испытуемых являются типичными (частыми) на II этапе исследования. В нашем случае из 50 человек только у 15 (30%) значения во II этапе оказались меньше, чем в первом. У остальных 35 (70%) испытуемых скорость ответов во II этапе оказалась дольше. Следовательно, типичными являются ответы большинства. В результате чего на 72 секунды ответы во II этапе оказались дольше (Рис. 1).

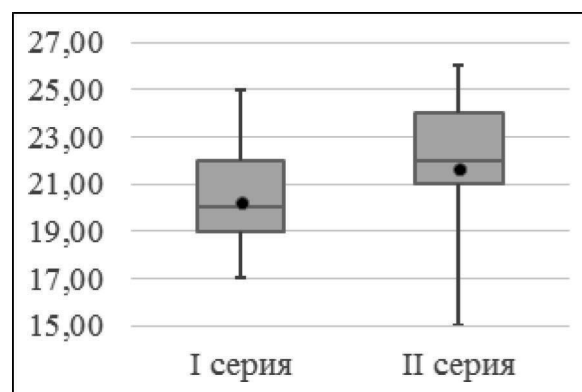

Рис. 1. Соотношение серий эксперимента по времени ответов (в секундах)

Эмпирическое значение T-критерий Вилкоксона определяется по формуле: $T_{эмп} = \sum R_r$, где $\sum R_r$ – сумма рангов с редкими значениями. В нашем случае сумма рангов редких и нетипичных значений 15 испытуемых составила 238. $T_{эмп} = 238$ (Табл. 2).

Таблица 2.

Результаты, полученные в программе «Statistical Package for the Social Sciences» (SPSS) по T-критерию Вилкоксона

Показатели	Значения	Средний ранг	Сумма рангов
Отрицательные (редкие) ранги	15	15,87	238,00
Положительные ранги	35	29,63	1037,00
Совпадающие наблюдения 0	0	–	–
Всего (N)	50	–	–
Z-показатель	-3,891	–	–
Ассимпт. знач. (двусторонняя)	,000	–	–

Полученный результат считается значимым, если он соответствует критическим значениям для $n = 50$ (испытуемых): $p \leq 0,05$ (466) и $p \leq 0,01$ (397). Наше эмпирическое значение T -критерия Вилкоксона = 238, что больше 397 и попадает в зону значимости. Таким образом, гипотеза о том, что перцептивная готовность (ожидание) влияет на скорость восприятия и распознавания новой информации, принимается.

Выводы

1. Перцептивная готовность (ожидание) влияет на скорость восприятия и распознавания новой информации. Это выражается в том, что категоризированный стимульный материал по своей тематике, инструкции, объяснению снижает

уровень неопределенности у личности и подводит ее восприятие к конкретным категориям и гипотезам.

2. Данные результаты могут быть полезны как верификация свойств перцептивной готовности, и могут быть использованы на практике в различных прикладных областях. Например, в целях снижения уровня противоречий, конфликтности, тревожности в социальных отношениях. Это достигается тем, что человек получая конкретные инструкции, четкую организацию и планирование своей деятельности, в большей степени защищен от фрустрации и неопределенности.
3. Знание, что перцептивная готовность ускоряет процесс реакции, может быть использована для выделения ложной информации от правдивой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм. – М.: Прогресс, 1974. – 180 с.
2. Брунер Дж. Когнитивная психология / Дж. Брунер. – 1: 1, 1. – 412 с.
3. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 413 с.
4. Гельмгольц Г. О зрении человека. Новейшие успехи теории зрения. / Г. Гельмгольц. – М.: Книжный дом «Либроком», 2019. – 192 с.
5. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
6. Грегори Р.Л. Разумный глаз: пер с англ. изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240с.
7. Когнитивная психология. Учебник для вузов // под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.
8. Маклаков А.Г. Общая психология. Учебник для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб: Питер, 2019. – 583 с.
9. Марр Д. Зрение: информационный подход к изучению представления и обработки зрительных образов: пер. с англ. – М.: Радио и связь, 1987. – 400 с.
10. Найссер У. Познание и принципы когнитивной психологии: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 232 с.
11. Немов Р.С. Общая психология в 3 т. Том III в 2 кн. Книга 1. Теории личности / Р.С. Немов. – М.: Юрайт, 2022. – 349 с.
12. Пиаже Ж. Генезис элементарных логических структур / Ж. Пиаже, Б. Инельдер. – М.: Иностранная литература, 1963. – 447 с.
13. Узнадзе Д.Н. Теория установки / Д.Н. Узнадзе. – Воронеж: МОДЭК, 1997. – 448 с.

© Ганьшин Сергей Олегович (sganshin@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Гудименко Оксана Викторовна

кандидат психологических наук, доцент, Омский
государственный университет путей сообщения
gudimenko.oksana@mail.ru

Чарикова Татьяна Вячеславовна

старший преподаватель, Омский государственный
университет путей сообщения
tatianachar-i@mail.ru

FEATURES OF THE TIME PERSPECTIVE IN ADOLESCENCE

**O. Gudimenko
T. Charikova**

Summary: In the conditions of modern reality, the pace of life in general and the number of events lived by a person in particular have significantly deteriorated, which in turn encourages him to rethink the concept of time and interaction with it. Modern man is forced to think about how he can achieve a balance between the past, present and future, i.e. how exactly to build a harmonious time perspective. This problem becomes most relevant in adolescence, when a young person needs to start learning how to manage a temporary resource competently, namely, to plan his future, realizing himself in the present, based on the experience of the past. This process requires a lot of psychological stress, which is not easy for everyone to do. In this case, some young people refuse to take responsibility for their lives, preferring either, to stay in the past, reacting to changing events with infantile behavior, or to go into unrealistic dreams and fantasies, taking it for planning the future. Others, on the contrary, are able to assume their future, realizing themselves in the present, while relying on the experience of the past. If a young person does not master the skill of building a balanced time perspective, he will not be able to take responsibility for his own life and will lose the ability to control its course.

Keywords: time, time perspective, adolescence.

Аннотация: В условиях современной реальности значительно увеличились темп жизни в целом и количество событий, проживаемых человеком в частности, что в свою очередь побуждает его к переосмыслению понятия времени и взаимодействия с ним. Современный человек вынужден задумываться о том, как ему достичь баланса между прошлым, настоящим и будущим, т.е. как именно выстроить гармоничную временную перспективу. Наиболее актуальной, данная проблема становится в юношеском возрасте, когда молодому человеку необходимо начинать учиться грамотно обходиться с временным ресурсом, а именно планировать свое будущее, реализуясь в настоящем, опираясь на опыт прошлого. Это процесс требует большого психологического напряжения, с которым не каждому легко обойтись. В данном случае одни молодые люди отказываются брать ответственность за свою жизнь, предпочитая, либо удерживаться в прошлом, реагируя на изменяющиеся события инфантильным поведением, либо уходить в нереалистичные мечты и фантазии, принимая это за планирование будущего. Другие же наоборот оказываются способны предполагать свое будущее, реализуя себя в настоящем, опираясь при этом на опыт прошлого. Если молодой человек не освоит навык выстраивания сбалансированной временной перспективы, он будет не способен принимать ответственность за собственную жизнь и утратит возможность управлять ее течением.

Ключевые слова: время, временная перспектива, юношеский возраст.

В стремительно меняющихся условиях жизни способность человека воспринимать время, распределять течение жизни по временным рамкам прошлого, настоящего и будущего, рассматривать их как целостный конструкт, является важным процессом его жизни.

Взаимодействие человека со временем строится на формировании взаимосвязи объективного времени, которое определяется часами и субъективного, представляющего собой личностные конструкты.

По мнению К. Левина существует взаимосвязь между настоящим, прошлым и будущим, которое основывается на включении в контекст настоящего будущего и прошлого. Согласно его трактовке, переживание настоящего невозможно без опоры на прошлое и ориентации на будущее. Осознавая и переживая настоящую реальность, в которой находится человек, он всегда будет включать в этот процесс прошлый опыт и планирование будущего.

Данный процесс восприятия времени получил название временная перспектива [9].

Для того чтобы рассуждать о представлении себя в континууме времени в юношеском возрасте, необходимо понять, как эти представления развиваются в онтогенезе. Формирование временных представлений происходит очень постепенно. Сначала у ребенка появляется лишь осознание ограниченной временной последовательности (так, например, после еды он будет спать), которое также подкрепляется ощущением ритмически сложившегося стереотипа. Потом постепенно расширяется временной континуум, осознаваемый ребенком (в пределах дня или каких-то стабильных ситуаций), складывается осознание того, что уже было, и того, что будет; и здесь появляется очень важный аспект, необходимый для формирования образа «Я» – возникает представление о месте своего «Я» в пространственно-временном континууме, то есть во внешнем мире. Вместе с тем, ребе-

нок еще плохо осознает прошлое, настоящее и будущее в масштабе длительных периодов. Крайне трудным для ребенка является количественная градуировка времени и временно-пространственных соотношений. Для формирования количественных временных соотношений для ребенка необходимо длительное опосредование с помощью внешних конкретных средств (календаря, расписания), соответствующих культурным представлениям о времени. Также, для ребенка еще недоступно представление о времени как временного соотношения между причиной и следствием, которое формируется параллельно и взаимосвязано, развитию логического мышления у ребенка [5; 6].

В юношеском возрасте впервые в самосознание входит фактор времени. Прежде всего, с возрастом заметно ускоряется субъективная скорость течения времени. Эта тенденция, начавшись в юношестве, потом продолжается и во взрослом, и в пожилом возрасте. Развитие временных представлений связано с умственным развитием и изменением общей жизненной перспективы. Если ребенок живет преимущественно настоящим, то юноша – будущим. Подростки еще воспринимают время дискретно, оно ограничено для них непосредственным прошлым и настоящим, а будущее кажется буквальным, непосредственным продолжением настоящего. В юности же временной горизонт расширяется как вглубь, охватывая отдаленное прошлое и будущее, так ивширь, включая уже не только личные, но и социальные перспективы. Это связано с переориентацией юношеского сознания с внешнего контроля на внутренний самоконтроль и с ростом потребности в достижении [21].

Переживание собственной уникальности приводит к открытию одиночества, поэтому чувство текучести и необратимости времени сталкивает юношество с проблемой конечности своего существования и темой смерти. Она занимает много места в дневниках, размышлениях,

чтении и интимных беседах, что свидетельствует о формировании еще одного элемента юношеского самосознания – философской рефлексии [15].

Формирование временной перспективы в юношеском возрасте, это процесс, требующий большого психологического напряжения, с которым не каждому легко обойтись. В данном случае одни молодые люди отказываются брать ответственность за свою жизнь, предпочитая, либо удерживаться в прошлом, реагируя на изменяющиеся события инфантильным поведением, либо уходить в нереалистичные мечты и фантазии, принимая это за планирование будущего. Другие же наоборот оказываются способны предполагать свое будущее, реализуя себя в настоящем, опираясь при этом на опыт прошлого.

Юношеские представления о возможностях разных этапов человеческой жизни крайне субъективны. В 16 лет может казаться, что в 25 лет жизнь прожита, она кончается, взрослость отождествляется с неподвижностью и обыденностью. Поэтому в юноше конфликтно существуют страстная жажда нового, взрослого опыта и страх перед жизнью, желание не взрослеть, что в свою очередь определяет специфику восприятия времени, что оказывает в дальнейшем существенное влияние на его дальнейшее развитие. Исходя из сказанного выше, возникает необходимость исследования особенностей переживания прошлого, настоящего и будущего в данный возрастной период [22].

Для изучения временной перспективы в юношеском возрасте, мы использовали методику «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (ZTPI), что позволил получить информацию об оценке молодыми людьми пяти временных ориентаций: позитивное и негативное прошлое, гедонистическое настоящее и фатальное настоящее.

Рис. 1. Выраженность шкал временной перспективы в юношеском возрасте

В исследовании приняли участие 40 студентов Омского государственного университета путей сообщения в возрасте 17 до 23 лет.

Рассмотрим полученные результаты (Рис 1.)

Как видно из рисунка 1. в юношеском возрасте прослеживаются высокие показатели по шкалам «будущего» у 57% респондентов и «гедонистического настоящего» и у 22% респондентов. Очевидно, понимание получение непосредственного удовольствия, для юношеского возраста, связано с пониманием последствий и преимуществ немедленного наслаждения и той цены, которую придется заплатить за него в будущем. Обращенность в будущее становится основной направленностью личности молодого человека. Формирование жизненных планов, жизненной перспективы, приводит к коренному изменению отношения к оценке своих возможностей в достижении открывающихся перспектив, к новому соотношению близких и далеких целей.

Вместе с тем, для части испытуемых свойственно позитивное отношение к прошлому. Позитивное отношение к прошлому может отражать приятные события, которые человек действительно пережил, или свидетельствовать о позитивном отношении, позволяющем

извлекать лучшее из самых трудных ситуаций.

В юношеском возрасте меньше всего прослеживается ориентация на «фаталистическое настоящее» соответственно, т.е., молодые люди считают, что жизнь и судьба находятся в их руках, и возможно самостоятельно построить себя, свою жизнь в настоящем и будущем.

Что же касается «негативного прошлого» для большинства молодых людей, оно имеет наименьшее значение, это говорит о том, что у них в прошлом было мало разочарований, сожалений.

Несмотря на то, что временная перспектива в юношеском возрасте, еще находится на этапе становления, и до конца соответствует оптимальному профилю, предложенному Ф. Зимбардо, тем не менее, процесс ее становления связан с гибким переключением между размышлениями о прошлом, настоящем, будущим. По всей видимости, поведение молодых людей характеризуется гибкостью в зависимости от ситуативных требований, оценки ресурсов, личностных и социальных оценок, а поведение в юношеском возрасте определяется балансировкой между содержаниями репрезентациями прошлого опыта, желаниями настоящего и адекватными представлениями о будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж.Нюттен; под ред. Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2004.
2. Bradburn Norman M. Asking Questions: The Definitive Guide to Questionnaire Design - For Market Research, Political Polls, and Social...2014. - 345с.
3. Diener E. (Ed.), The Science of Well-Being: The Collected Works of Ed Diener, Social Indicators Research Series 37, Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer Science and Business Media, 2009a, 11-59.
4. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. - СПб: Речь, 2010. - 352 с.
5. Андреевкова Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения. 2010. №5 (99). С. 189-215.
6. Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенностью жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения. 2005. №4(76). С. 42-52.
7. Барышева Е.В. Социально-психологическая детерминация здоровья студенчества в системе открытого образования: Дис. ... к.психол.н. / Е.В. Барышева. - М., 2004. - 215 с.
8. Абульханова, К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. - СПб: Алетейя, 2001. - 298 с.
9. Левин К. Теория поля в социальных науках: Пер. с англ. - СПб: «Сенсор», 2000. - 368 с.
10. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1997. - 265 с.
11. Голубева М.Г. Психологические факторы преодоления кризисов профессионального становления юношей и девушек: дис. ... к.психол.н. / М.Г. Голубева. - Астрахань, 2010. - 213 с.
12. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: Системный подход: Дис. ... д-ра психол. наук [Текст] / С.Т. Джанерьян. - Ростов н/Д., 2005. - 442 с.
13. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. М.: Наука, 2014. №1. Т. 35. С.
14. Люсова О.В. Проектирование жизненного пути в юношеском возрасте: [монография] / О.В. Люсова; Муницип. бюджет. образоват. Учреждение высш. проф. образования «Волж. ин-т экономики, педагогики и права». - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. - 200 с. - Библиогр.: с. 148-160.
15. Пергаменщик Л.А., Лепешинский Н.Н. Шкала психологического благополучия К.Рифф: процесс и результат адаптации // Практическая диагностика. 2007. № 3. С. 73-96.
16. Пучкова Г.Л. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: автореф. дисс. ... канд. психол. Наук / Г.Л. Пучкова. - Хабаровск, 2010. - 17 с.
17. Фесенко П.П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: дис. ... к.психол.н. / П.П. Фесенко. - М., 2010. - 142с.
18. Шарай, В.Б. Функциональное состояние студентов в зависимости от форм организации студенческого процесса [Текст] / В.Б. Шарай. - М.: Педагогика, 2013. - 483 с.

19. Мамедова Ж.С. Ценностные ориентации личности в контексте временной перспективы. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвыпуск «Педагогика» № 6. Ростов-на-Дону, издательство РГПУ, 2006. С. 121 – 132.
20. Формирование личности старшеклассника. Под. ред. Дубровиной И.В. М., Педагогика, 1989.
21. Леснянская, Ж.А. Временная перспектива старшеклассников сельской школы, ее развитие и влияние на профессиональное самоопределение: автореф. дисс. канд. псих. наук / Ж.А. Леснянская; Иркутский гос. пед. университет. - Иркутск, 2008.
22. Рябикина, И.В. Структурная организация временной перспективы старшеклассников с разным уровнем учебной успешности: автореф. дис... канд. псих. наук / И.В. Рябикина; Санкт-Петербургский гос. университет. - СПб, 2007.
23. Гелас, М.В. Формирование личностных перспектив у старшеклассников: автореф. дис... канд. пед. наук / М.В. Гелас; Костромской гос. университет. - Кострома, 2006.
24. Ванина, О.В. Формирование жизненной перспективы старшего школьника в социально-культурной деятельности образовательного учреждения: автореф. дис... канд. пед. наук / О.В. Ванина. - М., 2006.
25. Иванушкина, С.А. Восприятие старшеклассниками событий собственного жизненного пути и профессиональное самоопределение: автореф. дис... канд. псих. наук / С.А. Иванушкина. - М., 2007.
26. Опросник временной перспективы Зимбардо. URL.: <https://socialmatrix.net/zimbardo/>

© Гудименко Оксана Викторовна (gudimenko.oksana@mail.ru), Чарикова Татьяна Вячеславовна (tatianachar-i@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный университет путей сообщения

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РАМКАХ ТЬЮТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Елисева Екатерина Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент, Национально-исследовательский Московский государственный строительный университет
Eliskati2008@mail.ru

Елисеев Юрий Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
elis1204@bk.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR FOREIGN STUDENTS WITHIN THE FRAMEWORK OF TUTOR SUPPORT

**E. Eliseeva
Yu. Eliseev**

Summary: The article discusses the features of the adaptation of foreign students in the new socio-cultural, linguistic and educational space, characterized by socio-psychological and socio-cultural factors. The following research methods were chosen: analysis of scientific and methodological literature on the research problem, questioning as a way to identify key problems in the processes of adaptation and integration, which forms a pedagogical experiment.

Based on the example of foreign students of NRU MGSU, the motivating factors for entering a Russian university, the difficulties of foreign students at the initial stage of adaptation and integration, as well as key participants in the issue of psychological support, were identified.

A theoretical and practical analysis of the possibilities of including tutoring in the process of adaptation and integration of foreign students is carried out.

The work is carried out with students of the preparatory faculty, as well as senior students. The interaction of tutors with foreign students begins even before the arrival of students in Russia. Tutors (senior students) introduce future students to the university through online and offline meetings. Upon arrival in the country, each subgroup of the preparatory faculty, depending on the language being studied, is assigned to a specific tutor. Tutor support consists in constant interaction with your subgroup, assistance in solving both everyday and educational difficulties.

As a result of the study, the authors confirm the idea that the tutor in the process of socio-psychological support retains his position as a senior mentor and in the first months acts as the central subject connecting all participants in the adaptation process. Thus, the participation of a tutor in the process of adaptation and integration of the student contributes to positive trends in the psycho-emotional state of students for the period of adaptation, as well as an increase in academic performance in the learning process.

Keywords: adaptation, integration, socio-cultural support, socio-psychological support, foreign student, tutoring.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности адаптации иностранных обучающихся в новом социокультурном, языковом и образовательном пространстве, характеризующиеся социально-психологическими и социально-культурными факторами. В качестве методов исследования выбраны: анализ научно-методической литературы по проблеме исследования, анкетирование как способ выявления ключевых проблем процессов адаптации и интеграции, формирующий педагогический эксперимент.

На примере иностранных студентов НИУ МГСУ выявлены мотивирующие факторы поступления в Российский вуз, трудности иностранных обучающихся на начальном этапе адаптации и интеграции, а также ключевые участники в вопросе психологической поддержки.

Проводится теоретический и практический анализ возможностей включения тьюторства в процесс адаптации и интеграции иностранных студентов.

Работа ведется с обучающимися подготовительного факультета, а также студентами старших курсов. Взаимодействие тьюторов с иностранными студентами начинается еще до приезда обучающихся в Россию. Тьюторы (студенты старших курсов) знакомят будущих студентов с университетом путем онлайн и офлайн встреч. По приезду в страну каждая подгруппа подготовительного факультета, в зависимости от изучаемого языка закрепляется за определенным тьютором. Тьюторское сопровождение заключается в постоянном взаимодействии со своей подгруппой, помощи в решении, как бытовых, так и учебных трудностей.

В результате проведенного исследования, авторы подтверждают идею о том, что тьютор в процессе социально-психологической поддержки сохраняет свою позицию в качестве старшего наставника и в первые месяцы выступает центральным субъектом, связывающим всех участников адаптационного процесса. Таким образом, участие тьютора в процессе адаптации и интеграции обучающегося способствует позитивным тенденциям в психоэмоциональном состоянии студентов на период адаптации, а также повышению успеваемости в процессе обучения.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, социально-культурная поддержка, социально-психологическая поддержка, иностранный обучающийся, тьюторство.

Введение

Процессы глобализации в области высшего образования и науки, эффективное развитие российского образования по мировым стандартам, а также ряд

иных смежных процессов (открытие границ для иммигрантов, упрощение процедуры получения гражданства и др.) способствуют активной международной образовательной мобильности. Вместе с тем не теряют значимости такие вопросы как социально-психологическая,

социально-культурная, а также академическая адаптация иностранных граждан в новом социокультурном и образовательном пространстве [12].

Диалог в межкультурной среде подвержен влиянию таких факторов как: язык, культура, поведенческие нормы, традиции и обычаи, мировоззрение, менталитет, которые лежат в основе различий культурного кода каждой из сторон. Данные различия, в свою очередь, являются двигателем всех возможных проблем, с которыми могут столкнуться иностранные обучающиеся в процессе интеграции в новую среду. Следовательно, процесс адаптации иностранных граждан невозможен без преодоления ряда трудностей, которые охватывают практически все сферы жизнедеятельности [9]. Образовательное учреждение, принимающее граждан иностранных государств в число слушателей и студентов, должно учитывать вопросы и проблемы иностранных обучающихся и сопровождать их, оказывая необходимую социально-культурную и социально-психологическую поддержку, на всех этапах адаптации и интеграции [8].

В рамках исследования поставлена цель, направленная на определение первостепенных трудностей адаптации и интеграции иностранных обучающихся, а также изучение возможностей включения тьюторского сопровождения в данные процессы.

Краткий обзор литературы

Основываясь на анализе научно-методической литературы отечественных и зарубежных авторов, по вопросу адаптации был сделан вывод об отсутствии единого подхода к содержательной части понятия «адаптация».

Отечественные авторы соотносят адаптацию с перестройкой личности, связанной с включением в новые социальные роли. Характеризуя данный процесс последовательностью, структурностью, многоуровневостью и динамичностью [5,6,11,13,14].

Например, И.В. Ширяева адаптацию иностранных обучающихся определяет, как «формирование устойчивой системы отношений ко всем компонентам педагогической системы, обеспечивающее адекватное поведение, способствующее достижению целей педагогической системы» [13, с.9].

«В социально-педагогическом аспекте адаптация определяется как конструктивное сотрудничество студентов, педагогов и администрации вуза, направленное на принятие иностранными студентами новых общественных требований при сохранении собственной социальной и культурной идентичности, не приводящей к ассимиляции» [12].

Зарубежные исследования можно описать концепцией К.Оберга, который ввел понятие «культурный шок», когда вхождение в новую среду, связано с дискомфортом от осознания разности культур, ценностей, потерей статуса, друзей. Концепцией V- или W-образной кривой адаптации, раскрывающей основные фазы адаптации в новой культуре. И отдельный этап в развитии изучения вопроса адаптации отводят разработке практических программ, направленных на снижение «культурного шока» и помощь в интеграции в новую культуру [3].

Методы

Основными методами исследования послужили: анкетирование, а также педагогический эксперимент, результаты которого в статье даны путем описательного метода.

Респондентами выступили иностранные обучающиеся НИУ МГСУ в возрасте от семнадцати до тридцати лет. Было проведено анкетирование иностранных обучающихся, с учетом физиологических и социально-психологических факторов. Получены ответы на вопросы связанные с выбором страны для поступления, трудностями после приезда и поддержки окружающих.

Мотивирующими факторами поступления на учебу в Россию стали: получение высококлассного образования (83,3%), интерес к культуре страны и доступная стоимость обучения (14,3%), а также изучение русского языка (2,4%).

Результаты анкетирования выявили основные трудности обучающихся на первом этапе адаптации и интеграции: акклиматизация (78,9 %), сложности в изучении языка (11,1), тяжелый учебный материал (10 %).

Вопрос о психологической поддержке показал, что, прежде всего, обучающимся важна помощь студентов своей страны (31,3%), далее сокурсников (16,6%), преподавателей (16%), российских студентов (14,1%), администрации (9,8%) и последнее место заняли кураторы-педагоги (6,1%) и председатели землячеств (6,1%).

В результате анкетирования трудности иностранных обучающихся можно разделить по факторам воздействия (физиологическим, психологическим, социальным). Кроме этого, особенно проявилась проблема во взаимодействии «кураторов – иностранный обучающийся», а также «председатель землячества - иностранный обучающийся».

Важно отметить, что в вопросе психологической поддержки студенты особо заинтересованы в поддержке иностранных обучающихся (особенно старшекурсников), которые понимают специфику процесса адаптации на своем личном примере.

Особенности процесса адаптации и ключевые направления деятельности

Социально-психологическая и социально-культурная поддержка иностранных обучающихся в период адаптации и интеграции осуществляется благодаря комплексному психолого-педагогическому подходу: диагностические, консультативные, профилактические мероприятия.

В результате комплекса мероприятий для обучающихся создаются условия для эффективного освоения элементов той культуры, в среде которой они находятся, через участие в различных видах социально значимой общественной и культурно-творческой деятельности, а также обеспечивается их личностно-профессиональное развитие в условиях новой образовательной, социокультурной и бытовой среды.

Как было замечено ранее, адаптация – процесс длительный, состоящий из отдельных периодов. Исследование основывается на теории А.Д. Гладуш и Г.А. Трофимовой, согласно которой адаптационный процесс делится на этапы: превентивный (до приезда в страну), начальный (первые месяцы пребывания в стране) и основной (все дальнейшее пребывание в стране) [4, с.146].

Первый – превентивный этап характеризовался участием в различных очных и онлайн образовательных выставках, конференциях и форумах, направленных на аудиторию стран не только ближнего, но и дальнего зарубежья с целью познакомить абитуриентов с учебным заведением и ответить на самые насущные вопросы, внести чувство ясности и определенности в понимании порядка поступления и обучения. Кроме этого, командой тьюторов были записаны ряд видеороликов на английском, арабском и французском языках, где ребята могли уже познакомиться со студентами университета.

Начальный этап продолжительность один-полтора месяца, когда осуществляется преодоление физиологических, психологических трудностей, начальное освоение языка и новых поведенческих норм. Данный этап – кульминация исследования, предполагающая активное взаимодействие команды тьюторов с иностранными обучающимися.

Тьюторство

В целях обеспечения наиболее комфортного течения адаптационного периода иностранными обучающимися на базе Сектора по внеучебной работе и связи с выпускниками (Интерклуб) Центра международного образования НИУ МГСУ была создана Школа тьюторов «InterSchool». Реализация проекта направлена на подготовку специалистов в области социокультурной адап-

тации и гармонизации межнациональных отношений в поликультурном студенческом пространстве. Основные задачи проекта: регулирование любых вопросов слушателей (подготовительного факультета) и студентов в условиях академической и социокультурной адаптации, оказание им своевременной психологической поддержки, привлечение в активную студенческую жизнь путем вовлечения обучающихся в организацию и участие в различных мероприятиях, направленных на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений.

Проект реализуется в несколько этапов: отбор кандидатов на роль тьюторов из актива Интерклуба, обучение, знакомство тьюторов с иностранными обучающимися, распределение и закрепление обучающихся за тьюторами, проведение мероприятий адаптационного и интеграционного характера. На этапе отбора кандидатов учитываются результаты психологической диагностики и беседы с психологом. По итогам отбора кандидаты – уже слушатели – направляются на обучение, которое проходит по трем модулям специально разработанного учебно-тематического плана. Модули включают сорок четыре часа практической подготовки в вопросах социально-психологических особенностей личности, культуры межнациональных отношений, языковой практики и навыков оказания помощи в экстремальных ситуациях. Для структурирования пройденного материала и его закрепления разработаны методические рекомендации (в виде рабочей тетради по всем темам курса) и разговорник для тьюторов «INTER SCHOOL» на шести языках, с часто используемыми фразами в учебной и бытовой жизни иностранного обучающегося.

Ключевая особенность работы тьюторов заключается в постоянном сопровождении иностранных обучающихся в период адаптации, включение их в активную внеучебную деятельность (участие в конференциях, фестивалях, разговорном клубе), оказание необходимой поддержки в вопросах социальной и бытовой жизни (элементарные бытовые вопросы: питание, медицинская помощь, транспортные передвижения, общение с администрацией), культурной, академической адаптации (общение с преподавателями, деканатом). В частности, комплекс мероприятий включает различные тренинги по развитию коммуникативных компетенций и саморегуляции, повышению внимательности и работоспособности, обучение мнемотехническим приемам для запоминания информации. Программа проекта предполагает регулярное психологическое консультирование, как иностранных обучающихся, так и тьюторов. Информационное просвещение в вопросах национальных особенностей народов, мастер-классы по декоративно-прикладным искусствам, интерактивные мероприятия (тренинги, деловые игры), экскурсионные программы. Практики проводятся в небольших межнациональных

группах, что способствует максимальному вниманию к каждому члену группы, а также сплочению групп.

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного исследования, основываясь на показателях, полученных по итогу окончания первого семестра и общих показателях психологического консультирования иностранных обучающихся, следует вывод: тьюторство в процессе социально-психологической и социально-культурной поддержки в период адаптации и интеграции занимает принципиально важную позицию и выступает центральным звеном, связующим всех участников адаптационного процесса. Работа команды тьюторов способствует формированию у иностранных обучающихся ряда социально значимых личностных качеств, идеологических ценностей и освоению новых социальных ролей, необходимых для развития инициативности и самостоятельности в вопросах социокультурного и образовательного характера. Благоприятствует поддержанию психоэмоциональной стабильности и гармоничных межнациональных и межконфессиональных отношений в поликультурном студенческом пространстве.

денческом пространстве.

Заключение

Адаптация и интеграция иностранных обучающихся в новое социокультурное и образовательное пространство – процесс длительный, представляющий собой комплексное явление, результаты которого оцениваются определением эффективности адаптации и интеграции путем проведения диагностики по принципу разделения критериев оценки эффективности на субъективные и объективные. К объективным критериям относится продуктивность в учебной деятельности и активная социализация личности как результат социально-психологической и академической адаптации. Субъективные критерии определяются степенью осознанной или неосознанной удовлетворенности иностранных обучающихся в различных аспектах деятельности.

В рамках данного исследования программа подготовки тьюторов и дальнейшее их участие в процессах адаптации и интеграции способствует позитивным изменениям в этих процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаптация студентов-иностранцев к обучению в России. oneworld.bstu.ru (дата обращения: 10.06.2009). Поступила 07.12.09.
2. Емельянов В.В. Студенты об адаптации к вузовской жизни // Социс. -2001. - №9.
3. Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН). URL: articlesexcelion.ru (внешняя ссылка) (дата обращения: 15.05.2009).
4. Гладуш, А.Д. Социально-культурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения и проживания в России / А.Д. Гладуш, Г.Н. Трофимова, В.М. Филиппов. – М.: РУДН, 2008. – 146 с.
5. Гребенникова И.А. Адаптация иностранных студентов: механизм и факторы // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем востоке. 2011. № 3. С. 98-100.
6. Иванова М.А., Титкова Н.А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе. – СПб, НПО ЦКТИ, 1993. 62 с.
7. Ильченко, А.М. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: процесс, способность, результат / А.М. Ильченко // Молодой ученый. - 2017. - №5. - С. 394-396. - [Электронный ресурс] – URL: <https://moluch.ru/archive/139/39163/> (дата обращения: 02.12.2019).
8. Куликова О.В. Проблема адаптации иностранных студентов в процессе обучения в российском вузе. URL: <https://moluch.ru/archive/139/39163/> (дата обращения: 20.06.2009).
9. Куприна Т.В., Сергеева Л.В. Проблемы адаптации учебной миграции в условиях новой межкультурной среды / Т.В. Куприна, Л.В. Сергеева // Межкультурная интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы III Международной науч.-практич. 148 конференции. Том 1 / отв. ред. Пешкова Н.П. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 368 с.
10. Ланина Л.В. Адаптация иностранных студентов в российском вузе (на примере Астраханского ГМУ) // Мир науки. Педагогика и психология, 2019 №5, <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMNS19.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
11. Лебедев И.М. Социально-психологические условия внедрения цифровизации в строительстве: автореф. дис. . . канд. псих. наук. М., 2019. 225 с.
12. Мареев В.И., Доморовская О.Г. Социально-педагогические условия адаптации студентов-мигрантов в культурно-образовательном пространстве вуза. М.: Флинта: Наука, 2012. 160 с.
13. Раднаева М.В., Шибанова Ю.В. К вопросу адаптации студентов на начальном этапе обучения в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 1. С. 44-49.
14. Слепухин А.Ю. Высшее образование в условиях глобализации: проблемы, противоречия, тенденции. М.: ИД «Форум», 2004. С. 295.
15. Ширяева И.В. Особенности адаптации иностранных студентов к учебно-воспитательному процессу в советском вузе. Л., 1980. С. 9.
16. Шевелева А.М. К вопросу об адаптации студентов первого курса к учебе в вузе // Совет ректоров. 2014. №4 С. 55-69.

© Елисеева Екатерина Юрьевна (Eliskati2008@mail.ru), Елисеев Юрий Александрович (elis1204@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ НА САМООЦЕНКУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

INFLUENCE OF DIGITAL FEEDBACK ON THE SOCIAL NETWORKS USERS' SELF-ESTEEM

D. Zaslavskii

Summary: The article presents the results of an online study among adult users of social networks (N=507), aimed at studying the role of feedback in social networks on users' self-esteem. The study shows that positive feedback from the online environment contributes to the growth of self-esteem. At the same time, different types of digital feedback have different effects on global self-esteem and its specific components, namely self-liking and competence. The meaning of the obtained results from the point of view of sociometer theory is discussed.

Keywords: self-esteem, self-image, sociometer theory, social networks, digital feedback.

Заславский Дмитрий Александрович

Аспирант, Тихоокеанский государственный университет
2107_dima@mail.ru

Аннотация: В статье приводятся результаты онлайн-исследования среди взрослых пользователей социальных сетей (N=507), направленного на изучение влияния обратной связи в социальных сетях на самооценку пользователей. В результате исследования было установлено, что положительная обратная связь со стороны онлайн-окружения способствует росту самооценки. Одновременно было выявлено, что различные виды обратной связи по-разному влияют на общую самооценку и ее отдельные компоненты: саморасположенность и компетентность. Обсуждается смысл полученных результатов с точки зрения теории социометра.

Ключевые слова: самооценка, Я-образ, теория социометра, самопрезентация, социальные сети, цифровая обратная связь.

Введение

Самооценка является одним из важнейших психологических конструктов, интегрирующих совокупность представлений человека о себе, своих возможностях и достижениях, своем месте в мире и обществе. В самооценке можно выделять аспекты, относящиеся к отдельным областям человеческой жизни, таким как работа, увлечения или личная жизнь, но свою психологическую значимость она имеет именно как общая, интегративная характеристика, определяющая широкий спектр человеческого поведения. Согласно наиболее распространенным в настоящее время подходам, такая общая характеристика включает в себя два аспекта: аспект компетентности (способности успешно справляться с различными жизненными вызовами) и аспект саморасположенности, то есть, позитивного или негативного отношения к себе [1; 2].

Являясь универсальным и интегративным психологическим конструктом, самооценка проявляет себя в различных контекстах и ситуациях. Современные цифровые технологии трансформируют многие типичные ситуации и практики, в которых проходит человеческая жизнь, включая социальное взаимодействие. Социальные сети и другие современные медиа предоставляют широкие возможности для управления своим членством в сообществах и системах социальных отношений, создавать искусственные идентичности и демонстрировать модели поведения, невозможные при обычном взаимодей-

ствии. Специфика онлайн-коммуникаций ставит вопрос о том, насколько применимы традиционные психологические понятия и теории для описания новых видов человеческой практики.

Одна из наиболее распространенных и популярных теорий самооценки – это теория социометра (социометрическая теория), предложенная М. Лири [3; 4]. Ее смысл заключается в том, что человек, как социальное существо, большое внимание уделяет тому, как его воспринимают окружающие. Самооценка является следствием воспринимаемой реакции социального окружения. Она показывает, в какой мере человек представляет ценность для значимых социальных групп, в конечном итоге для общества в целом. То есть, самооценка – это своего рода социометр, инструмент для измерения социальной ценности человека.

Логика теории социометра предполагает, что главным источником самооценки является обратная связь, которую человек получает в ходе социального взаимодействия. Социальные сети представляют собой особую среду взаимодействия, в которой такая обратная связь является быстрой, всеобщей, наглядной и легко квантифицируемой, выражаясь, например, в виде числа лайков, репостов, просмотров. Есть основания предполагать, что для пользователей социальных сетей такая цифровая обратная связь является важным источником и фактором самооценки.

Ряд психологических исследований подтверждает вли-

яние цифровой обратной связи на самовосприятие человека. Так, Дж. Джонс показал, что реакция на видеоролики в YouTube обеспечивают интенсивную обратную связь, сильно влияющую на Я-концепцию человека [5]. Турецкие исследователи М. Сежгин и С. Гюлер выявили, что крепкие и позитивные социальные отношения с партнерами по онлайн-коммуникации способствуют росту самооценки среди подростков [6]. Они также установили, что далеко не каждый вид цифровой обратной связи оказывает значимое влияние на самооценку. Роль качества обратных связей при онлайн-коммуникации была подтверждена и с использованием метода дневниковых записей [7].

Настоящее исследование направлено на проверку теории социометра и выявление роли цифровой обратной связи в самооценке взрослых пользователей. В отличие от большинства предыдущих исследований, оно принимает во внимание различие между двумя аспектами самооценки (компетентность и саморасположенность), ориентировано на изучение взрослых пользователей, и рассматривает как различные разновидности обратной связи, с которыми имеют дело пользователи социальных сетей, так и обобщенный индекс.

Материалы и методы

Для выявления влияния цифровой обратной связи на самооценку пользователей социальных сетей было проведено онлайн-исследование. Среди участников онлайн-панели специализированного сервиса (Анкетолог) на основе случайного отбора была сформирована выборка из людей, соответствующих двум критериям: возраст 18 лет и старше, а также использование как минимум одной социальной сети. Пользователям рассылались персональные приглашения, и если они их принимали, им предлагалось заполнить серию веб-форм. По результатам участия в исследовании все участники получили денежное вознаграждение.

В данной статье приводятся лишь отдельные результаты, непосредственно относящиеся к проблеме обратной связи.

Общий размер выборки составил 507 чел., из них 69,6% - женщины. Распределение пользователей по возрастным группам выглядит следующим образом: 18-24 лет – 7,9%; от 25-34 лет – 29,2%; 35-44 лет – 35,7%; 45-54 лет – 18,1%; 55-64 лет – 8,1%; 65 лет и старше – 1,0%. Пользователи представляют различные социально-экономические и профессиональные группы, а также различные регионы, что позволяет говорить о репрезентативности выборки и генерализуемости результатов.

Для измерения самооценки были использованы две методики: русскоязычная версия Шкалы самооценки М. Розенберга RSES [8], являющаяся одним из наиболее

часто используемых инструментов, а также Двухмерная шкала самооценки SLCS Р. Тафароди и У. Свон [1], переведенная на русский язык и адаптированная автором специально для данного исследования.

Для измерения цифровой обратной связи была использована форма цифровой обратной связи DFF, предложенная М. Сежгин и С. Гюлер [6], переведенная и адаптированная для настоящего исследования. В этом инструменте пользователям предлагается оценить по 5-бальной шкале степень своего согласия с 12 утверждениями, каждое из которых описывает определенную разновидность обратной связи (например: «Посты, которые я выкладываю в социальных медиа, получают много лайков»). Значения по отдельным пунктам могут рассматриваться как показатели отдельных видов цифровой обратной связи. В дополнение к оценкам по каждому элементу формы мы также рассчитали сводный индекс цифровой обратной связи от общения в социальных сетях (DFI). Индекс рассчитан как сумма оценок по всем 12 пунктам, причем более высокое значение подразумевает более позитивную обратную связь.

Результаты и обсуждение

Для выявления самооценки русскоязычных пользователей социальных сетей были использованы две шкалы. Одна из них (RSES) использовалась для оценки общего уровня самооценки, или того, что принято называть глобальной самооценкой, а вторая (SLCS) – для более дифференцированного измерения двух компонентов самооценки: саморасположенности и компетентности. Две шкалы не полностью взаимозаменяемы и обладают несколькими различающимися психометрическими свойствами, а потому их совместное использование повышает надежность результатов. Для выявления связи между уровнем самооценки и цифровой обратной связи был проведен корреляционный анализ (см. таблицу 1).

Использование сводного индекса DFI показывает, что между цифровой обратной связью и самооценкой существует не очень сильная, но статистически значимая положительная связь. Эта связь проявляется при использовании обеих шкал, однако более сильной и значимой является для шкалы SLCS, особенно для компонента компетентности. Поскольку цифровая обратная связь является быстрой и более подвижной, чем самооценка, полученные данные можно интерпретировать как показатель того, что регулярное получение положительной реакции на поведение в социальных сетях способствует росту самооценки.

Этот вывод согласуется с положениями теории социометра. Более высокое значение корреляции для компонента компетентности также свидетельствует в пользу этой теории: положительная реакция на контент,

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции (ρ Спирмена) между уровнем самооценки и цифровой обратной связью

Пер.	Утверждение	RSES	SLCS-sl	SLCS-c
df1	Посты, которые я выкладываю в социальных медиа, получают много лайков	0,109*	0,092*	0,183**
df2	Люди, которым я посылаю приглашение стать моими друзьями (подписчиками, фолловерами), обычно принимают его	0,139**	0,120**	0,074
df3	Я получаю много приглашений стать друзьями (подписчиками, фолловерами) от людей противоположного пола	0,070	0,094*	0,150**
df4	Люди, которым я посылаю личные сообщения в социальных медиа, всегда отвечают на них	0,218**	0,181**	0,106*
df5	Я получаю слишком много личных сообщений в социальных медиа	-0,015	0,015	0,101*
df6	У меня гораздо больше друзей (подписчиков, фолловеров) в социальных сетях, чем у моих ровесников	-0,036	0,000	0,111*
df7	Комментарии к моим постам в основном положительные	0,154**	0,171**	0,079
df8	Мои материалы в социальных медиа распространяют (пересылают, шерят) другие пользователи	-0,011	0,006	0,134**
df9	Мои сториз просматривают много других людей	0,089*	0,110*	0,177**
df10	Мои видеоролики и/или стримы просматривают много других людей	0,025	0,052	0,152
df11	Люди, с которыми я хочу пообщаться по видео, принимают мои приглашения	0,131**	0,131**	0,165**
df12	Меня часто упоминают (тегируют) под разными постами и фотографиями	-0,001	0,038	0,163
DFI	Цифровая обратная связь (сводный индекс)	0,110*	0,131**	0,193**

Примечание: RSES – общая самооценка по шкале Розенберга; SLCS-sl – компонент «Саморасположенность» шкалы Тафароди-Свон; SLCS-c – компонент «Компетентность» шкалы Тафароди-Свон; * – значимость на уровне 0,05; ** – значимость на уровне 0,01

создаваемый пользователем, в большей степени может использоваться как показатель его качества, чем просто как отношение к автору. Получение внешней оценки своих постов, видео и другого контента выступает как признак того, что самооценка опирается не просто на субъективную мотивацию воспринимать себя положительным образом, но и на более объективные реакции социального окружения.

Следует обратить внимание, что в соответствии с теорией социометра самооценка интегрирует всю совокупность реакций со стороны социального окружения, которое никоим образом не ограничивается онлайн-средой. Человек формирует самооценку, взаимодействуя с членами семьи, друзьями, коллегами, – значительная часть которых проходит оффлайн. Методика исследования не позволяет оценить сравнительный вклад различных источников социальной оценки, однако тот факт, что она достоверно связана с цифровой обратной связью, косвенно указывает, что онлайн-коммуникации являются психологически значимым источником социального сравнения и обратной связи.

Наряду с общим вектором влияния цифровой обратной связи полученные данные позволяют дать более дифференцированную картину, и выявить конкретные зависимости и виды обратной связи, которые имеют наибольшее психологическое значение. Результаты ис-

следования представляют особую ценность в сравнении с данными М. Сежгина и С. Гулера, которые впервые использовали шкалу DFF. На выборке из 310 молодых людей, относящихся к поколению «зумеров», с самого детства погруженных в цифровую среду и онлайн-коммуникации, они также выявили положительную роль цифровой обратной связи в самооценке, измеренной при помощи шкалы Розенберга. Однако эта связь была установлена только в отношении двух элементов обратной связи, переменных df2 и df8.

Полученные нами результаты основаны на выборке большего размера и более социально-гетерогенной, включающей более возрастных пользователей социальных сетей, что позволяет делать более надежные и генерализуемые выводы. Наше исследование показывает более выраженную и устойчивую связь между реакцией социального окружения и самооценкой пользователей. Из 12 видов обратной связи в 8 случаях была выявлена положительная корреляция с самооценкой как минимум по одной из трех шкал (субшкал) на уровне значимости $p < 0,01$.

Наиболее устойчивой и универсальной является связь самооценки с личным общением по видеосвязи (переменная df11) и ответом на личные сообщения в социальных медиа (переменная df4). В обоих случаях речь идет о прямом личном общении, которое имеет более сильное психологическое воздействие в сравнении с

просмотрами, лайками или перепостами. Отказ от ответа на сообщения выступает сильным знаком социальной эксклюзии и поэтому способен крайне негативно повлиять на самооценку. Напротив, готовность вступать в прямое общение свидетельствует о том, что субъект представляет определенную ценность как партнер по коммуникации, что повышает его самооценку.

Высокую психологическую значимость для пользователей имеют также ответ на приглашение (переменная df_2) и положительные комментарии под постами (df_7). В первом случае механизм связи аналогичен предыдущим и отражает значимость прямой, непосредственной реакции на приглашение в ситуации риска социальной эксклюзии. Во втором случае обратная связь является более опосредованной, но также сохраняет высокую степень персонализации, поскольку выражается в содержательных комментариях, а не простых количественных показателях реакции.

Несколько видов обратной связи демонстрируют избирательную значимость для одного из двух компонентов самооценки, а именно компетентности. В большинстве своем они отражают восприятие и оценку со стороны онлайн-сообщества того контента, который публикует пользователь (посты, сториз и др.). В этом случае выглядит обоснованным указанное выше объяснение, основанное на теории социометра, о том, что реакция онлайн-сообщества может выступать как внешний референт, позволяющий дать относительно объективную оценку достижений и результатов человека в публичном пространстве. Человек тем самым получает подтверждение, что создаваемые им материалы имеют некоторую ценность, что повышает его уверенность в своих способностях.

В то же время эта уверенность не обязательно конвертируется в более позитивное отношение к самому себе. Полученные нами данные показывают, что обратная связь в социальных сетях по-разному воздействует

на два компонента самооценки. Это не только подтверждает обоснованность разделения саморасположенности и компетентности как связанных, но разных аспектов самооценки (что недооценивается в теории социометра), но и является аргументом в пользу более сложных теорий самооценки, таких как экзистенциально-гуманистическая теория К. Мрака [2]. Последняя, в частности, признает важность социальной реакции как фактора самооценки, но считает ее лишь одной из детерминант, а также обосновывает существование разных типов самооценки, с разным сочетанием саморасположенности и компетентности.

Заключение

Социальные сети представляют уникальные возможности для получения обратной связи, которая способна влиять на самооценку человека. Проведенное исследование подтвердило, что положительная обратная связь со стороны других пользователей способствует росту самооценки, что показывает роль социальных сетей в формировании психологии современного человека. При этом различные виды цифровой обратной связи по-разному влияют на разные компоненты самооценки, связанные с общим отношением человека к себе и восприятием собственных способностей и достижения. В первом случае особую важность имеет прямое, личное общение в социальных медиа, во втором – специфические для цифровой среды способы реакции на размещаемый контент, такие как перепосты, лайки и др. Полученные результаты подтверждают психологическую значимость социальных сетей и позволяют понять отдельные механизмы их влияния на самооценку и восприятие человеком самого себя, своих достижений и своего места в обществе. Хотя общие результаты согласуются с основными предположениями теории социометра, последняя может оказаться недостаточной для объяснения различий в воздействии отдельных видов обратной связи на саморасположенность и компетентность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tafarodi R.W., Swann W.B. Two-dimensional self-esteem: theory and measurement // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31. P. 653-673.
2. Mruk C.J. *Self-Esteem and Positive Psychology: Research, Theory, and Practice*. 4th ed. New York: Springer, 2013. 294 p.
3. Leary M.R., Baumeister R.F. The nature and function of self-esteem: Sociometer Theory // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2000. Vol. 32. P. 1-62.
4. Leary M. Sociometer Theory and the pursuit of relational value: getting to the root of self-esteem // *European review of Social Psychology*. 2005. Vol. 16. P. 75-111.
5. Jones J.M. The looking glass lens: self-concept changes due to social media practices // *The Journal of Social Media in Society*. 2015. Vol.4. No. 1. P. 100-125.
6. Sezgin M., Güler S. The role of digital feedback on the self-esteem of digital natives // *Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi*. 2020. No. 35. P. 46-62.
7. Subrahmanyam K., Frison E., Michikyan M. The relation between face-to-face and digital interactions and self-esteem: a daily diary study // *Human Behavior & Emerging Technologies*. 2020. Vol. 2. P. 116-127.
8. Золотарева А.А. Валидность и надежность русскоязычной версии Шкалы самооценки М. Розенберга // *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2020. №2. С. 52-57.

© Заславский Дмитрий Александрович (2107_dima@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛИЧНОСТИ МУЗЫКАНТА-ИСПОЛНИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Кирнарская Дина Константиновна

Доктор искусствоведения, д.псих.н., профессор, Российская академия музыки им. Гнесиных
kirnarskiy@gmail.com

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE PERSONALITY OF A MUSICIAN-PERFORMER IN MODERN CONDITIONS

D. Kirnarskaya

Summary: The aim of the present study is to outline the psychological determinants influencing the development of a musician-performer's personality in the conditions of modernity. The material basis of the research was made by the following authors: S.L. Rubinstein, V.I. Petrushin, L.V. Zankov, B.M. Teplov, A.V. Toropova and others. As a result the following conclusions are made. Musicality is the ability of the performer through which he perceives and sees the world «musically», which includes the following psychological determinants: cognitive processes and individual psychological properties of personality. Cognitive processes include: attention, sensation, perception, memory, thinking, imagination. To individual-psychological properties of the personality are inclinations and abilities of a personality.

Keywords: psychological determinants, personality, musician, perception, memory, thinking, musicality.

Аннотация: Цель настоящего исследования: обозначить психологические детерминанты, оказывающие влияние на развитие личности музыканта-исполнителя в условиях современности. Материальную основу исследования составили работы следующих авторов: С.Л. Рубинштейн, В.И. Петрушин, Л.В. Занков, Б.М. Теплов, А.В. Торопова и другие. В результате сделаны следующие выводы. Музыкальность - способность исполнителя, посредством которой он «омузикаленно» воспринимает и видит мир, включающая в себя следующие психологические детерминанты: познавательные процессы и индивидуально-психологические свойства личности. К познавательным процессам относятся: внимание, ощущения, восприятие, память, мышление, воображение. К индивидуально-психологическим свойствам личности относятся задатки и способности личности.

Ключевые слова: психологические детерминанты, личность, музыкант, восприятие, память, мышление, музыкальность.

В.И. Петрушин в рамках своего методического пособия высказывает мысль, согласно которой музыкальность – это психологическая детерминанта, являющаяся основой сущности музыканта. Под указанной категорией следует понимать способность исполнителя, посредством которой он «омузикаленно» воспринимает и видит мир. В результате все впечатления исполнителя стремятся воплотиться в звуковой форме и переживаются в качестве «музыкально окрашенных образов»¹. В связи с этим Л.В. Занков таким образом отзывался о Р. Шумане: его волновало все происходящее в окружающей действительности, в том числе политические события, литературные произведения и любые проявления человечности, причем это находило отражение в виде переживаний, возникающих в виде музыкальных произведений².

Полагаем, что подобное жизненное восприятие указывает на наличие специфических способностей, ко-

торыми должен обладать музыкальный исполнитель. В связи с этим советский психолог Б.М. Теплов выделил следующие психологические детерминанты, которыми с обязательной необходимостью должен обладать музыкант-исполнитель: способность переживать эмоциональное содержание движения, связанного с высотой звука; произвольное оперирование музыкальными и слуховыми представлениями; чувство музыкального ритма и его воспроизведение³. В действительности список не является исчерпывающим, о чем речь пойдет далее.

Распространенное убеждение заключается в том, что категория «музыкальность» чаще всего связывается в обыденном представлении с наличием музыкального слуха, что в действительности не всегда справедливо. Причина этого заключается в том, что история знает множество примеров того, что острое музыкальное восприятие исключало способность человека отзываться на музыкальные проявления.

1 Петрушин В.И. Музыкальная психология: учебник и практикум для вузов / В. И. Петрушин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт. - 2023. — 380 с., с. 33.

2 Занков Л.В. Память / Л. В. Занков; Акад. пед. наук РСФСР. - Москва: Учпедгиз. - 1949 - 176 с., с. 210-211.

3 Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов; Рос. акад. наук. Ин-т психологии. - Москва: Наука. - 2003. - 377 с., с. 304-305.

В качестве примера обратимся к ситуации, описанной Стендалем в своей работе «Жизнь Россини». Так, автор описывает двух военнослужащих. Один из них обладал поразительным музыкальным восприятием, мог с легкостью запоминать и повторно воспроизводить ритмический рисунок, но был совершенно равнодушен к самой музыке, так как из двух билетов (в театр и оперу) всегда выбирал театральное представление⁴. Другой военнослужащий совершенно не обладал музыкальными способностями, однако бессознательно тянулся к музыке так, что это было странно даже для итальянской провинции.

Иначе говоря, указанная история косвенно свидетельствует о том факте, что музыкальный слух – далеко не единственная детерминанта, оказывающая влияние на формирование музыкальности в человеке. Завершая свою историю, Стендаль отмечает, что ему в гораздо большей степени импонирует второй военнослужащий, с чем невозможно не согласиться.

Полагаем, что в рамках настоящего исследования следует исходить из допущения, что психологические детерминанты личности музыканта делятся на познавательные процессы и индивидуально-психологические свойства личности.

А.В. Торопова выделяет следующие познавательные процессы, оказывающие влияние на формирование музыкальной личности: внимание, ощущения, восприятие, память, мышление, воображение⁵. Акцентируем на этом подробное внимание.

1. Внимание. Следует отметить преимущества, которыми обладает исполнитель с развитым вниманием: его техническое исполнение предельно точно, ошибки и небрежности отсутствуют; с точки зрения внешнего наблюдателя исполнение выглядит как осмысленная и логически завершенная деятельность; «разогретое» состояние эмоциональной сферы исполнителя в начале выступления; большая устойчивость к возможному стрессу; больше объем внимания – больше по объему произведение, которое музыкант может исполнить.

Типичными причинами, в силу которых музыканту не удается увеличить объем внимания, являются следующие: исполнитель отвлекается как на посторонние мысли, так и на иные раздражительные факторы; не получается распределить внимание на все объекты, требующие

его; повышенная эмоциональность.

На сложность тренировки внимания указывал в своих работах Л.А. Баренбойм. Автор приводит в качестве примера упражнение, которое он предложил выполнить своим воспитанникам: в течение тридцати секунд находиться в «предельно внимательном» состоянии ума⁶. Большей части студентов задания показалось пыткой, так как невозможно концентрировать свое внимание в отсутствие конкретного объекта. Любопытным также представляется следующий факт. Продвинутые музыканты, исполняющие свои партии, могут без усилий поддерживать высокий уровень внимания в течение длительного времени, причем параллельно они могут выполнять посторонние действия. Объяснение этому феномену дал психолог М. Чиксентмихайи посредством придуманного им термина «потокное переживание». Переживание потока – особое состояние ума, в которое попадает любой человек, являющийся профессионалом в каком-либо деле⁷. По своей сути это медитативное переживание, в котором отсутствует время, усилие, но остается удовольствие и наслаждение.

2. Ощущения. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет то, каким образом различные ощущения музыканта взаимодействуют между собой. Взаимодействие осуществляется в рамках двух процессов: синестезия и сенсбилизация.

При условии, что чувствительность анализатора повышается, следует говорить о сенсбилизации, имеющей место при следующих обстоятельствах: один анализатор взаимодействует с другим (в качестве примера следует привести ситуацию, что музыкальное произведение переживается наиболее полно при условии, что мы видим некое изображение); один из анализаторов прекращает работать (наблюдается у людей, лишенных слуха, но обладающих поразительным зрением. Противоположная ситуация: слепой обладает хорошим слухом); в случае, если один из органов чувств намеренно тренировался (скрипачи, намеренно контролирующие звуковую высоту и интонационную чистоту, обладают более тонким слухом чем пианисты, для которых высота тона задается заранее).

Синестезия – феномен, в рамках которого ощущения взаимодействуют таким образом, что сигналы, полученные одним анализатором, могут переживаться другим анализатором. Что касается музыкальных исполнителей, то для них синестезия находит отражение в «цветном

4 Стендаль. Жизнь Россини / Стендаль; [пер. с фр. А. Шадрина]. - Москва: АГРАФ. - 1999. - 442 с., с. 110-115.

5 Торопова А.В. Музыкальная психология и психология музыкального образования: учебник для вузов / А. В. Торопова. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт. - 2023. — 190 с., с. 50-70.

6 Баренбойм Л.А. Фортепианная педагогика / Л. А. Баренбойм. - Москва: Классика-XXI. - 2007. - 190 с., 32-36.

7 Чиксентмихайи М. В поисках потока: психология включенности в повседневность / Михай Чиксентмихайи. - Москва: Альпина нон-фикшн. - 2011. - 192 с., с. 20-23.

слухе». Н.А. Римский-Корсаков и А.Н. Скрябин – люди, обладавшие именно таким слухом. Как уже ранее было отмечено, музыкально одаренные люди часто «омузыкаленно» воспринимают объекты внешнего мира, что позволяет им любое ощущение перевести в образ звука.

3. Восприятие. В случае, если речь идет о восприятии музыкального произведения, то, в первую очередь, воспринимается именно ритм, а не мелодия или гармония. Именно по этой причине легче воспринимаются те произведения, в основе которых находится ритм (например, ударная партия в популярных музыкальных произведениях).

Л.А. Гольдфайн, опросившая несколько десятков учеников средних общеобразовательных учреждений России на предмет «легкой» и «серьезной» музыки, установила, что именно ритм – это то, что делает музыку наиболее узнаваемой и популярной. Полученные ей данные следует представить в виде таблицы¹:

4. Память. Г.П. Цыпин, структурировав большой массив эмпирических данных, пришел к выводу, что на память музыкального исполнителя влияет степень развитости следующих механизмов операционного характера⁹ : способность разбивать материал по каким-либо

признакам (группировка); способность выделять частное из общего, которое в дальнейшем станет использоваться в качестве опорного пункта; мнемический план (собрание опорных пунктов); способность классифицировать некоторые объекты по группам или разрядам; способность структурировать материал; расположить части целого таким образом, чтобы между ними восстановился определенный порядок (систематизация); представлять информацию в простой форме (схематизация); способность устанавливать сходство между не связанными между собой объектами (аналогия) и так далее.

5. Мышление. Человек, стремящийся овладеть музыкальной профессией, должен изучить музыкальный язык, характерный для его социальной общности. В зависимости от ориентированности человека на вид музыкальной деятельности ему придется потратить определенное количество времени на изучение и развитие в себе различных аспектов музыкального мышления.

Так, для слушателя характерно использование инструментов наглядно-образного мышления, так как он станет оперировать в своей деятельности звуковыми и интонационными представлениями.

Для исполнителя, чья цель заключается в использо-

Таблица 1.

Сравнительный анализ сущностных различий музыки серьезных и легких жанров⁸

Серьезная музыка	Легкая музыка
Высокая сложность	Низкая сложность
Наиболее существенная роль среди выразительных средств принадлежит мелодии и гармонии	Наиболее существенную роль среди выразительных средств играет ритм
Наибольшее значение имеют крупные формы	Преобладают мелкие формы
Художественный образ, как правило, динамичен в своем развитии	Художественный образ, как правило, статичен
Восприятие носит сосредоточенный и углубленный характер	Восприятие часто бывает рассеянно-поверхностным
Направленность переживания — интровертированная	Направленность переживания — экстравертированная
Разрядка музыкального переживания осуществляется в образах фантазии и представлений	Разрядка переживания может осуществляться в активном движении

⁸ Составлено автором на основании: Гольдфайн Л.А. К проблеме воспитания художественного вкуса школьников. «легкая» и «серьезная» музыка в этом процессе. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2016. - № 4. - С. 89-92.

⁹ Цыпин Г.М. Психология творческой деятельности. Музыка и другие искусства: учебное пособие / Г. М. Цыпин. — Москва: Издательство Юрайт. - 2023. — 203 с., с. 62-66.

вании различных музыкальных инструментов, станет характерно наглядно-действенное мышление. Композитор будет использовать абстрактное и логическое мышление.

При этом все перечисленные ранее виды мышления следует понимать в качестве аспектов эмоционально-го интеллекта, что подтверждается исследованиями Е.И. Лаптевой¹⁰.

7. Воображение. На сегодняшний день научное музыкальное сообщество сходится во мнении относительно того, прежде чем ребенок начнет осваивать определенный инструмент, он должен обладать необходимым минимумом впечатлений художественного характера, в отсутствие которых он не сможет войти в мир музыки. Г.Г. Нейгауз в связи с этим утверждал, что в «доинструментальный» период своего развития дети или взрослые должны обладать духовным опытом в восприятии музыки, иначе говоря, музыка должна «быть в их уме» еще до начала обучения¹¹.

Так, подготовительный период должен включать в себя развитие не только музыкального слуха, но и каждого из видов творческого воображения (музыкально-слуховые, двигательные и зрительные представления). Иначе говоря, детей необходимо включать в следующие виды деятельности: они должны читать и сочинять стихотворения, лепить фигуры из пластилина.

Ранее уже было отмечено, что психологические детерминанты личности музыканта должны включать в себя индивидуально-психологические свойства лично-

сти, а именно: задатки и способности. Так, если задатки могут быть ориентированы на любую деятельность, в том числе и не связанную с музыкой, то способности наиболее тесно связаны с определенным видом деятельности, в нашем случае – с музыкой. Кроме того, задатки проявляются различными способами (в различных ипостасях), в то время как способности обладают более четкой структурной направленностью. Отвечая по необходимости тем или иным требованиям, способности являются изоморфными по отношению к ним. В связи с этим С.Л. Рубинштейн утверждал следующее: «Будучи по сути сплавом врожденного и приобретенного, способности формируются, кристаллизуются в русле определенной деятельности»¹².

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам. Музыкальность – способность исполнителя, посредством которой он «омузыкаленно» воспринимает и видит мир, включающая в себя следующие психологические детерминанты: познавательные процессы и индивидуально-психологические свойства личности. К познавательным процессам относятся: внимание, ощущения, восприятие, память, мышление, воображение. К индивидуально-психологическим свойствам личности относятся задатки и способности личности. Так, если задатки могут быть ориентированы на любую деятельность, в том числе и не связанную с музыкой, то способности наиболее тесно связаны с определенным видом деятельности, в нашем случае – с музыкой. Кроме того, задатки проявляются различными способами (в различных ипостасях), в то время как способности обладают более четкой структурной направленностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбойм Л.А. Фортепианная педагогика / Л.А. Баренбойм. – Москва: Классика-XXI. – 2007. – 190 с.
2. Гольдфайн Л.А. К проблеме воспитания художественного вкуса школьников. «легкая» и «серьезная» музыка в этом процессе. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 89-92.
3. Занков Л.В. Память / Л.В. Занков; Акад. пед. наук РСФСР. – Москва: Учпедгиз. – 1949 – 176 с.
4. Лаптева Е.И., Кабрина О.И. Музыка как средство развития эмоционального интеллекта дошкольников. В сборнике: Наука и технологии: достижения и инновации. сборник научных трудов по материалам Междисциплинарного форума speed-up. – 2020. – С. 57-65.
5. Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры: Зап. педагога / Генрих Нейгауз. – 6. изд., испр. и доп. – Москва: Классика-XXI. – 1999. – 228 с.
6. Петрушин В.И. Музыкальная психология: учебник и практикум для вузов / В.И. Петрушин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт. – 2023. — 380 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / Сергей Рубинштейн. – Москва [и др.]: Питер, 2015. – 705 с.
8. Стендаль. Жизнь Россини / Стендаль; [пер. с фр. А. Шадрина]. – Москва: АГРАФ. – 1999. – 442 с.
9. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов; Рос. акад. наук. Ин-т психологии. – Москва: Наука. – 2003. – 377 с.

¹⁰ Лаптева Е.И., Кабрина О.И. Музыка как средство развития эмоционального интеллекта дошкольников. В сборнике: Наука и технологии: достижения и инновации. сборник научных трудов по материалам Междисциплинарного форума speed-up. – 2020. – С. 57-65.

¹¹ Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры: Зап. педагога / Генрих Нейгауз. – 6. изд., испр. и доп. – Москва: Классика-XXI. – 1999. – 228 с., с. 13-18.

¹² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / Сергей Рубинштейн. – Москва [и др.]: Питер, 2015. – 705 с., с. 500-504.

10. Торопова А.В. Музыкальная психология и психология музыкального образования: учебник для вузов / А. В. Торопова. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт. - 2023. — 190 с.
11. Цыпин Г.М. Психология творческой деятельности. Музыка и другие искусства: учебное пособие / Г.М. Цыпин. — Москва: Издательство Юрайт. - 2023. — 203 с.
12. Чиксентмихайи М. В поисках потока: психология включенности в повседневность / Михай Чиксентмихайи. - Москва: Альпина нон-фикшн. - 2011. - 192 с.

© Кирнарская Дина Константиновна (kirnarskiy@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия музыки им. Гнесиных

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ЮРИСТА

Майорова Валерия Андреевна

аспирант, «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»;
юрисконсульт Правового департамента
ООО «НОРКЕМ»
v.slobozhanina1305@gmail.com

EFFICIENCY OF PSYCHOTECHNOLOGY OF PROFESSIONAL COMMUNICATION OF A LAWYER

V. Mayorova

Summary: An integral part of the work of a professional lawyer is communication, participation in court proceedings and other forms of interaction. In addition to having a high level of legal qualifications, experience, competent speech, and an established "strong" position, one must have knowledge of the psychotechnology of professional communication and the ability to apply it in practice. The purpose of the research is to identify the key aspects of the psychotechnology of professional communication of a lawyer and the justification of its effectiveness. Applying knowledge of the psychotechnology of professional communication in the practice of a lawyer will literally serve a solution to the questions: "What to say?" and "How to say?". The specified knowledge will be directed on achievement of concrete purposes within the limits of professional activity, delivery to opponents of "correct" content of the transferred speech message, in the necessary form, with corresponding level of qualification and effective result of the set tasks (case solution, feedback, victory in court).

Keywords: psychotechnology, professional communication, psychological techniques, psychological tools, psychological technique, jurisprudence, legal technique.

Аннотация: Неотъемлемой частью работы профессионального юриста является коммуникация (общение), участие в судебных процессах и иные формы взаимодействия. Кроме наличия высокого уровня юридической квалификации, опыта, грамотной речи, выстроенной «сильной» позиции, необходимо обладать знаниями о психотехнологии профессионального общения и умением применять ее на практике. В статье выявлены ключевые аспекты психотехнологии профессионального общения юриста и обоснована ее эффективность. Применение знаний психотехнологии профессионального общения в практике юриста в буквальном смысле послужит решением вопросов: «Что сказать?» и «Как сказать?». Указанные знания будут направлены на достижение конкретных целей в рамках профессиональной деятельности, донесение оппонентам «правильного» контента передаваемого речевого сообщения, в нужной форме, с соответствующим уровнем квалифицированности и эффективным результатом поставленных задач (решение кейса, обратная связь, победа в суде).

Ключевые слова: психотехнология, профессиональное общение, психологические приемы, психологическая техника.

Психотехнология профессионального общения является перспективной областью исследования современной психологии. Владение ею позволит юристам и адвокатам быть востребованными специалистами, успешными в рамках судебных заседаний, обеспечит хорошую статистику «выигрышности» судебных дел и расширит клиентскую базу.

Зарубежные исследователи часто характеризуют профессиональное общение как результат творческой деятельности. С этим сложно не согласиться, так как специалисты каждой сферы деятельности участвуют в создании целенаправленных сообщений, облачая их в определенную форму, структурируя их содержание, выделяя значимые аспекты [7].

В узком смысле психотехнология представляет собой систему психологических действий, техник, приемов, ориентированную на достижение профессиональных целей.

Психологические действия, в свою очередь, направ-

лены на решение психологических задач, которые осуществляются посредством психологических приемов.

К подобному роду задач можно отнести:

1. Составление психологического портрета личности.
2. Психологический анализ.
3. Психологическая оценка.
4. Психологическое воздействие.
5. Разработка линии поведения, общения и выбор и реализации психологической позиции.
6. Использование психологической тактики.

Важно отметить, что любые психологические приемы должны быть основаны на принципах законности, этики и иметь научное обоснование.

Профессионально-психологические действия в юридической деятельности — это выработанные передовой юридической практикой, исследованные, усовершенствованные и апробированные юридической психологией эффективные психологические способы ее осуществления [5].

На основе профессионально-психологических действий, то есть совокупности психологических приемов и методов, формируется психотехнология, методика и техника [3].

В юриспруденции распространено понятие «юридическая техника», которое описывается во многих учебных и профессиональных пособиях. Юридическая техника определяется как отдельная наука, а в широком смысле, по мнению В.А. Томина, это «применение апробированных практикой научно обоснованных рациональных юридических способов, средств и процедур внедрения права в сознание поведение и деятельность отдельного индивида и социальных общностей» [6].

Из указанного определения следует, что юридическая техника является одним из инструментов профессионального общения юриста, что служит опорой в его повседневной трудовой деятельности и является свидетельством его квалификации и профессионализма.

Таким образом, психотехнология — алгоритмическая деятельность, направленная на использование на профессиональном уровне психологических инструментов: приемов, средств и методов воздействия, влияния и коммуникации для эффективного решения психологических задач.

Исходя из указанного определения, можно свидетельствовать о значимой роли психотехнологии в профессиональной практике юриста, так как юриспруденция основана на коммуникации и взаимодействии с клиентами, оппонентами, судом и прочими государственными и негосударственными органами и структурами.

Психотехнология профессионального общения юриста наиболее эффективна, когда она не выстроена по шаблону. Профессионализм заключается в индивидуальном подходе к каждому объекту (личности) и конкретной ситуации.

Важно выделить два типа основных психологических инструментов: речевые (слово) и неречевые (мимика, жесты, поза, походка). Алгоритм использования указанных инструментов, при котором юрист может достичь максимального результата в своей деятельности, начинается складываться с анализа и понимания кейса (проблемного запроса), условий и обстоятельств возникшего либо происходящего, а также психологических особенностей личности и ее мотивов. На данной стадии и начинается выстраиваться юридическая речь и манера поведения в зависимости от объекта, на который направлена коммуникация (общение).

Профессиональная юридическая речь должна обладать рядом особенностей. К ним относятся: широкий

словарный запас, строгий логический строй предложений, направленность смысловой нагрузки на систему правоотношений и морали, выразительность, выраженность признаков справедливости и несправедливости, долга и ответственности, соблюдение правовых норм, чувство такта и высокой ответственности за свои слова, толерантность, вежливость и уважительность к собеседнику, продуманность, лаконичность, доступность.

Кроме того, профессиональная направленность речи заключается в нацеленности на решение задач конкретного кейса, установлении причинно-следственной связи и психологического контакта с оппонентом. Речь юриста должна оказывать определенное воздействие, в зависимости от ситуации быть убеждающей либо переубеждающей, а также обладать свойством установления истины и разоблачения.

Таким образом, можно свидетельствовать о том, что психотехнология профессионального общения юриста опирается на четыре основных параметра речи:

1. Поведенческо-деятельностный характер.
2. Профессиональная адаптированность.
3. Правовой профессионализм.
4. Этичность.

Знания о психотехнологии и использование ее в профессии позволяют юристу эффективно выстраивать свою позицию, готовить речь, анализировать ее итоги, а главное — совершенствовать и развивать речевые способности в профессиональном общении. В свою очередь речь является основным компонентом коммуникации.

Залогом успешной коммуникации является обратная связь, которая отражает понимание либо непонимание, отношение к проблеме и позицию оппонента.

В профессии юриста особо значимой является коммуникативная компетентность — способность устанавливать и поддерживать контакты.

Известно, что целью профессиональной коммуникации является достижение взаимопонимания партнеров, понимание ситуации, обстоятельств и предмета общения.

Коммуникативная компетентность есть система внутренних ресурсов, которые необходимы для достижения максимального эффекта при межличностном взаимодействии.

Юристу-профессионалу необходимо придерживаться стратегии открытого общения — умения выражать свою точку зрения развернуто и полно и готовности выслушать и учесть позицию оппонента.

Под тактикой общения принято понимать реализацию в определенной ситуации коммуникативной стра-

тегии, используя приемы и правила профессионального общения юриста. Техниккой общения является умение говорить и слушать.

Таким образом, стратегия, тактика и техника общения образуют психотехнологию профессионального общения специалиста.

Коммуникация юриста выстраивается при использовании различных видов общения, это в первую очередь деловое общение, формально-ролевое, а также и при определенных условиях манипулятивное. В связи с этим следует подчеркнуть, что юрист в своей профессии должен всегда придерживаться принципов Кодекса делового общения, так как это основа его профессионализма.

Кроме того, представители юридической профессии должны всегда придерживаться норм морали, а их поведение и действия должны соответствовать профессионально-этическим ценностям и быть корректными.

Профессиональное общение входит в число обязательных компонентов психологической структуры юридической деятельности [1].

Под общением в психологии понимается процесс установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении. Профессиональное общение является ядром, системообразующим фактором юридической деятельности [2; 62].

Использование психотехнологии профессионального общения обеспечивает достижение профессионально значимых целей и предполагает высокий уровень ответственности, основа которой кроется в контроле за ходом общения, стратегией коммуникации, что требует обязательной психологической подготовки.

О том, что в профессиональном общении психотехнология была успешно реализована, можно судить тогда, когда между оппонентами достигнуты психологический контакт и высокий уровень доверия.

В этой связи необходимо выделить наиболее эффективные психотехнологии профессионального общения юриста.

1. Постановка себя на место оппонента. Это психологическая техника выражается в попытке полного осознания проблемы оппонента и углубления в нее, во взгляде на ситуацию его глазами. Таким образом осуществляются многокритериальная оценка партнера по коммуникации, анализ его эмоционального состояния, сути запроса или кейса.
2. «Подстроение». В буквальном смысле в професси-

ональном общении крайне важно подстраиваться под оппонента с помощью языка тела (копирование телодвижений и мимики), голоса и речи (использование приближенного темпа речи, высоты тона и тембра голоса). Таким образом, когда человек видит знакомые ему образы и слышит привычные ему звуки, уровень доверия и открытости повышается, а также достигается интеллектуальная и эмоциональная эмпатия.

3. Близкой к «подстроению» является психологическая техника учета сенсорных предпочтений собеседника, в основе которой сосредоточение внимания на типе собеседника в соответствии с его сенсорными предпочтениями: визуальными и аудиальными, кинестетическими, обонятельными, а также вкусовыми.
4. Прогноз поведения и действий оппонента в будущем. Грамотный специалист, работающий в сфере юриспруденции, всегда должен понимать, что за сказанными им словами, выраженными утверждениями, выводами, заданными вопросами подразумеваются определенные последствия, которые могут напрямую повлиять в качестве примера на исход разрешения спора в суде, на дальнейшее сотрудничество с клиентом. Исходя из этого, при построении стратегии переговоров, представления интересов в суде необходимо прогнозировать реакцию, поведение и дальнейшие возможные действия оппонента.
5. К эффективной психологической технике стоит также отнести применение следующих правил:
 1. Правило диалогичности. Оно строится на ведении диалога, направленного на демонстрацию интереса к проблеме и предоставление возможности оппоненту высказать свои позиции, обрисовать свое видение.
 2. Правило активного слушания и внимания к оппоненту. Это демонстрация позой, мимикой, жестами и голосом готовности оказать помощь и объективно выстроить план решения заданного кейса.
 3. Отказ от демонстрации превосходства.

В рамках исследования вопроса об эффективности психотехнологии профессионального общения юриста также было проведено анкетирование среди сотрудников Правового департамента частного юридического лица, обслуживающего крупное химическое предприятие в России [4].

Были выявлены следующие барьеры ее применения:

1. Частое отсутствие специализированного курса юридической психологии в программах высшего профессионального образования на юридических факультетах.
2. Непонимание принципа действия механизма пси-

хотехнологии профессионального общения.

3. Отсутствие готовности применять эффективные психотехнологии общения в профессиональной практике.
4. Отсутствие у некоторых представителей юридических профессий специальных способностей, необходимых при использовании психотехнологии профессионального общения.
5. Низкий уровень коммуникативных навыков, эмпатии, этичности и профессионализма.

Эти отрицательные стороны подводят к выводу о том, что далеко не каждый специалист, окончивший юридический вуз, имеющий опыт правовой практики, обладающий юридической техникой, является профессиональным коммуникатором. Многие из них по набору природных качеств и типу личности, по темпераменту с малой долей вероятности смогут освоить и применять психотехнологии общения в своей профессиональной деятельности.

В своем большинстве экспертные коммуникаторы – это люди, не обученные специально, а рожденные с заложенными коммуникативными данными и предрасположенностью к общению и взаимодействию с другими людьми. Такие личности будут наиболее успешны в профессии юриста. Следовательно, необходимо выявлять коммуникативные способности личности на пороге юридической деятельности и делать упор на их развитие на протяжении всей последующей работы.

В заключительной части исследования важно подчеркнуть, что в юридической профессиональной сфере необходимо всегда стремиться максимально актуализировать (проявлять) коммуникативные навыки: быть внимательным слушателем, но при этом настроенным на общение, на достижение конкретных целей, уметь устанавливать психологический контакт и тактично направлять сообщение [5]. Кроме того, в профессии юриста необходимо опираться как на предметные знания, так и на риторическую смекалку.

Освоение всех указанных выше ключевых аспектов профессионального общения юриста, последующее углубленное погружение в психотехнологию и отработка навыков выведет специалистов на новый уровень экспертной коммуникации не только в профессии, но и в повседневной жизни.

Итоги научного исследования подтверждают, что знание психотехнологии профессионального общения и использование ее в профессии юриста характеризуют его как высококвалифицированного специалиста, позволяют эффективно использовать психологические инструменты профессионального общения, речевую и юридическую технику, выстраивать грамотную и сильную позицию в суде или при иных формах взаимодействия, а также побуждают совершенствовать и развивать коммуникативные способности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамцев, В.В. Психология профессионального общения юриста: учебное пособие / В.В. Аврамцев. — Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. — 134 с.
2. Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. — Москва: Смысл, 1997. — 365 с.
3. Носков, В.А. Психотехника общения в работе оперуполномоченного БХСС / В. А. Носков. — Горький, 1989.
4. Опросник «Стиль общения» [Электронный ресурс]. — URL: <https://lektsii.com/1-157168.html>.
5. Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. — Москва, 2001. — 639 с.
6. Тomin, В.А. Юридическая техника: учебное пособие / В.А. Тomin. — Санкт-Петербург, 2015. — 84 с.
7. Schriver, K. What we know about expertise in professional communication //Past, present, and future contributions of cognitive writing research to cognitive psychology. — 2012. — Т. 2012. — P. 275–312.

© Майорова Валерия Андреевна (v.slobozhanina1305@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАБОТА С ТРАНСПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ТРАВМЫ МЕТОДОМ РАССТАНОВОК: СЛУЧАЙ НАТАЛИИ

Поднебесная Екатерина Борисовна

кандидат психологических наук, психолог, Центр
«Открытая реальность» (г. Москва)
eka.pod@yandex.ru

WORK WITH THE TRANS-GENERATIONAL TRANSMISSION OF TRAUMA BY THE METHOD OF SYSTEM CONSTELLATIONS: NATALIA'S CASE

E. Podnebesnaya

Summary: Systemic Constellations came to Russia more than 20 years ago. Today, this method of psychotherapy is acknowledged by professionals and is included in the list of psychotherapeutic and consulting modalities of the Professional Psychotherapeutic League (PPL). However, there are still practically no articles on constellations in academic publications. This state of affairs slows down research in this area and inhibit constellations to develop as a scientifically based method. The description of the case, which has described in this article, is going to give a possibility for look at the method in more detail for all interested parties. Also, will provide additional information to researchers in the field of modern methods of psychotherapy.

Keywords: psychotherapy, modern methods of psychotherapy, system constellations, deputies, effective method, psychotherapeutic help, time-stable result, case description, relationship with daughter, transmission of trauma, intergenerational transmission, trans-generational transmission, ancestral system, ancestral influence.

Аннотация: Расстановки в Россию пришли больше 20 лет назад. Сегодня этот метод психотерапии признан профессионалами и включен в перечень психотерапевтических и консультационных модальностей Профессиональной психотерапевтической лиги (ППЛ). Однако статей, посвященных расстановкам, в академических изданиях по-прежнему практически нет. Такое положение вещей тормозит исследования в данной области и не дает развиваться расстановкам в качестве научно обоснованного метода. Описание случая, приведенного в нашей статье, позволит более подробно познакомиться с методом всем заинтересованным лицам и даст дополнительную информацию исследователям области современных методов психотерапии.

Ключевые слова: психотерапия, современные методы психотерапии, расстановки, заместитель, эффективный метод, психотерапевтическая помощь, устойчивый во времени результат, описание случая, отношения с дочерью, передача травмы, межпоколенческая передача, транспоколенческая передача, родовая система, влияние предков.

Мы живем в беспокойное время. Современный мир становится источником бесконечного количества травм как для отдельного человека, так и для целых групп. Вместе с тем, мы все являемся частью своего рода и так же подвержены влиянию травмирующих событий, участниками которых были наши предки. Порой такая травма по силе не уступает биографическим переживаниям, а ее действие способно распространяться на несколько последующих поколений. Проблематика межпоколенческой передачи психического травматизма является открытием в психологии XX века и актуальна как в теоретическом, так и в практическом плане [Тарабрина, Майн, 2013].

Экстремальный травматизм может передаваться от поколения к поколению - такая гипотеза была выдвинута в начале 60-х годов прошлого столетия, когда клиницисты встревожились числом детей, обращавшихся в клиники Канады, а также других стран, родители которых пережили холокост [Danieli, 1998]. Действие травмы может распространяться на несколько поколений вперед. Так современные исследования доказывают факт эмоционального воздействия военных

действий не только на непосредственных участников событий, но и на представителей последующих поколений [Рикель, Федорова, Бовина, 2021]. Передача травмы может быть как межпоколенческая, так и чрезпоколенческая [Granjon, 1989, Mijola, 2004]. Межпоколенческая передача подразумевает передачу прямую, в рамках реального контакта, ее можно наблюдать со стороны, а транспоколенческая/чрезпоколенческая касается отдаленных поколений. Передача информации происходит посредством памяти. Именно благодаря памяти, индивидуальной и коллективной, создается история поколений [Kaes, 2009]. Коллективная память дает возможность ее носителю идентифицировать себя с группой, поддерживать социальную идентичность, помогает группе осознать свое единство и своеобразие, определить групповые ценности, нормы и поведение [Ассман, 2014; Paez, 2011]. Когда представители одного поколения становятся свидетелями значимого исторического события, то коллективная память и эмоциональные реакции на такие события могут быть рассмотрены как важнейшие конструкты, объединяющие поколения [Нора, 1998]. Содержанием коллективной памяти становятся только значимые со-

бытия, актуальные в рамках совместного общения, что делает ее важной для поколенческого дискурса [Емельянова, 2019]. Коллективная память содержательно совпадает с социальными представлениями о прошлом [Liu, Hilton, 2005; Moliner, Bovina, 2019]. При этом актуализация этих представлений и воспоминаний осуществляется, в том числе, с помощью различных символов, т. е. коллективная память по своей природе символична [Рикёр, 2004]. Если травматическое событие предков было психически переработано, символизировано, (вписано в индивидуальную память как опыт, получивший статус прошлого, воспоминания,) потомку передается не только содержимое опыта, но и способы его психической переработки и совладания с ним. Модели совладающего поведения, полученные от предков, становится ресурсом в жизни последующих поколений [Крюкова, 2009; Сапоровская, 2008]. Однако передается не только опыт преодоления. Когда субъект не смог психически переработать травму в силу ее интенсивности, длительности, индивидуальной значимости, особенностей его адапционных и защитных механизмов, пережитый травматизм остается «сырым материалом», фрагментированным, плохо или совсем невербализованным, неструктурированным, несимволизированным [Тарабрина, Майн, 2013]. Такой «серый материал», достигающийся в наследство потомкам, является не только не переработанным, но и недосказанным. Постыдные вещи или слишком тяжелый травматизм часто удаляются из истории поколений. Так уход непобедных сторон войн в «подсознание» общества исследователи называют «слепым пятном памяти» [Гудков, 2004]. Боясь травмировать близких, родители окружают молчанием болезненное событие, пережитое ими [Tisseron, 2007]. Особенно это касается историй, угрожающих идеалам семьи. Связаны они обычно с темами рождения, социального исключения, болезней, смертей. Вокруг таких тем организуется секрет. Секрет — это информация, которую запрещено знать, раскрывать, которую надо прятать. Если он раскроется, может нарушиться стабильность семейной системы. Сначала молчание касается только темы секрета, но постепенно оно распространяется на большую часть информации, даже косвенно касающуюся секрета. Если же носитель секрета говорит на эту тему, то отрывочно, противоречиво, туманно.

Но секрет все равно передается. Точнее, передается незнание, запрет на знание и знание незнания [Майн, 2017]. Анхаров с соавт. [Ancharoff, 1998] указывают, что молчание может передавать травматичные послания также ощутимо, как и слова. Информация, получаемая ребенок от своих родителей и других родственников, кодируется не только в вербальной, но и невербальной модальностях. Вербально передаются исторические факты, семейные истории, мифы, традиции, ценности, идеалы, суждения, установки по отношению к другим людям и группам. Передаваемые мифы являются носи-

телями смысла, они объясняют мир и то, что мы в нем делаем [Anning, 1997]. Невербально же передается отношение к сообщаемым фактам, то есть аффект, который обнаруживает себя в интонациях, жестах, поведении. Иногда вербальное послание отличается от невербального: рассказ о каком-то внешне ординарном событии может сопровождаться сильным или противоположным по модальности аффектом, причем сам передающий может не замечать этого диссонанса, что может говорить о работе вытеснения. А. Мижоля [Mijolla, 2003] утверждает, что каждый человек конструирует представления об элементах своей предыстории и персонажах, живых и мертвых, принимающих в ней участие, из официальной семейной хроники, но также из аллюзий, мимики, жестов, многозначительного молчания. Всегда, добавляет Мижоля, есть в окружении ребенка кто-то, кто является носителем послания, информации, даже так называемой секретной, часто неполной, искаженной, малопонятной. Он называет «визитерами Я» идентификации с персонажами истории субъекта, подверженные вытеснению, которые возвращаются в странностях поведения, симптомах, снах, а также произведениях искусства. Эти идентификации проявляются в разные моменты и могут противостоять друг другу.

Результатом становятся пертурбации в отношениях с детьми и в их психическом функционировании. Таким образом, во втором поколении секрет бывает окружен стыдом. То, что было невысказанным, становится невыразимым, вербальная репрезентация отсутствует. Содержание игнорируется, но само наличие секрета чувствуется и вызывает вопросы. В третьем поколении ребенок, а потом и взрослый, может иметь ощущения, эмоции, потенциальную активность, образы, которые ему кажутся странными, не объяснимыми ни его собственной психической жизнью, ни историей его семьи [Tisseron, 2007]. Метафорически можно сказать, что межпоколенческая передача — это психическое питание, как вскармливание молоком — питание физическое. Но иногда структурирующая, питательная передача смешивается с патологичной, с передачей непереработанных травм. Чем больше родители отдадут себе в этом отчет, тем больше они могут дать новую питательную ценность тому, что они передают [Houzel, 2010]. Хотя родители ответственны за феномены межпоколенческой передачи травматизма, но и они такие же жертвы, как и их дети.

Б.В. Зейгарник своим открытием о приоритете в памяти незавершенных действий относительно завершенных, по сути, дает обоснование необходимости осмысления и переживания травматических событий, относящихся к истории твоего рода и возникающих в качестве «белых пятен» в жизни последующих поколений [Шеманова, 2016]. Процесс дезидентификации, то есть выделение того, что было передано, позволяет восстановить историю, принадлежащую прошло-

му, и, как следствие, дает больше свободы субъекту в формировании своей индивидуальности [Тарабрина, Майн, 2013]. Вписывание травмы, пусть даже не своей, в субъективный мир конфликтов и фантазий позволяет интегрировать этот опыт и превратить его в структурирующий вместо деструктивного. Раскрытие белых пятен семейной истории приводит к более цельному переживанию себя, своей идентичности и своей жизни [Шеманова, 2016].

Что касается особенностей психологической и психотерапевтической работы с последствиями межпоколенческой передачи, очевидно, что необходимо обращение к истории субъекта не только индивидуальной, но и семейной, групповой. М. Винар [Vinar, 1988] убежден, что репарация должна проходить через социальное поле, поскольку социальный травматизм имеет уровень ужаса или подавления, и очень сложно репарировать его только в рамках индивидуальной психотерапии. Х. Фламанд [Flamand, 2000] считает, что психоисторический и этнопсихиатрический подходы в клинической практике могли бы привнести измерение, которого не достаёт традиционным подходам. А.А. Шутценбергер [Шутценбергер, 2005] предлагает метод психодрамы в сочетании с геносоциограммой для выявления межпоколенческих сценариев.

Одним из перспективных методов в работе с трансколенческой травмой является метод расстановок. В нашей стране расстановки появились сравнительно недавно. Отправной точкой развития этого метода психотерапии считается 2001 год. Тогда были изданы первые книги по системным расстановкам: Г. Вебера «Два рода счастья» [Вебер, 2001] и Б. Хеллингера «Порядки любви» [Хеллингер, 2001]. В этот же год Хеллингер первый раз приехал в Москву и продемонстрировал использование метода лично. В следующем 2002 году в Институте консультирования и системных решений открылась первая программа подготовки консультантов по системным расстановкам. За это время расстановки получили широкое признание у профессионалов. Подтверждению этого является официальное признание метода Профессиональной психотерапевтической лигой (ППЛ), как психотерапевтической и консультационной модальности.

На сайте этой организации директор Института консультирования и системных решений Михаил Геннадьевич Бурняшев так описывает суть расстановок: «Системно-феноменологическая психотерапия (консультирование) и клиент-центрированные расстановки® — метод психотерапии и консультирования, который позволяет клиенту осознавать, а психотерапевту видеть, различные феномены личного и коллективного

бессознательного клиента — чувства, фильтры восприятия, симптомы, субличности, роли, модели взаимодействия, цели, личные, семейные, родовые, организационные сценарии, а также то, как клиент взаимодействует с окружающими его системами. Основным инструментом метода является клиент-центрированная расстановка, в которой, благодаря осознанному, направленному, добровольному и групповому переносу (смещению), содержимое бессознательного клиента (его памяти) экстернализируются в виде статических и/или динамических образов пространстве группы при групповой форме работы или при помощи фигур, напольных якорей, в воображении клиента при индивидуальной работе. При помощи прояснения запроса происходит фокусирование на конкретной теме (проблеме), желаемом результате изменений для клиента, недостающих ресурсах и препятствиях. Фокусирование активизирует, связанные с запросом клиента, области бессознательного, а клиент-центрированная расстановка выступает в роли «зеркала» для этих областей. В процессе работы, психотерапевт сопровождает клиента из области проблемы в область решения, помогает находить клиенту необходимые для этого ресурсы, осознавать и преодолевать препятствия. Результатом работы является создание для клиента образа решения, который в дальнейшем переносится в жизнь клиента, а психотерапевт помогает клиенту закрепить решение».¹

Представление о расстановках можно почерпнуть из приведенного ниже описания случая.

Случай Натальи²

На расстановку пришла женщина. Свою проблему она описала так: *«Детей у меня двое, сын и дочь. И если к сыну чувствую любовь, тепло, то к дочери пусто. Я забочусь о ней, но как бы из головы. Чтоб была сыта, чтоб у нее было все что нужно. Я знаю, что люблю ее, но вот тепла нет. Как будто перекрыто все. Так же и у меня с моей мамой. Брата она любит, а ко мне относится механически».*

Из сидящих в зале клиентка выбирает двух человек - один становится заместителем дочери, второй заместителем ее самой. Фигуры матери и дочери стоят на некотором расстоянии друг от друга. Дочь чувствует себя хорошо, маму видит и тоже относится к ней хорошо. Фигура матери же напротив не смотрит на дочь, ей страшно даже поворачиваться в ту сторону. По моей просьбе, заместитель клиента разворачивается в сторону дочери и смотрит на нее. Но всего лишь пару мгновений. Потом она закрывает лицо руками и отворачивается обратно. По-видимому, она проецирует на дочь свои негативные переживания. Выяснить с чем они связаны, каковы их истоки является

1 <https://oppl.ru/komitetyi/sistemno-fenomenologicheskaya-psihoterapiya-konsultirovanie-i-klient-tsentrirovannyye-rasstanovki.html>

2 Имя клиентки изменено.

задачей расстановки. Для решения этой задачи в первую очередь необходимо освободить фигуру дочери от маминых проекций. С этой целью заместителя дочери накрываю обычным шарфом. Заместителя клиентки прошу концентрироваться на шарфе. Переносу шарф на другого человека, выбранного из зала - теперь проекция является отдельной фигурой, для удобства будем называть ее «шарфик». Заместитель дочери уходит в дальний угол зала. Часто фигура, освобожденная от проекции клиента, никак не участвует в расстановки почти до самого конца процесса. Забегая вперед, скажу, что так получилось и в этот раз.

Следующим шагом за спиной заместителя клиентки по иерархическим уровням родовой системы раскладываю квадраты бумаги, схематически представляющие членов ее рода. Предлагаю «шарфику» пометить членов рода, с которыми он связан. Ими оказываются прадедушка по материнской линии и его тесть. Странное сочетание фигур. Обращаюсь к клиентке, как могут быть связаны прадедушка со своим тестем. «Конечно связаны. И прадедушка с прабабушкой, и прабабушкины родители жили в Питере, - поясняет клиентка, - Они там все вместе блокаду пережили».

Тем временем «шарфик» встает в центр помещения. Прадедушка и его тесть неподалеку, на некотором расстоянии друг от друга. Мужские фигуры чувствуют себя хорошо, друг к другу относятся хорошо. На фигуру «шарфика» они не обращают внимание. «Она какая-то маленькая, поэтому внимание не привлекает», - говорит прадедушка про «шарфик». И действительно, заместитель «шарфика» увлеченно играет кисточками от шарфа, который лежит у него на плечах. Высказываю предположение - Возможно «шарфик» замещает фигуру ребенка? Прадедушка с тестем согласно кивают. «Девочка», - вносит поправку заместитель «шарфика». Дальше мы будем называть эту фигуру «девочка».

Что это за девочка? Возможно, речь о внебрачном ребенке? Прадедушки или его тестя. Прошу заместителя девочки поочередно подержать за руки одну и вторую мужскую фигуры. Ни один из заместителей кровной связи не чувствует. Возможно, это нерожденный ребенок, поэтому связь слабая. Ведь события происходили во время блокады, возможно, беременность не окончилась рождением ребенка. А во время ли блокады? Ввожу тестовую фигуру, называю ее «блокада Ленинграда». Новая фигура обходит остальных заместителей. «Я тут есть, но я как фон», - говорит она. Остальные фигуры соглашаются с ее словами. Эту тестовую фигуру я вывожу из расстановки, она существенным образом здесь ничего не меняет.

Что же это за девочка... Может все же речь идет о нерожденном ребенке прадедушки и прабабушки? Нерожденном или рано умершем. Ввожу в расстановку заместителя прабабушки. Она сразу уходит к дальней стене

зала, - «Нет-нет, я не с ними. И девочку эту я не знаю». На девочку она даже не смотрит. Как впрочем и девочка на нее. Тут начинает говорить клиентка, - «Нет, не так. Это моей бабушки не было с ними в блокаду. Ее вывезли из города в эвакуацию. С родителями остались только два ее старших брата». Ввожу заместителей бабушки и двух ее братьев. Братья остаются рядом с мужчинами, а заместитель бабушки отходит к стене, противоположной той, у которой стоит прабабушка, ее мать. Фигура бабушки никак не участвует в процессе до самого конца расстановки. Заместитель среднего брата подходит к девочке. «У меня есть с ней связь», - говорит он. Он ее отец? Сколько же лет было ему в то время? Ввожу заместителя мамы этой девочки. Прадедушка кивает новой фигуре. Спрашиваю его об этом жесте. «Я поздоровался. Мне она знакома. Соседка, наверное», - поясняет он. Тесть поддакивает. Вновь введенная фигура улыбается и пошатывается. «А я кажется пьяная», - сообщает она. Спрашиваю у нее, кто же отец ее дочери. «Мне кажется я девушка легкого поведения. Сама не знаю кто отец моего ребенка, - она обводит взгляд всех присутствующих заместителей мужчин, - Но это точно не они. Среди них нет отца моей дочери». Средний брат с облегчением вздыхает, - «Все так. Мы играли вместе с этой девочкой, подружка. Мы дети». Спрашиваю у мамы девочки о связи с дочерью. «Мне нет дела до нее. И вообще мне кажется я ее продала, за водку, - мать хихикает, - Им и продала», - рукой указывает на семью соседей. Дальше она облокачивается о стену и безучастно смотрит в окно, происходящее больше ее не интересует. Пока я ломаю голову над разгадкой этой истории, мальчики, их отец и их дедушка встают вокруг девочки кольцом и начинают двигаться по кругу. Девочка смеется, - «Это игра такая? Они как папуасы хоровод вокруг меня водят». От догадки у меня мороз по коже пробегает. Из зала приглашаю новую фигуру, на ухо говорю ей заместителем кого она будет. Все же это тестовая фигура и не стоит заранее шокировать окружающих. Новая фигура встает за спину девочки. Кольцо родственников вокруг девочки сжимается, подошла даже прабабушка. Прадедушка протягивает руки к девочке и говорит, обращаясь к тестю, - «А ты держи ноги». Девочка кричит, - «Это не веселая игра! Мне страшно!» Наверное, уже все догадались как называется новая фигура. Но всё же говорю ее название вслух - «каннибализм». Заместитель прабабушки закрывает лицо руками и плачет.

Дальше следуют разрешающие фразы, выстраиваю иерархический порядок участников, совершаются ритуальные поклоны. И отдельный поклон съеденной девочке, ведь благодаря ей удалось выжить членам рода клиентки. В финале расстановки заместитель клиентки подходит к фигуре дочери и крепко обнимает ее.

Через пять дней мне пришло письмо от этой клиентки: *«Хотела по итогам расстановки поблагодарить! Можно бы было годами ходить по психологам, но так и*

не разобраться с этим! Что-то освободилось в груди, сразу же. Облегчение пришло. С дочкой чувствую, что гораздо душевнее стало, тепло пошло.

Самое интересное, что где-то глубоко я как будто знала все это. Все эти рассказы, что прадедушка был ценным на заводе человеком и получал повышенную пайку... и что прабабушка была высококлассной белошвейкой и даже в блокадном Ленинграде находились люди, готовые платить за ее работу.. не очень верилось».

Дальнейшие предположения позволяют объяснить, как возникла проблема клиентки. Возможно, прадед клиентки со своим тестем приняли решение об акте каннибализма и реализовали его. Что логично, как старшие мужчины семьи. Именно на эти фигуры рода указал заместитель проекции «шарфик». Но ели добытое такой ценой мясо все присутствующие члены семьи, предполагаем, что все, включая мать семейства. В литературе встречаются описания подобных эпизодов в блокадном Ленинграде. Возможно, именно ради выживания собственных детей женщины шли на подобные вещи. Для этого надо было выключить чувства. Съеденным ребенком была ДЕВОЧКА. Дочка соседки. Мать ела мясо знакомой девочки. Такого женская психика выдержать не может. Мы в поле видели, как прабабушка просто отходит – сбегает – не хочет признавать знакомого ребенка, блокирует любые свои чувства к ней. Дальше, когда блокада закончилась и семья снова соединилась с эвакуированной дочкой. Мать уже не могли смотреть на нее как на ребенка, как на ДЕВОЧКУ. Принимать ее близко к сердцу было равносильно принятию того, что произошло со знакомой девочкой во время блокады, произошло в их семье. Поэтому все чувства к родной дочери просто выключились.

Похожее описание есть у Тарабриной и Майн – травмированный родитель может стремиться освободить свое сознание от мучительных воспоминаний и эмоций посредством их подавления. Чувство вины, стыда и поврежденный образ себя расщепляют личность. Она уже не в состоянии переживать эти чувства как интегрированную часть себя. Ребенок такой личности неизбежно сталкивается с опасными отщепленными частями, воспоминаниями и эмоциями, которые родитель проецирует на ребенка [Op den Velde, 1998].

Проецирует и превращается в бесчувственную мать в отношении ребенка. Складывается определенная модель поведения, которая усваивается ребенком. Эвакуированная из блокадного Ленинграда дочка усвоила модель матери – любить сыновей, к дочерям «относится механически» (выражение клиентки). И когда она уже сама стала мамой, так же любила сына и не видела свою дочь (об этом рассказывала клиентка перед началом

группы). Ее дочь, клиентка, так же в свою очередь любит сына и не смотрит на свою дочь как на ребенка, не принимает ее близко к сердцу. Может ли разрушить эту модель всего одна расстановка?

Готовя эту статью, я обратилась к клиентке за разрешением публикации ее случая. С момента расстановки прошло чуть больше года, так же интересно было узнать, как за это время изменилось состояние ее проблемы. Ответ привожу без исправлений: *«Сейчас (прошло больше года): отношения с дочерью гораздо ближе, мы подолгу разговариваем, и если раньше это было механически, фактами, то сейчас у меня получается слушать ее, вместиать ее чувства. Появилось тепло, хочется обнять, поцеловать, купить что-то вкусное, чем-то порадовать. Не знаю, как объяснить, теперь прямо тепло к ней идет из рук.*

С моей мамой тоже отношения стали теплее. С ее стороны может и так же. Но с моей стороны тепла больше. Какая-то преграда ушла. Что очень запомнилось прошлым летом – смотрели старые фотоальбомы, и тут мама рассказала все что у нее на душе, оказалось большая вина висит на ней с детства. Раньше она мало рассказывала про всю ту ситуацию. А тут она разговорилась, а у меня получилось все это вместить и пережить вместе с ней (сейчас модно говорить скорейнивать))))) проплакали все это втроем, я, мама и моя дочка

Точно не скажу, наверное, с женщинами вообще стало проще общаться. На работе и со знакомыми. Я вроде как «своя» среди женщин. Женщина-начальница относилась с настороженностью, сейчас как-то проще, еще одна сотрудницы меня все гнобила, сейчас заботится и наверное считает подругой)) я как-то не особо с женщинами дружила и подруг особо нет».

Случай Натальи можно назвать наглядной демонстрацией эффективности оказания психотерапевтической помощи методом расстановок. Мы можем констатировать тот факт, что в результате проведенной работы произошло радиальное изменение отношения клиентки к ее дочери, которое носит устойчивый во времени характер. Однако случай предоставлен не только для демонстрации. Для дальнейшего развития психотерапии в цивилизованном русле необходимо продолжать движение в сторону различения научно обоснованные психотерапевтические подходы и методы от тех, которые не имеют научного обоснования или не имеют достаточной доказательной базы [Перре, 2020]. Укрепление доказательной базы метода расстановок дело будущих исследователей. Именно их внимание мы надеемся привлечь публикацией данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Вебер Г. Два рода счастья: Системно-феноменологическая психотерапия Берта Хеллингера. М.: Институт Консультирования и системных решений, 2001. 332 с.
3. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
4. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
5. Крюкова Т.Л. с соавт. Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. 340 с.
6. Майн Н.В. Индивидуальная и межпоколенческая психотравматизация кандидатов в замещающие родители. На правах рукописи. 2017 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.str.i-docx.ru/38psihologiya/374454-1-mayn-nadezhda-vladimirov...>
7. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 48—72.
8. Перре М. Признание образовательных программ по психотерапии для психологов: возможные пути регулирования на государственном уровне // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 4. С. 144—166.
9. Рикель А.М., Федорова Н.В., Бовина И.Б. Между горем и гордостью: визуальные методы для исследования межпоколенческих особенностей эмоциональных переживаний и коллективной памяти о войне // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 127—143.
10. Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с. 22.
11. Сапоровская М.В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2 (2). URL: <http://psystudy.ru>
12. Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Том 21. № 3. С. 96—119.
13. Хеллингер Б. Порядки любви. Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. — М.: Издательство Института Психотерапии, 2001.
14. Шеманова Н.А. Опыт разрешения травмы, вызванной знакомством с архивным следственным делом репрессированного родственника // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 1. С. 169—180. doi:10.17759/cpp.2016240111
15. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы // пер. с нем. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 253 с.
16. Ancharoff M.R. et al. The legacy of combat trauma: Clinical implications of intergenerational transmission // Y. Danieli (Ed.), International handbook of multigenerational legacies of trauma New York: Plenum Press, 1998. P. 257—276.
17. Anning S. La famille: lieu d'ancrage, temps de passage // Therapie familiale. 1997. Vol. 18. № 2. P. 127—139.
18. Danieli Y. Families of survivors of the Nazi Holocaust: Some short and longterm effects. Research Perspective // Danieli Y. (ed.). International Handbook of Multigenerational Legacies of Trauma. New York and London: Plenum Press. 1998. P. 43—68.
19. Flamand H. La transmission intergenerationnelle des traumatismes // Psychologie Quebec. 2001, 10. P. 26—28.
20. Granjon E. Transmission psychique et transferts en therapie familiale psychanalytique // Gruppo. 1989, 5. P. 47—58.
21. Houzel D. La transmission psychique. Paris: Odide Jacobe, 2010.
22. Kaes R. Les alliances inconscientes. Paris: Dunod, 2009.
23. Liu J.H., Hilton D. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // British Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 44. P. 537—556.
24. Moliner P., Bovina I. Architectural Forms of Collective Memory // International Review of Social Psychology. 2019. Vol. 32. DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
25. Mijolla A. Prehistoires de famille. Paris: PUF, 2004.
26. Mijolla A. Les visiteurs du moi. Paris: Les belles lettres, 2003.
27. Op den Velde W. Children of Dutch war sailors and civilian resistance veterans // Y. Danieli (Ed.), International handbook of multigenerational legacies of trauma. New York: Plenum Press, 1998. P. 147—162.
28. Paez D.R., Liu J.H.-F. Collective memory of conflicts. In: D. Bar-Tal (Ed.). Frontiers of social psychology. Intergroup conflicts and their resolution: A social psychological perspective // Psychology Press. 2011. P. 105—124.
29. Tisseron S. Secrets de famille. Mode d'emploi. Paris: Marabout, 2007.
30. Vinar M. Exil et torture. Paris: Denoel, 1988.

© Поднебесная Екатерина Борисовна (eka.pod@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗМЕНЕНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СПОРТСМЕНОК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКОЙ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К СОРЕВНОВАНИЯМ

CHANGES IN THE PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF ATHLETES ENGAGED IN RHYTHMIC GYMNASTICS DURING THE PREPARATION FOR COMPETITIONS

L. Savinykh
O. Bulgakova

Summary: The article presents one of the options for optimizing the process of psychological training in rhythmic gymnastics. The psycho-emotional state of gymnasts is optimized as a result of the use of a set of exercises of gymnastics "Qigong". As a result of its implementation during the preparation for the competition, reliable changes and optimal indicators of the psycho-emotional state of athletes aged 11-13 were obtained.

Keywords: rhythmic gymnastics, psycho emotional state of gymnasts, gymnastics "Qigong", competitive training period.

Савиных Лидия Егоровна

Кандидат педагогических наук, доцент, Сургутский государственный университет ХМАО-Югры
sle57@mail.ru

Булгакова Оксана Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент, Сургутский государственный университет ХМАО-Югры
bulgakova_oksana_1973@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлен один из вариантов оптимизации процесса психологической подготовки в художественной гимнастике. Психоэмоциональное состояние гимнасток оптимизируется в результате применения комплекса упражнений гимнастики «Цигун». В результате его внедрения в период подготовки к соревнованиям получены достоверные изменения и оптимальные показатели психоэмоционального состояния спортсменок 11-13 лет.

Ключевые слова: художественная гимнастика, психоэмоциональное состояние гимнасток, гимнастика «Цигун», соревновательный период подготовки.

Соревнования выступают ведущим компонентом соревновательной деятельности в спорте. Не является исключением и художественная гимнастика, которая с 1984 года является олимпийским видом. Готовя спортсменок к соревнованиям, тренер опирается на календарь соревнований, основные положения теории спорта, на главные принципы тренировки и личный опыт работы.

При подготовке спортсменок к соревнованиям по мнению И.А. Винер-Усмановой (2014) не снижая значимости всех видов подготовки следует особое внимание уделять балансу между физической и психологической подготовкой. С одной стороны, организм спортсменки должны быть готовы к чрезмерно большим физическим нагрузкам, с другой стороны, высокое эмоциональное напряжение, требует от них высокой эмоциональной устойчивости ко всем стрессовым факторам, связанным со спортивной деятельностью [2].

Несмотря на популярность исследований, связанных с воздействием различных средств на психоэмоциональное состояние гимнасток, апробирование комплекса упражнений гимнастики «Цигун» и изучение его влияния на организм, требует научной обоснованности.

Гипотеза исследования – предполагается, что целенаправленное применение комплекса упражнений гим-

настики «Цигун» в художественной гимнастике позволит оптимизировать психоэмоциональное состояние спортсменок.

Новизна исследования заключается в том, что нами предложен комплекс упражнений гимнастики «Цигун» для оптимизации показателей психоэмоционального состояния гимнасток 11-13 лет и внедрен в соревновательном периоде подготовки в художественной гимнастике.

Цель исследования – теоретически и практически обосновать влияние гимнастики «Цигун» на процесс оптимизации психоэмоционального состояния гимнасток в период подготовки к соревнованиям.

Исходя из цели в исследовании решались следующие задачи:

1. Провести анализ литературы по проблеме оптимизации психоэмоционального состояния спортсменок в художественной гимнастике.
2. Разработать комплекс упражнений гимнастики «Цигун» для девочек 11-13 лет, занимающихся художественной гимнастикой.
3. Оценить эффективность применения комплекса упражнений гимнастики «Цигун» на психоэмоциональное состояние девочек 11-13 лет, занимающихся художественной гимнастикой.

Педагогический эксперимент проводился в течение 6-ти месяцев в соревновательном периоде. Комплекс применялся в каждом тренировочном занятии (6 раз в неделю), Контрольная группа (КГ) занималась по программе подготовки, разработанной тренером с учетом рекомендаций Федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Художественная гимнастика». Экспериментальная группа (ЭГ) занималась по той же программе (отработка соревновательных программ с предметами: мяч, скакалка, обруч, лента в основной части тренировки; в заключительной части упражнения на СФП).

Занятия в КГ и ЭГ проводились три раза в неделю по 90 минут и имели традиционную структуру. Особенностью содержания занятий в ЭГ являлось включение в подготовительную часть - разминку, содержание комплекса гимнастики «Цигун» (9 упражнений).

Методы математической статистики для обработки полученных данных включали определение среднего арифметического, стандартного отклонения и достоверности различий между экспериментальной и контрольной группами при помощи t-критерия Стьюдента при $p \leq 0,05$.

С целью выявления влияния гимнастики «Цигун» на психоэмоциональное состояние гимнасток нами проведено исследование на базе СК «Пионер» г. Сургут и МАУ СШ «Сибиряк» г. Нефтеюганск. Выборочную совокупность составили 20 воспитанниц в возрасте 11–13 лет отделения художественной гимнастики, занимающихся на этапе спортивного совершенствования. Оценка психоэмоционального состояния гимнасток проводилась с помощью анкеты SCL-90, которая включает 90 симптомов, состоящих из таких шкал, как: соматизация, obsессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, агрессивность и враждебность к окружающим, фобичность, параноидное мышление, психотизм.

Комплекс гимнастики «Цигун» включает следующие упражнения:

I. «Соединение с Небом и Землей»; II. «Рассерженный тигр толкает гору»; упражнение III. «Священный журавль пьет воду»; IV. «Волшебный дракон перемешивает воду»; V. «Поднятие и опускание - Ти ан»; VI. «Встряхивание всего тела - Да доу донг»; VII. «Удары крыльями – Жан чи фей цзянь»; VIII. «Потираание запястья - Ка шу ван»; IX. «Полное очищение».

Результаты исследования

В результате проведенного исследования выявлено снижение показателей таких как: соматизация, obsессивность-компульсивность, депрессивность, тревожность и фобичность у спортсменок в ЭГ по сравнению с КГ ($p \leq 0,05$). Наибольшее количество достоверных измене-

ний наблюдается в ЭГ в таких показателях как: соматизация, obsессивность-компульсивность, депрессивность, тревожность и фобичность. По шкале «Соматизация» среднее значение изменилось с 0,75 до 0,54, снижение составило 0,21; «Obsессивность-компульсивность» среднее значение изменилось с 1,08 до 0,77, снижение составило 0,31; «Депрессивность» среднее значение изменилось с 0,85 до 0,51, снижение составило 0,34; «Тревожность» среднее значение изменилось с 0,73 до 0,57, снижение составило 0,16; «Фобичность» среднее значение изменилось с 0,54 до 0,31, снижение составило 0,23. В перечисленных показателях у ЭГ произошли достоверные изменения.

Также важно заметить уменьшение следующих показателей: межличностная сензитивность, агрессивность, параноидное мышление и психотизм в ЭГ, в сравнении с КГ ($p \geq 0,05$). По шкале «Межличностная сензитивность» среднее значение изменилось с 1,10 до 0,94, снижение составило 0,16; «Агрессивность» среднее значение изменилось с 0,51 до 0,50, снижение составило 0,01; «Параноидное мышление» среднее значение изменилось с 0,65 до 0,63, снижение составило 0,02; «Психотизм» среднее значение изменилось с 0,43 до 0,42, снижение составило 0,01.

В таблице 1 приведены показатели психического здоровья гимнасток до и после эксперимента. После проведения педагогического эксперимента обнаружено, что у спортсменок, занимавшихся гимнастикой «Цигун», регистрировалось достоверное улучшение психологического и эмоционального состояния. Согласно результатам изучения динамики вегетативных, психомоторных и эмоциональных показателей психического состояния исследователем В.Ф. Соповым (2010) установлено, что диапазон значений этих показателей – *зона оптимального реагирования*, сужается по мере повышения тренированности и готовности к старту [7].

В нашем случае исследованные показатели: соматизация; obsессивность-компульсивность; межличностная сензитивность; депрессивность; тревожность; агрессивность и враждебность к окружающим; фобичность; параноидальное мышление; психотизм в зоне оптимального реагирования. На уровне достоверности данный факт выявлен при изменении таких показателей, как: соматизация, obsессивность-компульсивность, депрессивность, тревожность и фобичность у спортсменок в ЭГ по сравнению с КГ ($p \leq 0,05$).

Как считает А.А. Русаков (2013): «... основным результатом реализации системы спортивной подготовки является спортивное достижение, уровень которого определяется одаренностью спортсмена, направленностью и эффективностью системы подготовки. Спортивное достижение - это показатель, свидетельствующий о максимальных возможностях спортсмена в художественной

Таблица 1.

Результаты тестирования психоэмоционального состояния гимнасток 11-13 лет до и после эксперимента

Тесты, баллы	Контрольная группа (n=10)		Экспериментальная группа (n=10)	
	До	После	До	После
Соматизация	0,76±0,63	0,74±0,55	0,75±0,51	0,54±0,41*
Обсессивность-компульсивность	1,09±0,55	1,04±0,56	1,08±0,45	0,77±0,32*
Межличностная сенситивность	1,07±0,53	1,02±0,59	1,10±0,44	0,94±0,52
Депрессивность	0,86±0,50	0,84±0,37	0,85±0,47	0,51±0,31*
Тревожность	0,75±0,48	0,72±0,37	0,73±0,57	0,57±0,44*
Агрессивность и враждебность к окружающим	0,52±0,34	0,51±0,21	0,51±0,31	0,50±0,30
Фобичность	0,54±0,25	0,50±0,29	0,54±0,33	0,31±0,23*
Параноидное мышление	0,66±0,36	0,62±0,41	0,65±0,41	0,63±0,26
Психотизм	0,43±0,24	0,44±0,32	0,43±0,32	0,42±0,40

Примечание: *различия статистически достоверны при уровне значимости $p \leq 0,05$ после исследования в экспериментальной группе, n – количество испытуемых

гимнастике на соревновательном этапе» [5].

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно говорить об эффективности применения гимнастики «Цигун» в практике нормализации и улучшения психоэмоционального состояния гимнасток.

Выводы

1. Результаты исследования показали, что применение китайской гимнастики «Цигун» в тренировочном процессе гимнасток положительно влияет на показатели психоэмоционального состояния, т.к. имеют положительную динамику изменения во

всех исследуемых показателях.

2. В результате внедрения в тренировочный процесс соревновательного периода 9-ти упражнений гимнастики «Цигун» произошло достоверное изменение таких показателей, как соматизация, обсессивность-компульсивность, депрессивность, тревожность и фобичность в ЭГ по сравнению с КГ при $p \leq 0,05$.
3. В результате участия в соревнованиях спортсменки ЭГ показали высокие результаты, т.е. 3 спортсменки заняли призовые места из принявших участие в эксперименте, в то время как в КГ призеры отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алеева К.Р., Савиных Л.Е. Влияние нетрадиционной гимнастики на психоэмоциональное состояние занимающихся художественной гимнастикой / К.Р. Алеева, Л.Е. Савиных // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции / Нижневартовск: изд-во НВГУ, 2022. – С. 291-297
2. Архипова, Ю.А. Методика базовой подготовки гимнасток в упражнениях с предметами: метод. Рекомендации / Ю.А. Архипова, Л.А. Карпенко. – СПб.: Гос. акад. физ. культуры им. П.Ф. Лесгафта. 2001. – 24 с.
3. Крамида, И.Е. Цигун-тренинг как фактор динамики возможности исцеления студентов, имеющих различные заболевания / И.Е. Крамида // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2016. – С. 278-282.
4. Русаков, А.А. Основы теории спорта [Текст] : учебное пособие/ Изд-во Восточно-Сибирская государственная академия образования Иркут. Гос. Пед. ун-та, 2013. – 142 с.
5. Солов В.Ф. «Теория и методика психологической подготовки в современном спорте». –М.: Академия, 2010. – 115с.

© Савиных Лидия Егоровна (sle57@mail.ru), Булгакова Оксана Владимировна (bulgakova_oksana_1973@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

SOME ASPECTS OF THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SCIENTIFIC CREATIVITY

**V. Bushueva
E. Grishnova
O. Laminina**

Summary: The relevance of the study of scientific creativity is substantiated. The main provisions in scientific activity are highlighted. Difficulties in the study are analyzed and identified. It is noted that the emergence of new discoveries in science depends on three main factors: on the general level of development of science, on social conditions, social needs, the need for their appearance, and the creative personality of a scientist is of particular importance. The main characteristics of the scientist's creative personality are considered. The necessity of a specific historical approach, social order in evaluating the results of scientific creativity on the examples of premature and belated discoveries in science is emphasized. This is a certain novelty of this work. Finally, conclusions and recommendations are presented.

Keywords: scientific creativity, personality of a scientist, main features of a creative personality, concrete historical approach, social order, premature, simultaneous and belated discoveries, their significance.

Бушуева Валентина Викторовна

кандидат философских наук, доцент, Национальный
исследовательский университет Московский
государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
vbysh2008@rambler.ru

Гришнова Елена Евгеньевна

доктор политических наук, профессор, Национальный
исследовательский университет Московский
государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
grishnovaiip@yandex.ru

Ламинина Ольга Глебовна

кандидат философских наук, доцент, Национальный
исследовательский университет Московский
государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
olga.laminina@ngips.ru

Аннотация: Обоснована актуальность исследования научного творчества. Выделены основные положения в научной деятельности. Проанализированы и обозначены трудности в исследовании. Отмечено, что появление новых открытий в науке зависит от трех основных факторов: от общего уровня развития науки, от социальных условий, общественных потребностей, необходимости их появления, и особое значение представляет творческая личность ученого. Рассмотрены основные характеристики творческой личности ученого. Подчеркнута необходимость конкретно исторического подхода, социального заказа при оценке результатов научного творчества на примерах преждевременных и запоздалых открытий в науке. Это является определенной новизной данной работы. В заключение приведены выводы и рекомендации.

Ключевые слова: научное творчество, личность ученого, основные черты творческой личности, конкретно-исторический подход, социальный заказ, преждевременные, одновременные и запоздалые открытия, их значимость.

В древности существовало множество мифов о сверхъестественной природе творчества. Истоки творчества искали в божественном промысле, в Боге, «Талант – искра божия» [1]. Эта тенденция в определенной степени сохранилась и в XIX в., когда появилось понятие научного творчества, которое исследовать еще было сложно [2]. Дело в том, что изменчивость, противоречивость, загадочность, роль случайных факторов и т.д. осложняли его исследование. Процесс творчества необратим. Можно повторить результат, но не сам процесс. Существуют и другие моменты, затрудняющие реконструкцию творческих актов. Далее, по признаниям современников, многие талантливые ученые были людьми как бы «не от мира сего». И действительно, трудно было объяснить множество значительных достижений. На-

пример, будущий немецкий математик Карл Гаусс в 10 лет открыл формулу для суммы арифметической прогрессии. Блез Паскаль, французский математик, философ, физик и писатель, в 12 лет доказал теорему о сумме углов треугольника, а в 17 лет теорему, которая и сегодня называется теоремой Паскаля. И таких примеров можно привести множество.

Не менее популярен был также миф, идущий тоже из античности, о патологичной природе творчества. Этим объясняли нестандартные, необычные черты творческой личности. Подобные представления были обоснованы реальными фактами. Например, Исаак Ньютон страдал приступами нервной болезни, и даже попал в психиатрическую лечебницу, хотя и после несчастного

случая. Ньютон также увлекался алхимией и искал эликсир жизни — универсальное лекарство и гарантию бессмертия. У Блеза Паскаля были частые вспышки конвульсий. Подобных примеров можно еще привести.

Новые попытки отождествления гениальности с безумием появились у З. Фрейда. Он считал творчество разновидностью невроза. В современной литературе и не только в медицинской также широко распространена точка зрения о связи между творческой деятельностью и психологическими расстройствами. Например, итальянский психиатр Чезаре Ломброзо (1835-1909) на конкретных примерах значительного количества творческих личностей доказывает эту связь [3].

Сегодня связь между творческой деятельностью и отклонениями от психической нормы исследует значительное количество ученых, в том числе и в отечественной литературе. И набор отклонений весьма велик. Например, биографы М. Лермонтова считают, что поэт страдал одной из форм психических отклонений, которую унаследовал по материнской линии [4]. Можно привести множество и других примеров из различных сфер деятельности (Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, М.А. Горький, Эдгар Аллан По, Винсент Ван Гог, Эрнест Хэмингуэй, Людвиг Ван Бетховен, Исаак Ньютон, Альберт Эйнштейн и др.).

В настоящее время также существует точка зрения о том, что талант влияет на человеческую психику, и приводится множество примеров о связи гениальности с теми или иными психическими отклонениями. Но здесь следует отметить, что, во-первых, это касается не всех творческих личностей, и, во-вторых, различные психические отклонения наблюдаются у значительного количества людей, которые далеки от творческой деятельности и их почему-то не учитывают.

Итак, философский анализ данных положений позволяет сделать следующий вывод, «что ничто человеческое не чуждо» творческой личности и это вполне реальная ситуация.

В настоящее время в отечественной, а также в зарубежной литературе [5] большое внимание уделяют анализу основных характеристик, которые свойственны творческой личности. На основе этого определен даже «идеал» творческой личности. Важной характеристикой является настойчивость, упорство в достижении цели. И здесь уместно привести хрестоматийный девиз Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил». И действительно, как показывает практика, множество талантливых личностей приходят, даже стараются увидеть и на этом останавливаются, то есть победить уже не могут, не хватает упорства, настойчивости. И в этом плане в зарубежной практике при анализе творческой личности, ее деятельности главное внимание уделяют именно этим момен-

там, или как их называют - мотивация [6]. Другими словами, творческих способностей еще недостаточно для поиска идей и решений, если индивид имеет слабую мотивацию. В таком случае он не способен выдержать напряжение, которое возникает в сковывающих условиях при поиске решений, и поэтому не даст значимых результатов. Другое дело, индивид с сильной мотивацией, как правило, инициативен, сталкиваясь с определенными трудностями, препятствиями устойчив к ним и дает значительные результаты оптимального, творческого решения той или иной проблемы. Таким образом, в зарубежной практике особое значение придают индивидам с наибольшей мотивацией к творчеству.

Не останавливаясь на анализе других характеристик творческой личности, их значительное множество, да их и невозможно перечислить, следует учесть, что каждый ученый индивидуально подходит к поиску и решению проблемы. Другими словами, творческий процесс индивидуален, и это обусловлено целостностью личности. Далее, как показывает история науки, техники, значительное количество открытий в науке, изобретений в технике осуществлялось личностями, которые далеки от так называемого «идеала» Человека всегда тянуло властвовать над природой: познавать ее законы [7]. Это говорит о том, что облик творческой личности многообразен. И важным моментом является именно единство, взаимодействие, взаимосвязь тех или иных личностных характеристик. Это самый трудный вопрос при исследовании творчества.

Значение творческой личности в развитии науки достаточно велико. С деятельностью творческих личностей связано появление преждевременных открытий, например, Пифагор, Архимед, Леонардо да Винчи и др. Их открытия, изобретения опережали столетия и даже тысячелетия.

Следует отметить, что творческий процесс, результаты творческой деятельности, как показывает история развития науки, в различные исторические эпохи имеют свои особенности и закономерности. Но определяющим для появления новых научных достижений на любом историческом уровне развития науки является ее общий уровень развития, что является необходимым и объективным условием. Но здесь следует добавить, что это не всегда бывает достаточно. Необходимо еще и социальный заказ, социальные условия для разработки новых научных достижений. Другими словами, как показывает история развития науки и техники, кроме общего уровня развития науки и техники для тех или иных открытий, изобретений необходимы и социальные условия, которые направляют их разработку [8]. И здесь можно привести известное высказывание, что если у общества появляется научная или техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десятки университетов.

Итак, социальный заказ значительно ускоряет, активизирует процесс развития и появления нововведений, возникают качественные скачки в развитии и появлении новых и значительных результатов, как в науке, так и в других сферах деятельности, особенно это очевидно в военный период, относительно военных разработок. Взаимодействие социальных условий и объективного хода развития науки и техники позволяет объяснить также наличие открытий в науке и изобретений в технике, которые появились одновременно, причем в различных странах. Например, неевклидова геометрия была построена одновременно тремя математиками: русским Николаем Лобачевским, немцем Карлом Гауссом и венгром Яношем Бolyai [9]. На основе собственных независимых исследований практически одновременно обнародовали свои идеи об эволюции английские естествоиспытатели Чарльз Дарвин и Альфред Уоллес. Специальная теория относительности была разработана одновременно немецким физиком Альбертом Эйнштейном и французским математиком Анри Пуанкаре. Далее, многие законы носят двойное название (закон Бойля-Мариотта, Ломоносова-Лавуазье и др.). Другими словами, ученый, исследователь может реализовать свои достижения в науке только тогда, когда общество готово поддержать его.

Отсутствие социального заказа значительно тормозит осуществление и внедрение тех или иных научных достижений, причем даже тех, которые уже подготовлены общим уровнем развития. Социальные условия, социальный заказ оказывает также влияние и на определение значимости тех или иных достижений. Как известно из истории развития науки и техники, многие достижения науки и техники были открыты и разработаны, но не были оценены и приняты современниками. Например, законы наследственности Г. Менделя были приняты и забыты, и лишь впоследствии заново открыты в 1900г. Такой подход относится и к геометрии Лобачевского, периодической системе Менделеева и многим другим изобретениям и открытиям.

Но здесь необходимо отметить, что если в науке законы не различаются независимо от автора, то есть одинаковые, так как они отражают объективные законы природы, и этим объясняются одновременные, одинаковые открытия, то в технике нет одинаковых изобретений, они

все различаются, а общим является только принцип действия технической системы. И этот одинаковый принцип действия связан с использованием в технической системе того или иного закона науки, а различия (габариты, материал и др.) с индивидуальными подходами к разработке. В техническом творчестве это вполне реальная ситуация.

Итак, наличие результатов научной деятельности, научного творчества определяется следующими факторами: творческая личность, определенный уровень развития науки и социальные условия, социальный заказ. Но здесь следует отметить, что по этому вопросу и по сей день существует множество различных точек зрения относительно научного творчества. Например, недостаточно учитывают значение социальных факторов, или, наоборот, направление и содержание творческой деятельности связывают только с социально-экономическими факторами. Разумеется, на наш взгляд, нельзя рассматривать творчество с позиции данных концепций.

Итак, в заключение следует отметить, что научное творчество является определяющим почти на всех этапах развития общества и представляет основу современной цивилизации. В настоящее время проблема научного творчества занимает центральное место в исследованиях философов, психологов, социологов, представителей естественнонаучных и технических областей. Далее, философский анализ значения трех основных составляющих условий, необходимых для научно-технического прогресса: общий уровень развития науки и техники, социальные условия, творческой личности ученого, изобретателя имеет конкретно-исторический характер. Единство, взаимодействие выше рассмотренных трех факторов определяет появление тех или иных научных открытий. И особое значение здесь представляет творческая личность ученого, изобретателя. Этому вопросу уделяется существенное внимание как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

В качестве рекомендаций авторы предлагают следующие положения. В научном творчестве необходимо использовать методы активизации как отечественные, так и зарубежные, реализовать их синтез. Разработать и внедрить в практику коллективные методы научного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубина И.Н. Пути мистифицирования творчества. [Электронный ресурс]. URL: www.philosophy1.narod.ru/www/html/library/dubina/myth.html. (дата обращения: 25.03.2023).
2. Мачехин А.Е. В поисках смысла. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. - 912 с.
3. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. - М.: РИПОЛ классик, 2009, 397 с.
4. Шувалов А.В. Великий потомок Лермонтова [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2019/02/28/630> (дата обращения: 08.02.2023).
5. Boirel Rene. Theorie generale de l'invention. Paris: Presses universitaires de France, 1961.- 408 p.

6. Aznar Gi. La creativite dans l'entreprise. Paris: Editions d'Organisation, 1971. 185 p.
7. Виноградова Т.Р. Мужчины, изменившие мир. - М.: АСТ, 2015.- 352 с.
8. Потапцев И.С., Бушуева В.В., Бушуев Н.Н. Анализ основных факторов, определяющих появление открытий и изобретений в науке и технике // Наука и образование: научно-техническое издание, 2014, № 4, с. 398-415. URL: <http://engineering-science.ru/doc/704879.html> (дата обращения: 25.03.2023).
9. Адамар Ж. Исследование процесса изобретения в области математики. - М.: МЦНМО, 2001.- 128 с.

© Бушуева Валентина Викторовна (vbysh2008@rambler.ru), Гришнова Елена Евгеньевна (grishnovaiir@yandex.ru),
Ламинина Ольга Глебовна (olga.laminina@ngips.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский университет
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ковалева Марина Валерьевна

к.ф.н., доцент, Курская академия государственной и
муниципальной службы, Россия, г. Курск
kmv-46@yandex.ru

Орлова Елена Михайловна

к.ф.н., доцент, Курская академия государственной и
муниципальной службы, Россия, г. Курск
family.orlova@yandex.ru

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE CULTURE OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS

**M. Kovaleva
E. Orlova**

Summary: The transformation of the culture of marriage and family relations is a multifaceted problem of the entire postmodern social life, which is characterized by the erosion of ideological and value orientations, the loss of ideals, patterns and standards of behavior. Therefore, at the beginning of the 21st century, there is increasing concern in society about the negative trends of family transformation. The family plays the role of a kind of barometer that subtly reacts to changes in the economy, society and culture. In the modern world, it is important to consider family problems not only from the standpoint of fixing the appearance of problem families, increasing the number of divorces, but also in close connection with the values and ideals that contribute to the family performing its functions in society. Therefore, for cultural and philosophical analysis, it is important to consider both the causes of the transformation of the culture of marriage and family relations, and the content of this process.

Keywords: cultural phenomenon, marital and family relations, ideology, value orientations, cultural sphere.

Аннотация: Трансформация культуры брачно-семейных отношений – многогранная проблема всей общественной жизни постмодерна, для которого характерно размывание мировоззренческих и ценностных ориентиров, утрата идеалов, образцов и стандартов поведения. Поэтому в начале 21 века увеличивается обеспокоенность в обществе по поводу негативных тенденций трансформации семьи. Семья играет роль своеобразного барометра, который тонко реагирует на изменения в экономике, социуме и культуре. В современном мире проблемы семьи важно рассматривать не только с позиций фиксации появления проблемных семей, увеличения численности разводов, но и в тесной связи с ценностями и идеалами, которые способствуют выполнению семьей своих функций в обществе. Поэтому для культурофилософского анализа актуальным является рассмотрение как причин трансформации культуры брачно-семейных отношений, так и содержания этого процесса.

Ключевые слова: феномен культуры, брачно-семейные отношения, идеологичность, ценностные ориентации, культуросфера.

Вывявление и обозначение феномена культуры брачно-семейных отношений – задача невероятной сложности, предполагающая, прежде всего, генерацию её дефиниции, установления сущностных характеристик, структурных элементов, функционального предназначения, осмысление и обобщение конкретно-исторического содержательного материала, поиск её пределов, границ и различных типов. Понятие «культура брачно-семейных отношений», с позиций философии, может рассматриваться как своего рода «идеальный тип». Определения таких понятий находятся между номинальными дефинициями (определениями-предписаниями того, «как должно быть») и реальными дефинициями (определениями-описаниями того, «как есть»). Это предполагает проведение философской интерпретации содержания понятия «культура брачно-семейных отношений» в рамках конкретной исторической эпохи – эпохи постмодерна.

Вопросы культурной основы брачно-семейных отношений рассматривали почти все ведущие исследователи семьи (А.И. Антонов, И.В. Бестужев-Лада, С.И. Голод,

В.Т. Лисовский, А.Г. Харчев и многие другие [1]. Они исключительно редко обращались непосредственно к выявлению сущности понятия «культура брачно-семейных отношений», так как это не входило в задачи проводимых ими исследований.

Например, с фактом создания семьи и рождением детей культура брачно-семейных отношений соотносена у А.И. Антонова [1, с.187]. С позиций взаимоотношений всех членов семьи, в том числе межпоколенческих, анализировал культуру брачно-семейных отношений И.В. Бестужев-Лада [4, с.201]. С.И. Голод полагал, что постоянство семьи обуславливается качеством культуры брачно-семейных отношений, высокий уровень которой делает выход из семейных кризисов гораздо менее травмирующим [7, с.57-62]. А.Г. Харчев в активном функционировании семьи видел не только связь семьи с обществом, но и реализацию культурного потенциала каждого из супругов [22, с.137].

Отметим, что культура брачно-семейных отношений в качестве компонента этики семьи анализировалась

во многих педагогических исследованиях семьи. И при рассмотрении культуры брачно-семейных отношений акцент ставился на её воспитательном потенциале, то есть культура априори подавалась как основа доброго нравственного поведения, как подготовка к браку и семейной жизни. Иными словами, до вступления в брак рекомендовалось освоить основы культуры брачно-семейных отношений, характерных для данного общества.

В XXI веке проблематика культуры брачно-семейных отношений актуализировалась в научно-исследовательской практике. Были предложены развёрнутые и научно обоснованные определения данного феномена. Как в широком, так и узком смысле слова трактовку термина «культура брачно-семейных отношений» можно обнаружить у Л.М. Панковой [17, с.223]. В узком смысле культура брачно-семейных отношений определяется как семейные ценности, правила и нормы поведения индивида в семье, которые обуславливают стиль общения членов семьи, обеспечивающий наилучшее функционирование семьи, она подобна этикету, которого необходимо держаться на протяжении всей семейной жизни. В более широком понимании культура брачно-семейных отношений – это достигнутый уровень исторического развития части культуры общества, принятый на определённом историческом этапе способ социокультурного воспроизводства человеческой жизни посредством института семьи и брака.

Сама Л.М. Панкова приходит к выводу, что *«культура брачно-семейных отношений следует трактовать как меру очеловечения всей совокупности семейных отношений, включая в себя не только супружеские, но и детско-родительские отношения, совокупно все родственные и генерационные взаимоотношения в целом в семье, на основе выработки, развития и усвоения единых интеллектуальных, моральных и этических ценностей»* [22, с.247]. То есть она определяет культуру брачно-семейных отношений предельно широко как процесс придания брачно-семейным отношениям человеческого измерения.

А.Р. Шавалеева предлагает рассматривать культуру брачно-семейных отношений несколько уже, а конкретно *«как системную совокупность психологических, социальных, культурных и экономических взаимосвязей, определяющих направленность отношений между членами семьи в условиях реализации их общественных и индивидуальных потребностей»* [23, с.138]. Но в этом определении, как легко заметить, в качестве родового понятия выступает не культура, а системная совокупность взаимосвязей. А это не вполне обосновано применительно к исследуемому культурному феномену.

Анализ ценностно-нормативных основ семьи выводит исследователей на понятие *культуры семьи (семей-*

ной культуры), которое связано с образованностью и духовностью её членов. В частности, Б.С. Павлов полагает, что в рамках семейных отношений происходит постоянный процесс производства, сохранения, трансляции, а периодически и создания культурных ценностей [15, с.7]. Для семейной культуры характерен непосредственный способ трансляции ценностей и норм: из уст в уста в ближайшем круге общения. В семье подобным образом формируется свой собственный спектр норм и ценностей, который в будущем будет передаваться новому поколению, оказывая воздействие на их взгляды и убеждения. Представляется, что культура брачно-семейных отношений намного больше по объёму, чем культура семьи, и предстаёт как часть общественного сознания.

Неоспоримым можно считать и суждение о том, что сексуальная культура – это часть культуры брачно-семейных отношений. В таком виде её рассматривали К.К. Баздырев, Э. Гидденс, И.С. Кон и некоторые другие авторы [3, с.28]. Наиболее узкую трактовку данному понятию даёт К. Имелинский, который рассматривает сексуальную культуру как некую компетентность, то есть знания, навыки и умения, касающиеся *«совершения самого полового акта и всего комплекса общения с партнером для того, чтобы и ему, и себе обеспечить максимальное сексуальное удовлетворение»* [10, с.21-35]. И.С. Кон в более широком смысле трактует сексуальную культуру как отношение к сексуальности, сексуально-эротические ценности и соответствующие формы поведения. Причём сексуальную культуру допустимо классифицировать на антисексуальную (репрессивную) и просексуальную (терпимую) [13, с.282]. Первая подразумевает ограничение половой жизни браком и жёсткое разделение мужских и женских ролей; вторая одобряет сексуальность и эротизм, свободное рассмотрение сексуальных вопросов.

Отметим также подход, акцентированный на сексуальной активности человека в интерпретации понятия «сексуальная культура» как составной части общей культуры человека. При таких обстоятельствах, по мысли Е.А. Кашенко, *«сексуальная культура есть часть общей культуры, способ утверждения в социокультурном окружении посредством полового поведения, направленного на продолжение рода, удовлетворение биосоциальных потребностей, гедонистических, нравственных, эстетических интересов, познавательных, коммуникативных, компенсаторных, созидательных запросов»* [12, с.76-83]. Здесь суть сексуальной культуры ограничивается отношениями между женщиной и мужчиной по вопросам продолжения человеческого рода, а в этом ракурсе её необходимо рассматривать как необходимую составляющую культуры брачно-семейных отношений. Хотя и следует признать, что поскольку часть сексуальных отношений между мужчиной и женщиной выходит за рамки брачно-семейных отношений, то данные понятия являются пересекающимися.

Таким образом, все вышеобозначенные исследования чрезвычайно интересны, но их общей чертой является то, что постоянно рассматривается только один определённый аспект культуры брачно-семейных отношений.

Ещё одно методологическое начало осмысления культуры брачно-семейных отношений можно найти при анализе таких российских традиций исследований культуры, в рамках которых сформировался деятельностный и нормативный подход к исследованию данного феномена.

В деятельностном подходе под «культурой» подразумевают совокупность артефактов, что порождены творчеством человека и созданы благодаря его труду, то есть все материальные и духовные блага, сотворённые индивидом. Культура в этом случае есть результат предыдущей деятельности индивида, являющий собой сложную иерархию существенных для конкретного человека духовных и материальных организаций.

Деятельностный подход достаточно распространён в отечественной культурологии и философии культуры [9, с.68-83]. В соответствии с данной научной точкой зрения, в основе бытия индивида лежит целенаправленная, орудийная и продуктивная деятельность. Отечественный исследователь Д.М. Угринович сформулировал сущность данного подхода, определив культуру как «совокупность способов и приёмов человеческой деятельности (как материальной, так и духовной), объективированных в предметных, материальных носителях и передаваемых с помощью этих носителей новым поколениям» [21, с.13]. Определённая несостоятельность данного подхода связана с тем, что из понятия «культура» исключается деятельное начало, мысль в основном сосредоточивается не на самой деятельности человека как определяющей силе формирования культуры, а на конечных результатах этой деятельности.

Поэтому деятельностный подход, в свою очередь, распадается на ряд направлений – деятельностно-преобразующее и деятельностно-адаптивное. Первое из них – деятельностно-преобразующее – рассматривает культуру как процесс творческой деятельности человека и личностного становления. Например, согласно воззрениям В.А. Сластинина, «культура – это всегда творчество со всеми характеристиками творческого акта, она всегда рассчитана на адресата, на диалог, а «усвоение» её есть процесс личностного открытия, создания мира культуры в себе, сопереживания и сотворчества» [18, с.329-330]. Эволюция культуры здесь совпадает с развитием человеческой личности. Тут культура выступает как «процесс воспроизводства и развития духовных качеств человека в ряду сменяющих друг друга поколений, протекающий на основе экономических и полити-

ческих отношений общества» [20, с.31]. Данный подход объединяет в себе два важных начала – творческое и личностное.

Второе направление – деятельностно-адаптивное – подходит к определению культуры как универсальному атрибуту общественной жизни. Например, согласно В.С. Степину, культура отражает систему исторически формирующихся надбиологических программ человеческого поведения, коммуникаций и деятельности, обеспечивающих воспроизводство общественного бытия во всех его существенных проявлениях. «Культура хранит и транслирует исторически сложившиеся программы социальной жизни (накопленный социальный опыт), а также генерирует новые программы как результат человеческого творчества» [19, с.182].

Известный философ культуры Э.С. Маркарян определяет культуру как особенный адаптивный механизм общества, «специфический способ человеческой деятельности, универсальный способ технологии её осуществления. С этой точки зрения, культура предстаёт как надбиологически выработанный регулятивный жизнеобеспечивающий и воспроизводящий механизм этой деятельности» [16, с.78-96]. Культура может быть осознана как единство адаптивных механизмов и носитель моделей этих механизмов, востребованных социумом в определённых социокультурных условиях. При этом культура понимается как «функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя явно выраженные механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях, способствующие как адаптации своих членов к внешнему – природному и культурно-политическому окружению, так и приспособлению внешней реальности к своим нуждам и потребностям» [6, с.18-21]. Культура анализируется как система вне биологически сформированных инструментов, посредством которых стимулируется, предугадывается и осуществляется деятельность людей в социуме.

В качестве ещё одного подхода отечественных исследователей следует рассмотреть нормативную теорию культуры А.Я. Флиера. В рамках данной теории культура предстаёт как программа регламентации поведения и мышления индивида, которая детерминирует жизнедеятельность человека. «Культура – это продукт наших договорённостей о допустимых нормах совместного общежития» [24, с.21]. Культура есть выражение лояльности и может быть понята и как нормированная несвобода человека. Социально-регулятивная эффективность культуры воплощена в её нормативности. Будущее человечества в культуре и её рациональном построении. «Сама же культура насквозь идеологична, представляя собой конвенциональную совокупность наиболее распространённых в сообществе взглядов, оценок, ценностных ориентаций, идеалов, эталонных образов и т.п.» [24, с.22].

По нашему мнению, определению конструктивного момента понятия культуры брачно-семейных отношений будет способствовать именно синтетическое соединение деятельностного и нормативного подходов к дефиниции культуры. В данном случае культура брачно-семейных отношений выступает в виде опыта

создания и постижения знаний, ценностей и норм поведения в области брачно-семейных отношений. Итог обретения подобного опыта – это формирование культуросферы семьи, как совокупность убеждений, ценностных ориентаций и практик в области брачно-семейных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000.
2. Баздырев К.К. Простое уравнение: муж+жена = семья. М.: Статистика, 1981.
3. Баздырев К.К. Секс и революции. Россия: XX XXI век: (Демогр. анализ сферы подсознания): Введ. в проблему. М.: Диалог-МГУ, 2000.
4. Бестужев-Лада И.В. Ступени к семейному счастью. М.: Мысль, 1988.
5. Бестужев-Лада И.В. Семья вчера, сегодня, завтра... М.: Знание, 1979.
6. Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 18-21.
7. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука: Ленингр. отд, 1984.
8. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
9. Гуревич П.С. Культурология и философия культуры // Личность. Культура. Общество. 2004. № 3. С. 68-83;
10. Имелинский К. Психогигиена половой жизни. М.: Медицина, 1972.
11. Каган М.С. Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974.
12. Кащенко Е.А. Сексуальная культура // Философские науки. 2010. № 4. С. 76-83.
13. Кон И.С. Сексология: учеб. пособие. М.: Academia, 2004.
14. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989.
15. Культура семьи как объект социологического исследования. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1980.
16. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78-96.;
17. Панкова Л.М. Человек и семья (Философский анализ формирования культуры брачно-семейных отношений): Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. СПб, 2003.
18. Слостенин В.А. Формирование социально активной личности учителя. М.: Издательский Дом Магистр Пресс, 2000.
19. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992,
20. Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976.
21. Угринович Д.М. Культура и религия // «Вопросы научного атеизма». Вып.30. М., 1982.
22. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и её проблемы: [Социал.-демогр. исслед.]. Ереван: Айастан, 1982.
23. Шавалеева А.Р. Формирование культуры брачно-семейных отношений в условиях деятельности социально-культурных учреждений: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. Казань, 2017.
24. Флиер А.Я. Философский аспект нормативной теории культуры, изложенный в тезисной форме // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 5 (79).

© Ковалева Марина Валерьевна (kmv-46@yandex.ru), Орлова Елена Михайловна (family.orlova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ МУЖСКОГО ГЕНДЕРНОГО РЕЖИМА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

REPRESENTATION OF A WOMAN'S SOCIAL STATUS IN THE CONTEXT OF THE MALE GENDER REGIME: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

I. Malimonov
I. Sinkovskaya
L. Korol
D. Rakhinsky
Ju. Shepeleva

Summary: The purpose of this work is a philosophical understanding of the changes in the social status of women in various historical periods in relation to the masculine (male) gender regime. Based on the analysis of the views of ancient philosophers, philosophers of the Middle Ages, Renaissance and Modern times, the conclusion is made about the dominance of the idea of the priority of men in relation to women in social relations. The formation of women's gender equality is considered as a dynamic process reflecting the multifaceted changes in socio-economic social relations of the second half of the XIX century.

Keywords: egalitarianization, gender roles, social control, masculine dominance, socio-economic formations, gender regime, monogamous family.

Малимонов Игорь Васильевич

старший преподаватель, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск);
доцент, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск)
igonet70@mail.com

Синьковская Ирина Георгиевна

кандидат социологических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск);
доцент, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)
iranet.75@mail.ru

Король Людмила Геннадьевна

кандидат биологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск);
доцент, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого
kinghouse@yandex.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, профессор, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого;
профессор, Красноярский государственный аграрный университет
siridar@mail.ru

Шепелева Юлия Сергеевна

старший преподаватель, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого
lady-bomg@yandex.ru

Аннотация: Целью данной работы является философское осмысление изменений социального статуса женщины в различные исторические периоды во взаимосвязи с маскулинным (мужским) гендерным режимом. На основании анализа взглядов античных философов, философов эпохи Средневековья, Возрождения и Нового времени сделан вывод о доминировании идеи приоритета мужчин по отношению к женщинам в социальных отношениях. Формирование гендерного равенства женщины рассматривается как динамический процесс, отражающий многоплановые изменения в социально-экономических общественных отношениях второй половины XIX века.

Ключевые слова: эгалитаризация, гендерные роли, социальный контроль, маскулинное доминирование, общественно-экономические формации, гендерный режим, моногамная семья.

Проблема формирования эгалитарного статуса современной женщины является одной из самых значимых в социально-гуманитарных науках. Имидж

современной женщины, представленный в массовом сознании, содержит важное противоречие. С одной стороны, сегодня женщины занимают достойное место в

системе социально-экономических отношений и многие профессии, ранее считавшиеся чисто мужскими, в современном мире стали женскими. Мы можем наблюдать активные и успешные действия женщин в различных отраслях (политика, финансовый рынок, сфера услуг, система образования и воспитания и др.). Сейчас мы можем и должны признать тот факт, что знакомая всем классическая семья, семья, где роли супругов были поделены на сугубо мужские и сугубо женские, исчезает. Как уже ранее отмечали авторы: «Современные экономические условия, выраженные в преобладании умственного труда над физическим, позволили женщине превратиться из кухарки и прачки в конкурентоспособную единицу на рынке занятости и заставили пересмотреть обычное распределение труда между полами» [1, с. 629]. И сейчас: «наверное, тяжело узнать в современных принятых формах отношений мужчины и женщины... всем нам привычную семью, происходящие социокультурные трансформации отражаются на семье, как социальном институте в целом, так и на отношениях внутри каждой отдельной семьи» [2, с. 126].

Однако современное общество, быстро впитывая экономические преобразования, тем не менее, не исключает временной лаг в социокультурной сфере, сильно отличающееся серьезными изменениями как в морально-этическом, так и в культурном субстрате [3, с. 199]. И образ современной женщины всё ещё содержит ряд традиционных, исконно признанных женских характеристик: беззащитность, слабость, зависимость, нерешительность, пассивность, готовность к подчинению. Данная проблема находит отражение во всех сферах жизнедеятельности человека: экономика, политика, культура, наука, медицина, образование и др. Подтверждением этому является множество как документальных, так и художественных источников информации (картины, рукописи, книги), на основании которых мы можем утверждать, что все отношения между мужчиной и женщиной развивались на основе диалектических законов (базис-надстройка), формируя соответствующую систему отношений «господин-слуга». Сложившаяся иерархия отношений, обозначаемая через гендерный режим (набор правил и норм, создающий устойчивые ожидания относительно гендерных отношений и присваивающий определенные права и обязанности мужчинами женщинам) [4, с. 255] формировалась под влиянием объективных социально-экономических процессов и выступала важным условием распределения обязанностей в социально-экономических формациях. Так с распадом первобытнообщинного строя и появлением института частной собственности произошло важнейшее переформатирование содержания распределения гендерных ролей. Его результатом стало усиление значения социальной роли мужчины.

Дальнейшая регуляция сложившейся системы отношений происходила путём усиления или ослабления социального контроля, который идеологически оформлялся

через легитимизацию маскулинного (мужского) доминирования. Такая легитимизация, изначально опиралась на физическую силу мужчины, а впоследствии оформилась в практиках экономической и социокультурной зависимости женщины, закрепившись в нормативных общественных системах. Так, в определённый период в целом ряде культур получили распространение явления, отражающие господство мужчины над женщиной: сати (практика самосожжения (добровольное или вынужденное) вдовы на погребальном костре мужа), женский инфантицид (практика убийства младенцев женского пола), кувада (практика обрядовой имитации мужчиной женских родов). В частности, последняя практика была основана на искажении, подмене истинно «природных, естественных» женских функций (способность к деторождению) «социально-мужскими» (создающими паттерн «социального» рождения ребёнка мужчиной) и ориентированными на утверждение доминирования мужчин и который идеологически и культурно сконструирован.

Практика мужского доминирования получила своё распространение не только в житейско-бытовой сфере, но и легла в основу системы научного мировоззрения. Идея превосходства мужчины над женщиной проходит «красной нитью» в работах величайших философов разных эпох. Являясь типичными представителями класса «господ», они пропагандировали и транслировали данную идею в научном мире. Таким образом, развитие философии в разные исторические периоды отражало, фиксировало изменения гендерного статуса под влиянием доминирующих социально-экономических факторов. При этом, данное отражение содержало отпечатки субъективизма мужчин-философов, в зависимости от его личного жизненного опыта, либо некоей определённой выгоды от транслируемой идеи. И если в рассмотрении других проблем философ мог совладать со своим субъективизмом, высказывая объективное суждение, то по проблеме подчиненности женщины мы, к сожалению, этого не наблюдаем.

Истоки утверждения гендерной зависимости женщины от мужчины можно обнаружить ещё в античной древнегреческой философии, которая стала своеобразным научным базисом для социальных и гуманитарных наук. Прекрасным подтверждением такой зависимости является слова величайшего философа Античности Аристотеля, который в своих работах выводит главный постулат гендерного восприятия социально-подчинённого положения женщины: «Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе, прежде всего, можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над вашими стремлениями – как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подчиненной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотно-

шении. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу (*soterias*). Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всём человечестве» [5, с. 383]. Такие суждения философа являлись следствием устойчивых социальных паттернов, основанных изначально на существующем распределении обязанностей полов, закрепленных в социальных нормах античного мира, чье благосостояние базировалось на эксплуатации рабов. Таким образом, в рассуждениях величайшего мыслителя женщина характеризуется как «получеловек», некое промежуточное звено между мужчиной (человеком) и животным, «некий природный недостаток» [5, с. 84]. По мнению Аристотеля, в своей иерархической структуре социального устройства место женщины ниже мужчин. В продолжении своей идеи он не перестаёт обвинять женщин в неспособности рассуждать, делать рациональные, обоснованные выводы: «Самка является самкой в силу отсутствия определенных качеств. Характер женщины мы должны рассматривать как страдающий от природного изъяна» [6, с. 90]. Так зарождалась научная идеология патриархального гендерного режима.

Аналогичные суждения в своей речи «Против Неэры» выражает афинский оратор Демосфен, вполне чётко (и честно!) характеризуя набор функций женщин различного социального статуса по отношению к мужчине: «Гетер мы имеем ради удовольствия, наложниц для повседневного плотского удовлетворения, а жён для рождения законных детей и для верной охраны домашнего имущества» [7, с. 281].

Репрезентацию гендерного порядка в рассуждениях философов античного времени можно объяснить предписанием общественным процессам мужских (лучших!) или женских (худших!) качеств, что и обосновывало неравенство мужчин и женщин в социальных отношениях. И браком объявлялся союз неких противоположных сущностей (качеств), где каждому были свойственны свои функции и роли: инструментальные (мужские) и экспрессивные (женские).

Сложившаяся в эпоху Античности система отношений к женщине определяет её восприятие и в эпоху Средневековья, при этом традиция дискриминации положения женщины в обществе начинает оправдываться ещё и религиозными догматами. Так, богослов Августин Блаженный писал: «И невозможно сомневаться, согласно естественному порядку мужчины, лучше господствуют над женщинами, чем женщины над мужчинами» [8, с. 16]. А теперь давайте посмеёмся вместе с Эразмом Роттердам-

ским: «Мужчины рождены для дел правления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума, необходимых для поддержания мужского достоинства; по этому случаю мужчина обратился ко мне за наставлением как, впрочем, он поступает всегда, - и я тотчас же подала ему достойный совет: сочетаться браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своей бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума. Недаром Платон колебался, к какому разряду живых существ подобает отнести женщину, - разумных или неразумных, сомнением своим желая указать, что глупость есть неотъемлемое свойство ее пола. Если женщина даже захочет прослыть умной как она ни бейся, окажется вдвойне душой, словно бык, которого, рассудку вопреки, ведут на ристалище, - ибо всякий врожденный порок лишь усугубляется от попыток скрыть его под личиною добродетели. Правильно говорит греческая пословица: обезьяна всегда остается обезьяной, если даже облечется в пурпур; так и женщина вечно будет женщиной, иначе говоря, душой, какую бы маску она на себя ни нацепила» [9, с. 24]. Причинами юмора Э. Роттердамского является «маскировка» недостатков соответствующего ему общества – эпохи Возрождения. Однако, его отношение к женщине сопровождается индифферентностью – оно естественно для него на основании легитимизированного культурой мужского господства.

Продолжая ряд философских воззрений этой эпохи, обратимся к мнению Мишеля Монтеня: «Всем известно, что хороших женщин не так-то много, не по тринадцать на дюжину, а в особенности мало примерных жён. Ведь брак таит в себе столько шипов, что женщине трудно сохранить свою привязанность неизменной в течение долгих лет» [10, с. 643]. Данное мнение органично переплетается с мнением другого выдающегося философа Френсиса Бэкона: «Если жена считает своего мужа мудрым, то она привязывается к нему самыми лучшими узами – узами целомудрия и послушания» и далее: «Тот, у кого есть жена и дети, отдал заложников судьбе, ибо семья является помехой на пути свершения великих предприятий, как добродетельных, так и злонамеренных. Несомненно, что самые лучшие начинания, принесшие наибольшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей» [11, с. 368–369].

Философские идеи в отношении статуса женщины, зародившиеся в эпоху Античности и получившие развитие в Средневековье, мало изменились в Новое время. Так, изучая работы Т. Гоббса, мы по-прежнему видим доминирующее отношение мужчины к женщине: «Семья, не являющаяся частью какого-либо государства, представляет сама по себе в отношении прав верховной власти маленькую монархию независимо от того, состоит ли семья из человека и его детей, или из человека и его слуг, или из человека и его детей и слуг вместе. Во всех этих случаях сувереном является отец или господин» [12, с. 158].

Философ и мыслитель эпохи Просвещения Ж.Ж. Руссо, который, казалось бы, разглядел и понял суть проблемы дискриминации женщины, восклицая: «Ужели мужчина превратит спутницу своей жизни в служанку? Ужели он лишит себя величайшего удовольствия пребывать в обществе благовоспитанной женщины? Ужели, для того чтобы всецело поработить женщину он приучит её ничего не воспринимать и не даст ей никаких познаний? Ужели он превратит её в некий живой автомат? Разумеется, нет!» [13, с. 555]. Однако, всецело – вот это ключевое слово! Добрый, рачительный справедливый хозяин даже может жалеть своих слуг. Но полностью избавиться от хозяйских привычек не может. И что же мы видим дальше: «Поэтому, воспитывая женщин, надобно иметь в виду их взаимоотношения с мужчинами. Нравиться мужчинам, быть им полезной, заслужить их любовь и уважение, воспитывать их в раннем возрасте, ухаживать за ними в зрелости, подавать им советы, утешать, делать им жизнь лёгкой и отрадной – таковы женские обязанности во все времена, и всему этому следует обучать женщин с самого детства» [13, с. 556].

Эти слабые попытки Ж.Ж. Руссо «защитить» женщину и её социальный статус нашли продолжение в работах выдающегося представителя немецкой философии Г. Гегеля: «Согласно варварскому представлению Канта, брак есть взаимное предоставление половых органов, а в придачу и всего тела: или мнение, что можно силой принудить вступить в брак» [14, с. 338]. Вот она обличительная оценка унижающего мужского поведения, данная человеком Нового времени! Но вдруг (а вдруг ли?!), у него же читаем: «Женщины могут быть образованными, но для высших наук, как философия, и для некоторых произведений искусства, требующих всеобщего, они не созданы. Женщины могут обладать остроумием, вкусом, изяществом, но идеальным они не обладают» и далее: «различия между мужчиной и женщиной таково же, как различие между животным и растением: животное больше соответствует характеру мужчины, растение больше – характеру женщины» [15, с. 199]. И здесь гегелевскому «растению» осталось совсем немного до еще одного, но уже вполне современного и знакомого понятия – «овощ», то есть человека, полностью зависящего в своей жизнедеятельности от других, в связи с серьезным нарушением познавательных и регулятивных функций. По-другому данное состояние сегодня называют вегетативным, то есть растительным.

В последующих философских работах середины XIX века демонстрируется схожее мнение по данной проблеме. Так, обращаясь к работам А. Шопенгауэра, мы видим всё ту же позицию мужского превосходства: «... они стоят как одно сомкнутое целое против всего мужского пола, обладающего, благодаря природному превосходству телесных и духовных сил, всеми земными благами» [16, с. 77]. Стереотипно характеризуя личностные качества женщин, А. Шопенгауэр пишет: «Она инстинктивно лука-

ва, но вместе с тем, по неразумению и малой сообразительности, вздорна, капризна, тщеславна, падка на блеск, пышность и мишуру. Женщинам чуждо истинное призвание к музыке, поэзии и вообще к искусству; даже наиболее блестящие представительницы женского пола никогда не создавали чего-либо действительно великого и самобытного в художественной области; еще менее способны они удивить мир ученым творением с непреходящими достоинствами. Объясняется это тем, что женщина всегда и во всем обречена только на опосредственное господство через того мужчину, которым одним она владеет непосредственно... Женщины во всех отношениях – второй, ниже мужчин стоящий слабый пол... По самой природе своей женщины, несомненно, обречены на повиновение; видно это уже из того, что любая из них – стоит ей попасть в независимое положение – добровольно отдается под опеку любовника или духовника, лишь бы только какой-нибудь мужчина властвовал над нею» [17, с. 147].

Еще одним ярким выразителем гендерной теории мужского доминирования в обществе является Л. Фейербах. О позиции женщины в обществе философ высказывается достаточно традиционно: «Женщина представляет плоть, мужчина – дух, т.е. мужчина есть голова, женщина – живот человечества» [18, с. 161]. Телесное различие мужчины и женщины, различие чувств, рассматривается как противопоставление духа и плоти. «Что такое любовь?» – задаёт вопрос Фейербах и отвечает: «Единство мышления и бытия. Бытие – это женщина, мышление – мужчина» [18, с. 178].

Приведённые выше примеры философских взглядов являются лишь малой долей существовавших как в массовом сознании, так и в интеллектуальной среде, представлений о роли и месте женщины в обществе. И здесь мы можем видеть, что даже самые образованные, прогрессивно мыслящие члены общества, к числу которых мы, несомненно, относим философов, демонстрировали (и далеко не всегда!) только отдельные попытки осознания данной проблемы на фоне преобладающего дискриминирующего мужского мышления, вольными или невольными адептами которого они являлись.

Первые существенные изменения по отношению к подчинённому статусу женщины можно наблюдать только со второй половины XIX века. Только в условиях сформированной капиталистической системы стала возможна пока ещё относительная экономико-социальная независимость женщины от мужчины. И ярчайшим примером подобных изменений является осознание исследователями данных проблем взаимосвязи процесса самого возникновения основы семейно-брачных отношений – моногамии с развитием социально-экономических отношений (частной собственности). Так, основоположник материалистического понимания Ф. Энгельс, в своих трудах объясняет победу частной собственности над общественной: «Поскольку

частная собственность концентрировалась, прежде всего, у мужчин, то и моногамная семья – это господство мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима, потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом» [19, с. 65]. Далее А. Бебель, среди характеристик, капиталистической формации, отмечает независимость женщины: «Женщина нового общества в социальном и экономическом отношении совершенно независима... она сама госпожа своей судьбы, она выбирает для своей деятельности такие области, которые соответствуют её желаниям, способностям и задаткам, и при одинаковых условиях она действует так же, как мужчина» [20, с. 43].

Приведённые выше примеры философских взглядов являются лишь малой долей существовавших как в массовом сознании, так и в интеллектуальной среде, представлений о роли и месте женщины в обществе. И как уже отмечалось авторами ранее: «... социальные параметры, на уровне личности вырабатывают стратегии поведения, в основе которых лежит ориентация на ее приспособление и выживание в той социокультурной среде,

в которой она оказалась» [21, с. 208].

Таким образом, можно констатировать, что только со второй половины XIX начался процесс формирования эгалитарного статуса женщин. Но почему же философам различных исторических эпох потребовалось более двух тысяч лет для его принятия? Причиной этого, по всей видимости, является потребность большинства мужчин разных социальных групп (крестьян, рабочих, интеллигентов, политиков, философов) в «женщиновладении». Ведь «женщиновладение» – это самое лёгкое, самое приятное, самое естественное, необходимое, выгодное владение в истории человечества. И здесь, мы можем определить зарождение, развитие и разрушение одного из важнейших заблуждений в истории развития цивилизации, а именно «патриархальной слепоты», которую можно определить как всеобщую модель, где молодые люди подчиняются старшим, женщины – мужчинам; как способ распределения власти в семье, где мужа определяют положение своих жён, на основании своих базовых интересов, игнорирующих иные точки зрения. И это обнаруживает себя в многочисленных репрезентациях понимания семьи в разных странах, разных эпох как доминировании идеологии маскулинной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Malimonov I.V. [et al.]. Global changes of family unit in modern Russia in *Astra Salvensis*. 2018. V. 6. № 12. P. 623–633.
2. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: монография / Айснер Л.Ю. [и др.]. В.6. Зебра, 2021. 293 с.
3. Ionu M.O. Family and the Challenges of the Contemporary Society in *Astra Salvensis*, 2019. no. 2, pp.195–200.
4. Sainsbury D. Gender and welfare state regimes. 1999. p. 293.
5. Аристотель. Политика. М.: Мысль, 1983. 830 с.
6. Аристотель. О возникновении животных. М.: 1940, 252 с.
7. Демосфен. Речи: в 3-х т. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», В 3 т. 1994. Т. 2. 624 с.
8. Августин А. О супружестве и похоти // Трактаты о любви. сб. текстов. М.: РАН, 1994. 187 с.
9. Роттердамский Э. Похвала глупости. М.: 1960. 168 с.
10. Монтень М. Опыты. М.: В 3 кн. ТЕРРА, 1991. Кн.2. 1991. 715 с.
11. Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 592 с.
12. Гоббс Т. Левиафан. Избранные произведения. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
13. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М.: В 3т. Государственное издательство художественной литературы, 1961. Т.1. 852 с.
14. Гегель Г. Иенская реальная философия // Работы разных лет. М.: Изд-во «Мысль», 1970. В 2 томах. Т.1. 668 с.
15. Гегель Г. Философия права. полное собр. соч.: в 14 томах / М.: Соцэкгиз, Т. 7: Философия права. 1934. 384 с.
16. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2012. 256 с.
17. Перцев А.В. Шопенгауэр: жизнь философа и философия жизни / Серия «Мыслители», Выпуск 12. СПб.: 2002. С. 140–159.
18. Фейербах Л. Сочинения. М.: Наука, 1995. 425 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения. Изд-е 2-е. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 28–178.
20. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 302 с.
21. Малимонов И.В. [и др.]. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // СИСП: электронный научный журнал. 2015. № 10. С. 202–219. URL: <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7923> (дата обращения: 03. 02. 2023).

© Малимонов Игорь Васильевич (igonet70@mail.com), Синьковская Ирина Георгиевна (irinet.75@mail.ru),
Король Людмила Геннадьевна (kinghouse@yandex.ru), Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru),
Шепелева Юлия Сергеевна (lady-bomg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОРТИВНАЯ ГЕРОИКА АНТИЧНОСТИ В РАБОТЕ ВУЗОВСКОГО ТРЕНЕРА: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Наркевич-Иодко Маргарита Сергеевна

Доцент, Пензенский государственный аграрный
университет
narkevich.m.s@pgau.ru

SPORTS HEROICS OF ANTIQUITY IN THE WORK OF A UNIVERSITY COACH: AN ETHICAL ASPECT

M. Narkevich-Iodko

Summary: The article is devoted to the actual problem of ethical and moral education at the university. We are talking about the activities of a physical education teacher, a coach. The author believes that the appeal to the examples of the ancient heroics of sports is an important element of patriotic education. Courage, valor, honor, and bravery are traditional virtues and values of lasting importance. It is therefore no coincidence that Russian culture is interested in antiquity. The author also gives negative examples that do not allow idealizing the Olympic Games, comparing them with modern ones.

Keywords: sports ethics, courage, valor, patriotism, heroics of sports, Olympic movement.

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме этического и нравственного воспитания в вузе. Речь идет о деятельности преподавателя физической культуры, тренера. Автор полагает, что обращение к примерам античной героики спорта является важным элементом патриотического воспитания. Мужество, доблесть, честь, отвага – традиционные добродетели и ценности, имеющие непреходящее значение. Неслучайным поэтому является интерес русской культуры к античности. Автор приводит и отрицательные примеры, не позволяющие идеализировать Олимпийские игры, сравнивая их с современными.

Ключевые слова: спортивная этика, мужество, доблесть, патриотизм, героика спорта, олимпийское движение.

Как известно, в отношении Древней Греции и Древнего Рима наблюдался преемственный характер многих культурных ценностей и социальных институтов. Это несомненно и для древнерусского государства. Одновременно мы полагаем вполне определённый параллелизм понятийного, социально-философского и психологического характера, означающий то, что в границах Руси существовали свои, вполне адекватные смыслообразующие структуры, на основе которых только и могло сложиться усвоение, а зачастую параллельное существование некоторых понятийных конструктов. Вот, например, первое, оказавшееся под рукой понятие «философия» – греческое и русское – «любомудрие».

Но, безусловно, освоение многих категорий было облегчено их бытованием в родной им среде греческого или латинского языка. Однако цель данной статьи – не филологические выкладки и изыскания сами по себе, а практическое использование исторических, в данном случае – античных, источников в качестве примеров той спортивной героики античности, что с древних времён вдохновляла всё новые и новые поколения на поиск совершенного пути, на котором в необходимой пропорции сочетались здоровое тело и здоровый дух.

«Эллины, – писал автор XX века, – первые разработали множество всевозможных упражнений для развития и укрепления человеческого тела... Однако физическое воспитание не было единственной заботой

древних греков: идея гармонического развития человека – один из самых надёжных «мостиков», связывающих античную Элладу с нашей современностью» [6, С. 3]. Многие исследователи отмечают наличие двух систем воспитания и обучения молодого поколения, двух парадигм, образов жизни в Древней Греции. Их представляли Афины и Спарта. Здесь нет нужды их подробно описывать, поскольку всё это можно найти и в учебной литературе. Но главное, что этим полисом приходилось управлять буквально «с копьём в руке»: кроме многочисленных внешних врагов были ещё илоты, численно превосходившие «хозяев». «Современники неоднократно сравнивали Спарту с военным лагерем, – подчёркивала в своём исследовании М. Оссовская [3, С. 63].

В связи с тем, что основной и единственный вид деятельности лакедемонянина – военное дело, – ни торговля, ни ремесло не были ему разрешены, то забота о развитии физической силы, выносливости, мужества, стойкости, беспрекословного послушания вышестоящему начальству и других качествах, необходимых на войне, стояла на первом месте. Развивать физическую силу и ловкость, владение копьем и мечом, приёмами борьбы должны были и спартанские женщины. Иное дело – Афины, здесь всё присутствовало как бы смягчённой форме, большое внимание уделялось образованию, значительное место в жизни общества занимала индивидуальность, эстетизм, философичность.

Собственно говоря, редуцируя все детали к единому плану, можно сказать, что именно Афины, афинский уклад жизни и система образования легли в основу европейского уклада, особенно начиная с эпохи Возрождения. Надо ли напоминать и о российском интересе к античности. О нём красноречиво говорят названия некоторых наших южных городов, а присутствие на нашей территории значительных памятников античной культуры свидетельствуют само за себя. Чего стоит, например, один только Херсонес Таврический в Крыму! А великие наши поэты – Пушкин и Лермонтов – впитали в себя элементы античной героики уже с первых шагов классического образования. Вот Пушкин – от Афин до Рима – в стихах «К портрету Чаадаева»: «Он вышней волею небес // Рождён в оковах службы царской; // Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, // А здесь он – офицер гусарский».

Мишель (как называл Лермонтова его троюродный брат, Аким Шан-Гирей) – «был счастливо одарён способностью к искусствам; ... вылепил очень удачно переход через Граник и сражение при Арбеллах, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусом и косами из фольги» [5, С. 35]. Даже отсюда можно получить представление, как увлекали Лермонтова-ребёнка подвиги античных героев.

Одно из понятий, связующих предельное напряжение как на войне, так и в спорте – это доблесть. Некоторые варианты и значения этого слова уже ушли из современного языка, тем более глубокой становится наша благодарность таким хранителям русского слова, как В.И. Даль или М. Фасмер. Вот что сообщает нам об этом слове толковый словарь Даля: «Доблесть ж. – высшее душевное мужество, стойкость, благородство; высокое свойство души, высшая добродетель, великодушие, саможертва... Доблестный, доблий, доблественный, крепкий в добре, сильный и твёрдый в высоких добродетелях, доблестях. Доблественик, мужественный сподвижник добродетели. Добл(е)ствовать, доблестно подвизаться. Добледушие ср. – свойство добледушного, человека доблестной души. Доблемудренный, доблемудрый, соединяющий доблесть с мудростью. Доблемысленный, доблестно мыслящий» [2, С. 442]. Как видим, в родном языке это слово обладало большой этической семантикой.

Этимологический словарь Фасмера даёт для слова «доблесть» в качестве источника старославянского ДОБЛЬ с греческими параллелями. Указано на связь со словом «доба» и «добрый» [4, С. 520].

В древнегреческом *αὐβρετός* означало «мужеский, мужской» или «мужественный, храбрый». *ὑεὐνατός* – благородный (по происхождению или по характеру) [1, Ст. 105-106, 267].

Многие достижения греков в силе, скорости, ловкости

носят военно-спортивный характер. Так, общеизвестная марафонская дистанция – 42 км 195 м связана с подвигом Фидиппида, который принёс афинянам радостное известие о победе и тут же скончался. Рассуждая о том, почему такое могло случиться с опытом бегуном, Ю.В. Шанин приводил следующие весомые аргументы. Накануне знаменитый бегун преодолел горный перевал, ведущий в Спарту, чтобы просить помощи у спартиатов, но те обещали её только через десять дней, ссылаясь на религиозные традиции. «Преодолев за два дня почти 200 км, да ещё по крутым горным тропинкам, посланец вернулся и, даже не отдохнув, бросился в бой с персами, сражаясь плечом к плечу с соотечественниками. Возможно, – высказывает предположение исследователь, – Фидиппит был даже ранен. Последний пробег стал для него столько триумфальным, сколь и роковым...» [6, С. 53].

Большое впечатление на юношества производят камень, по форме похожий на гирию. Вес этой глыбы – 143,5 кг, а размеры 68*39*33 см. Он находится в музейной экспозиции Олимпии. На нём – удивительная надпись: «Бибон поднял меня над головой одной рукой». Другой вариант прочтения – «Бибон бросил одной рукой через голову дальше Офоя», т.е. фактически выполнил толчок. Оказалось, что имя феноменального атлета известно и по другим источникам: он жил в VI веке до н.э. А на острове Санторин (в древности – Тера) другой камень свидетельствует, что опять же в VI веке до нашей эры атлет Евмаст оторвал его от земли, а вес – фантастический – 480 кг. Автор выше цитируемого нами труда высказал мысль о тесном переплетении легенд и фактов в греческой истории. Тем не менее он делает совершенно правильный вывод о том, что «слишком велик вклад эллинов в историю древней физической культуры, чтобы игнорировать хоть какую-то деталь их военно-спортивного быта» [6, С. 12].

Вузовский тренер может много почерпнуть из истории физкультуры и спорта, чтобы показать, насколько античность влияла на физическое и военное воспитание поколений, живших в другие эпохи, вплоть до современности. И, конечно, современное искажение и нарушение спортивной этики Олимпийских игр говорит только о моральной и иной деградации. Конечно, и в древности политика, бывало, примешивалась к спорту. Так, например, кулачные поединки, включённые в Олимпийские соревнования в 688 году до н.э., вначале имели вид благородного спорта, которым, в основном, занимались любители-аристократы. Здесь на первом месте стояла техника, ловкость, а не грубая сила. Так, был отмечен статуей знаменитый мастер кулачного боя Апис, за то, что, по словам поэта Луцилия, «Апис, кулачный боец, никого не поранил. За это был от соперников он статуей этой почтён» [6, С. 64].

Однако, по мере усиления соперничества между

греческими полисами, победа любой ценой становится целью политики. Спорт начинает профессионализироваться, и это зачастую приводит к поединкам, ценность которых в моральном свете сомнительна; нередко они заканчивались и трагедией, гибелью одного из поединщиков. Олимпийские и другие игры в Древней Греции не были свободны от различных нарушений, и греки делали много, чтобы сохранить чистоту и справедливость состязаний. Они карали позором, штрафом и даже изгнанием тех, кто нарушал спортивную этику.

Каковы же были те нарушения, которые бросают тень на Олимпийские игры древности и не позволяют их идеализировать. Во-первых, это нарушение правил в различных видах состязаний, особенно же в кулачных боях и самом травматическом виде – панкратионе. Здесь, случалось, выворачивали суставы, ломали пальцы и т.п. Был даже случай, когда соперник пробил поединщику грудную клетку и вытащил внутренности. Победу присудили погибшему, а горе-победитель был приговорён к изгнанию. Были и случаи подкупа соперников и попытки убежать с соревнований, испугавшись сильных соперников. Но больше всего возмущение вызывали попытки победителей выдать себя за граждан другого полиса, польстившись на деньги или другие обещания. Так, победивший в беге Астил, гражданин города Кротона, стал

выдавать себя за жителя Сиракуз. Кротонцы быстро вынесли решение: его дом превратить в тюрьму и свалить статую Астила, которую поставили ему за предыдущие победы. Плачевна была судьба Сотата, тоже бегуна: являясь жителем Крита, он за деньги стал вдруг гражданином Эфеса. Приговор – вечное изгнание.

Эти и другие примеры учат патриотизму, верности своей Родине. Они актуальны и теперь: вспомним недавно случай в НХЛ, когда российский спортсмен отказался подыграть ценностям, искажающим человеческий облик, при этом он сослался на религиозные мотивы, тем не менее – это настоящий поступок патриота. Хотя по сравнению с древнегреческими понятиями современные правила сильно смягчились.

Мы полагаем, что каждому вузовскому тренеру можно и нужно использовать античную, да и современную героику спорта, чтобы сохранять высокие спортивные соревновательные идеалы. Что же касается морали, спорта и политики, то ещё Платон обосновал подчинение личности государству, ссылаясь на то, что «настоящий художник обдумывает любую часть своего творения, имея в виду целое, а не наоборот. Интересы государства становятся в таком случае критерием морали» [3, С. 71].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / репринт V издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1371 ст.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т.1: А-З. М.: Русский язык-Медиа, 2007. 699 с.
3. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали: пер. с польского. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-Д): пер. с нем. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
5. Шан-Гирей А.П. М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 33-55.
6. Шанин Ю.В. Герои античных стадионов. М.: Физкультура и спорт, 1979. 127 с.

© Наркевич-Иодко Маргарита Сергеевна (narkevich.m.s@pgau.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СМЕНА ОБРАЗОВ НАУКИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

CHANGING IMAGES OF SCIENCE IN CULTURAL AND HISTORICAL DYNAMICS

**M. Raitina
M. Kokarevich**

Summary: The article shows that science is undergoing a radical revision of its fundamental characteristics associated with a change in the socio-cultural foundations of scientific knowledge. Topical issues of forming a generalized image of science in various periods of its development are excluded. comparative analysis of the main research method. The authors come to the conclusion that in modern conditions there is the ability to use the role of the starting point for the analysis of science as a phenomenon.

Keywords: science, sociocultural context, image of science, culture, pragmatic turn.

Раитина Маргарита Юрьевна

доктор философских наук, доцент, Томский
государственный университет систем управления и
радиоэлектроники
raitina@mail.ru

Кокаревич Мария Николаевна

Доктор философских наук, профессор, Томский
Государственный Архитектурно-Строительный
Университет
kokarevich@mail.ru

Аннотация: Показано, что наука претерпевает радикальный пересмотр фундаментальных характеристик, связанный со сменой социокультурных оснований научного знания. Рассмотрены актуальные вопросы формирования обобщенного образа науки в различные периоды ее развития. Основным методом исследования выступает сравнительный анализ. Авторы приходят к выводу о том, что в современных условиях категория образ науки способна выполнить роль отправного пункта к целостному анализу науки как социального феномена.

Ключевые слова: наука, социокультурный контекст, образ науки, культура, прагматический поворот.

Современная культурная ситуация характеризуется всеобъемлющей трансформацией мировоззренческих представлений, нормативов и ценностей, не соответствующих старым культурным традициям и предписаниям. Одной из причин кризисных явлений может рассматриваться напряженный поиск и моделирование образа культуры релевантного современным реалиям жизни. Методологический каркас современной философии предполагает свободу описания и переописания, осмысления и переосмысления. Так, на сегодняшний день поднимается вопрос о пересмотре образа науки, ее значения. Поскольку именно наука, впрочем, как и другие элементы культуры, претерпевает существенные изменения – утрачивается статусность, роль, качество науки, даже сама наука и научность ставятся под вопрос [2]. Кризис в понимании того, что представляет собой наука, связан с высказываниями о «конце науки» (Дж. Хорган) [9] или «постистории» (Ж. Бодрийяр) [1]. Это согласуется с выводами представителей постмодерна (М. Фуко, Ф. Лиотар), которые критикуют науку, делая её ответственной за обезличивание и отчуждение человека от самого себя. Посредством науки, через её инструментарий, навязываются внешние нормы, которые превращаются во внутренние регуляторы поведения. Наука – часть власти, возможно наиболее продуктивная, начиная с периода Нового времени, один из возможных дискурсов, используемых для достижения целей [8]. Отметим, что под образом науки мы понимаем представ-

ление о науке, раскрывающее ее обобщенный смысл в конкретный культурно-исторический период. Соответственно, понимание сущности самой науки как способа познания и понимание ее образа в культурной динамике, рассматриваются в разных плоскостях.

Существует множество преломлений осмысления образа науки в системе культуры. Одним из первых данный термин определил отечественный исследователь А.П. Огурцов [7]. Также рассмотрению конструкта «образ науки» в различных интерпретациях посвящены работы В.А. Лекторского, В.А. Кутырева, В.С. Швырева, В.Н. Поруса, Е.А. Мамчур, А.И. Прихидько, В.В. Миронова, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Фуко, А.Н. Уайтхеда, И.Р. Пригожина. По мнению таких исследователей как В.В. Миронов, Е.А. Мамчур, образу науки присущи два крайних измерения с точки зрения общественного сознания, сложившегося к началу XX века, а именно, сциентизм и антисциентизм [4,6]. Антисциентизм, как подвид мышления, направлен на критику научного познания, обвиняя его в социальных катаклизмах и отрыве от истинных ценностей человечества, а также нивелирует роль и ценность науки в общекультурной динамике. Что касается сциентизма, в утрированном варианте воспевается безусловный культ научного знания с апелляцией к таким его характеристикам, как объективность, беспристрастность, свобода от ценностей, что безусловно абсолютизирует науку и научность, оставляя науке роль «идола» и контро-

лирующего начала. Проблема заключается в отсутствии общепризнанного методологического подхода к изучению науки. Как правило, полемика носит дискуссионный характер, определяя многоликость исследовательского поля и уже сложившихся концепций. Тем не менее, поиск методологических оснований, актуальных сегодняшнему состоянию общества, которое характеризуется состоянием турбулентности, и позволяющего включить науку в современный культурный контекст, целесообразно начинать с анализа уже сложившихся этапов развития науки.

Как известно предтечей становления самостоятельного статуса науки было начало гуманизма эпохи Возрождения, оправдавшего сначала человека как земного существа, реабилитировавшего человеческую телесность. В последующем человек был возвышен до уровня Бога, когда его субъективный разум стал тождественен разуму абсолютному. Далее, начиная с эпохи Возрождения, утверждаются принципы математического естествознания. Так, Г. Галилей, вводя принципы математики в качестве инструмента описания природы в физику, определяет античный принцип о том, что книга природы написана языком математики. Что еще раз дает нам представление об обусловленности научного знания социокультурным контекстом не только становящейся новоевропейской эпохи, но и прежде всего, влиянием античности.

На идее Г. Галилея порядка 130-140 лет строилась, так называемая «стандартная концепция науки». Мыслитель утверждал, что в науках о природе выводы истинны и необходимы, и человеческий произвол здесь ни при чем. И, несмотря на постоянную изменчивость мира природы, в основании этого мира находятся неизменные вещи. Мир «стандартной концепции науки» (впоследствии данный исторический период эволюции науки будет обозначен, как классический этап) был построен на том, что наука развивалась «сама по себе», влияние субъекта, поискового фона, социокультурной составляющей было исключено из понимания и описания науки, и большинство западных исследователей науки и философии основывались на данном понимании науки. Покорительская доминанта человека по отношению к природе становится важным культурным вектором, который в дальнейшем только увеличил свое ускорение. Данные установки были реализованы в исследовательском поиске как представителей позитивизма, так и неопозитивизма. В такой логике была предпринята попытка создать оптимальную модель науки, которая не учитывала бы включенность человека историю науки. И только в середине XX века, благодаря неопозитивистским построениям, были опровергнуты концептуальные основания «внеисторического рационализма», и появилась новые образы науки. Так, Т. Кун обратился непосредственно к проблеме взаимообусловленности деятельности научного сообщества и социокультурной

среды. Само по себе это обстоятельство также явилось реакцией на внеисторичность позитивистских установок, где проблемное поле анализа науки было сведено к исследованию логической структуры теории, к процедурам проверок гипотез, к методам верификации и фальсификации. По существу, введя понятие «социокультурной среды», историческая школа раздвинула тот узкий коридор, который был определен в исследовании науки позитивизмом и неопозитивизмом.

Если, оценивая современное состояние методологии науки, еще нельзя полагать существование общепризнанной теории научного развития, то сейчас мы говорим о наличии согласия в понимании социальной обусловленности развития мира и науки, неразрывной связи законов развития науки, общества и природы. Во многом это обусловлено тем, что в культуре действует единый ритм развития, следовательно, невозможно не учитывать распространение влияния науки на все компоненты общественного развития и составляющие мира культуры. Мир механики наукой уже освоен, а перенесение механистических идеалов научности и норм научного исследования на современную, быстро развивающуюся действительность может обернуться неопределенными и даже катастрофическими последствиями. Мир снова, как в эпоху античности, предстал перед человечеством органически целостным и живым, но, в отличие от античного периода, быстро развивающимся и зависимым от деяний человеческих. Стало очевидно, что не существует абсолютных истин, что исследователь (субъект) и исследуемое (объект) взаимосвязаны, что интерпретация научных фактов обусловлена научным замыслом, что развитие науки невозможно понять вне социокультурного пространства соответствующей эпохи. Формирование альтернативного характера развития научного познания (неклассическое естествознание, принципы индетерминизма, вероятностное видение мира и т.д.), его вписанность в культурно-исторический контекст, с учетом аксиологической составляющей, определило альтернативные варианты осмысления науки с обращением, в том числе, и к гуманистическому потенциалу культуры. Наряду с традиционным, сложившимся образом науки в современной философии и методологии науки, отметим упомянутую выше тенденцию постмодернистского видения науки, которая не имеет четко заданных характеристик, рассматриваемая как одна из социальных практик, не имеющая права на истинность и, тем более, на абсолютность. Например, Ф. Лиотар обращает внимание на то, что наука – это одна из форм «языковой игры», не имеющая объективного общеобязательного смысла – «Научное знание – это вид дискурса. Знание не сводится к науке и даже вообще к познанию. Познание можно трактовать как совокупность высказываний, указывающих на предметы или описывающих их...и по отношению, к которым можно сказать, верны они или ложны» [3].

Постмодернизм как неклассическая философская концепция формирует модель реальности как символическую, фрагментарную, декодированную, и, по сути, выступает как генетический фон для прагматического поворота в философии науки, определяя новый образ науки. В условиях информатизации, цифровизации, технологизации современной социальности, мыслительная деятельность человека неизбежно становится алгоритмизированной. Таким образом, формируется образ науки под влиянием социокультурного контекста, который в свою очередь сгенерирован увеличением значимости технологических прикладных исследований в науке и расширением спектра методологических исследований в философии науки.

Образ науки, понимаемый как диалог когнитивных и дискурсивных практик, обладающих контекстными особенностями и представляющих исторически меняющиеся, конкретные формы практики, дает более глубокое понимание науки, рассматриваемой в качестве социальной практики [5]. Диалоговая составляющая данного образа науки актуализирует принципы интертекстуальности и коммуникативности в множественных контекстах,

которые формируют современную рациональность [9].

Итак, мы привели лишь некоторые иллюстрации культурно-исторической трансформации, определяющие, что при формировании образа науки социокультурные факторы не только фон, контекст, но и в ряде случаев непосредственный участник научного движения. Изменение структуры знания, роли междисциплинарного слоя знания приводит к тому, что структура научного знания меняется и вопрос о собственно научном и предпосылочном становится актуальным. Таким образом, множественность интерпретаций образов науки, сложившихся в философии, выступает выражением того ключевого звена, которое и является детерминантом многогранности смыслов, отражающих содержательную сторону научного познания. Специфичность изменения представлений о науке в культурно-исторической трансформации – это эпистемологическая проблема, которая может быть рассмотрена в горизонте интегративности и междисциплинарности, поскольку категория образ науки, на наш взгляд, способна выполнить роль отправного пункта к анализу и исследованию науки как социального феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. 258 с.
2. Кутырев В.А. Как готовится конец света в философии и науке (наша цивилизация в эпоху трансмодерна) // Философская мысль. 2013. № 4. С. 83–116. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.285 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=285
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб, 1998. 160 с.
4. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М.: Канон+, 2008. 400 с.
5. Микешина Л. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. – М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
6. Миронов В.В. • Образы науки в современной культуре и философии. М.: Гуманитарий, 1997. 254 с.
7. Огурцов А.П. Образы науки в буржуазном общественном сознании // Философия и наука. М., 1972. С. 315–349.
8. Огурцов А.П. Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004. 520 с.
9. Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Пер. с англ. М. Жуковой. СПб.: Амфора, 2001. 479 с.
10. Kristeva J. La revolution du langage poetique: L'avant-garde a la fin du XIXe siècle: Lautreamont et Mallarme. P., 1974. P. 443.

© Раитина Маргарита Юрьевна (raitina@mail.ru), Кокаревич Мария Николаевна (kokarevich@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАССУЖДЕНИЯ К. ПОППЕРА ОБ ОТКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

C. POPPER'S REASONING ABOUT AN OPEN SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Skopa

Summary: The article analyzes the postulates of K. Popper, laid down in the work "Open Society and its Enemies". Karl Popper, the most famous philosopher of science, entered the history of the twentieth century. At the same time and as one of the bright defenders of the ideal of political freedom. Popper K. was an ardent opponent of the idea of managing the historical process and the idea of its meaningfulness, which implies the unequatability of people in history and the dependence of social development on the efforts of a highly gifted and well-educated elite. Popper believed that the problem of getting rid of his leaders was laid down in the very nature of the government and that this is a utopian fantasy – to think that we can solve this problem, forcing the "best" to do this work. Popper gave an explanation that the reign of the majority is an institutional mechanism that can be useful to avoid tyranny and dictatorship. But he also feared that he could very easily turn into the tyranny of the majority.

Keywords: social philosophy, K. Popper, public institutions, rationalism, individualism.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация: В статье анализируются постулаты К. Поппера, заложенные в работе «Открытое общество и его враги». К. Поппер, известнейший философ науки, который вошел в историю XX в. одновременно и как один из ярких защитников идеала политической свободы. Он был ярким противником идеи управления историческим процессом и идеи его осмысленности, предполагающей неравнозначность людей в истории и зависимость общественного развития от усилий высоко одаренной и хорошо образованной элиты. Поппер считал, что проблема избавления от своих лидеров заложена в самой природе правительства и что это утопическая фантазия – думать, что мы можем решить эту проблему, заставив «лучших» выполнять эту работу. Поппер дал объяснение, что правление большинства – это институциональный механизм, который может быть полезен для избегания тирании и диктатуры. Но он также опасался, что он может очень легко превратиться в тиранию большинства.

Ключевые слова: социальная философия, К. Поппер, общественные институты, рационализм, индивидуализм.

Современная действительно во многом заставляет переосмыслить, а порой дать оценку происходящим социально-политическим трансформациям на качественно новой основе, с учетом достижений науки и мировой практики, теоретических и методологических наработок, которые во многом будут являться методологической основой заявленной проблемы.

Исторический опыт XX столетия заставляет нас пристально взглянуть на философию Просвещения, поскольку она заложила цельное историческое мировоззрение и во многом предопределило судьбу западной цивилизации. XX и XXI столетия ознаменовались вовлечением всего человечества в пространство модерна и, это во многом касается изменений политического и экономического характера. Глобализация и интернационализация существующих и взаимодействующих социальных институтов, и их подсистем, повлекла трансформацию личности. Многие устои современности стали меняться и, далеко не всегда в лучшую сторону.

Просвещение определяло своей целью создание силами человека единой цивилизации, воплощающей

принципы разума и свободы. Однако средства и пути достижения указанного гуманистического идеала выбирались разные, во многом это можно экстраполировать и на сегодняшний день: построение демократии, формирование «открытого общества», индивидуализация личности и многое другое [9].

Нынешний кризис общества, который во многом проявляется в дестабилизации существующих систем, в первую очередь в социальной, можно объяснить устремлением человека к постижению глобального, что приводит к дисбалансу и порождает хаос, который, в свою очередь, приобретает статус неотъемлемого, является имманентным всего человечества. Данные процессы подталкивают научное сообщество к осмыслению этого, формированию новых идей и воззрений, нацеленных на обеспечение нового цивилизованного качества социальной открытости, в том числе и открытого государства [6].

Жизнь человека, его культурная составляющая являются открытыми, а вместе с тем предполагают всецелостную человеческую открытость. Поэтому, когда люди сталкиваются с системным кризисом существования,

они ищут новые формы социальной и политической открытости [11]. В данном контексте Карл Поппер это определил, как «социальная инженерия частных решений» [16, с. 175].

Целью данной статьи является выявление особенностей развития «открытого общества» в воззрениях К. Поппера в социально-философском аспекте.

Историография заявленной проблемы представлена исследованиями разнонаучной направленности – история, философия, социология, политология, что указывает на высокий интерес и стремление ученых разобраться в категории «открытое общество», его природе и сущности, важности и значимости для субъектов социальных отношений. Так, историко-политический аспект нашел отражение в исследованиях Х. Арндт, Б.К. Капустина, А.В. Михайловского [1, 8, 10]. Философская природа проблемы поднята в работах Л.Б. Баженова, Л. Джеймонат, А.И. Дзема, В.С. Егорова [2, 4, 5, 6]. В тоже время, несмотря на глобальность проработки и существенный массив исследований, «открытое общество» К. Поппера нуждается в рассмотрении через призму социально-философского аспекта.

Карл Поппер, известнейший философ науки, вошел в историю XX в. одновременно и как один из ярких защитников идеала политической свободы. Он полагал, что это общество значительно изменилось по сравнению с тем капиталистическим обществом, современником которого был и которое описал К. Маркс [17, 18].

Согласно Попперу, системообразующим критерием «открытого общества» является конкуренция между людьми. В данном векторе рассуждений им отмечено, что «в открытом обществе многие его субъекты хотят изменить свое социальное положение и сдвинуть других членов» [16, с. 221]. Продолжая рассуждение, Поппер констатирует, что может это все повлечь классовую борьбу, социальный антагонизм. В то же время данное суждение противоречит следующему высказыванию: «Нужна этика, игнорирующая успех и награды.... Мы должны учиться выполнять свою работу, приносить жертвы во имя этой работы, а не во имя похвалы или во избежание порицания... Мы должны искать себе оправдание в нашей работе – в том, что мы делаем сами, а не в фиктивном смысле истории» [16, с. 285].

Известно, что К. Поппер был ярким противником идеи управления историческим процессом и идеи его осмысленности, предполагающей неравнозначность людей в истории и зависимость общественного развития от усилий высоко одаренной и хорошо образованной элиты [14]. Это полностью противоречит базовому постулату демократии о равнозначности людей в политике и в истории. Соответственно, все логические противоречия

концепции «открытого общества» Поппера – это следствия попыток совместить требование конкуренции в «открытом обществе» с постулатом политической и интеллектуальной «уравниловки» классической демократии [3, 7]. Но когда два упомянутых принципа сталкивались, Поппер становился на сторону «демократической уравниловки» и всячески «критиковал» конкуренцию, выдвигая различные средства, однако никогда не рассматривал их в качестве реальных социальных технологий [5]. Так, невозможная в чистом виде даже для «закрытого общества» «этика бескорыстия» была нужна Попперу исключительно для доказательства принципа равнозначности всех людей в истории и бессмысленности исторического процесса в целом. Но как только «объективная бессмысленность истории» была доказана, он тут же благополучно не вспоминает об «этике бескорыстия» [15].

Применительно к сфере образования Поппер, писал: «Вместо того, чтобы поощрять учащегося посвятить себя учению ради учения, вместо того, чтобы поддерживать его подлинную любовь к изучаемому предмету и исследованию, его поощряют учиться ради личной карьеры... Невыполнимое требование институционального выбора интеллектуальных лидеров ставит под угрозу саму жизнь не только науки, но и интеллекта» [13, с. 174]. Казалось бы, вот он, альтернативный образовательной конкуренции универсальный принцип отбора и подготовки интеллектуальных лидеров и решения проблемы институционального контроля за верховной политической властью: «учение ради учения» [13]. В то же время – это не так. Согласно Попперу, задача «институционального выбора интеллектуальных лидеров» неразрешима в принципе. Но это полностью обесмысливает идею образования – и конкурентного, и основанного на принципе «учения ради учения». Призыв к учению был важен Попперу не как альтернативное решение проблемы эффективной подготовки интеллектуальных лидеров человеческого сообщества, а как средство дезавуирования платоновской педагогической идеологии; в конечном счете – квазидоказательство невозможности институционализированной подготовки и последующего эффективного гармонического отбора интеллектуально-креативной элиты [13].

Свои взгляды в области политической этики Поппер развивает в ходе полемики с Платоном, которого он обвиняет в радикальном этическом тоталитаризме: «... я считаю, что в нравственном отношении политическая программа Платона не выходит за рамки тоталитаризма и в своей основе тождественна ему» [12, 16, с. 297].

Центральная тема противостояния Поппера и Платона — проблема справедливости в сфере политики. В данном контексте Поппер пишет: «Что мы в действительности имеем в виду, говоря о справедливости? Я не думаю, что вербальные вопросы такого рода важны или

что на них может быть получен определенный ответ: ведь термины, подобные «справедливости», всегда используются в различных смыслах. Однако я полагаю, что большинство из нас, особенно те, кто привержен гуманизму, говоря о «справедливости», имеют в виду равное распределение бремени гражданских обязанностей; равенство граждан перед законом; справедливый суд и равное распределение преимуществ [16, с. 332]. Во всем этом Поппер акцентирует внимание на объективной полисемантической понятию «справедливость», а также на связи между той или иной этической трактовкой данного термина и характером соответствующей политической программы.

Более точно Поппер структурирует предмет полемики с Платоном в следующем отрывке: «Гуманистическая теория справедливости выдвигает три основных требования или предложения: принцип эгалитаризма; общий принцип индивидуализма; принцип, в соответствии с которым задача и цель государства – защитить свободу своих граждан. Каждому из этих политических требований, или предложений, соответствует прямо противоположный принцип платонизма: принцип естественных привилегий; общий принцип холизма или коллективизма; принцип, в соответствии с которым задача и цель индивида – сохранить и усилить стабильность государства» [16, с. 351]. Возможно, данная структуризация и от-

ражает важнейшие моменты идейного противостояния Поппера и Платона, однако, если брать понятие «справедливость» в общем смысле она весьма тенденциозна и неполна, поскольку не учитывает альтернативные – более адекватные и эффективные, нежели предлагаемые Поппером к дискутированию, – решения.

Поппер считал, что проблема избавления от своих лидеров заложена в самой природе правительства и что это утопическая фантазия-думать, что «мы можем решить эту проблему, заставив «лучших», «мудрых выполнять эту работу» [14, с. 115]. Поппер заложил постулат, что правление большинства – это институциональный механизм, который может быть полезен для того, чтобы избежать тирании и диктатуры. Но в тоже время он опасался, что это (большинство) может очень легко превратиться в тиранию.

В целом, «открытое общество», в понимании Поппера, создается в процессе уничтожения «закрытого общества», и оно не может иметь базовый фундамент на традиционной основе. Поэтому оно, основанное на рационалистических началах, способно стать универсальным образцом для всего человечества. В противовес своим рассуждениям Поппер определял «Идеальное государство» Платона тоталитаристским обществом, которое лишено индивидуализма, открытости и демократических принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арент Х. О насилии (перевод с сокращениями) / Мораль в политике. М.: Изд-во МГУ, 2004.
2. Баженов Л. Б. Размышления при чтении Поппера // Вопросы философии. 2002. № 4. – С. 159-169.
3. Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982.
4. Джеймонат Л. О философии Поппера: критические заметки // Вопросы философии. 1983. № 8. – С. 147-155.
5. Дзема А.И. Философско-исторические основания теории «открытого общества» Карла Поппера: автореф. дис. канд. философ. наук. Краснодар, 2005.
6. Егоров В.С. Философия открытого мира. М., 2002.
7. Зотов А.Ф. Современная западная философия. М.: Высшая школа, 2001.
8. Капустин Б.К. Моральный выбор в политике. М.: КДУ, 2004.
9. Левицкий С.С. Трагедия свободы. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011.
10. Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 7. – С. 25-38.
11. Овчинников Н.Ф. Карл Поппер наш современник – философ XX века // Вопросы философии. 1992. № 8. – С. 78-90.
12. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015.
13. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
14. Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
15. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УССР, 2002.
16. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М.: Феникс, 1992.
17. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, 1992.
18. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. – С. 73-86.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Atanov A. – D.Sc. in Philosophy, Professor, Baikal State University (Irkutsk)

Avramtsev V. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of RANEPА

Avtukh V. – Graduate student, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg

Barzyh A. – Junior research, assistant, Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

Bernadskaya K. – Assistant, St. Petersburg State Institute of Culture

Bulgakova O. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Surgut State University of KhMAO-Yugra

Burykina M. – Doctor of Psychological Sciences, Professor Bryansk State University named after I.G. Petrovsky,

Bushueva V. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, National Research University Moscow State Technical University them. N.E. Bauman

Charikova T. – Senior Lecturer, Omsk State University of Railway Engineering

Eliseev Yu. – Teacher, Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

Eliseeva E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Research University Moscow State University of Civil Engineering

Fateeva A. – speech therapist, MBDOU Secondary School No. 4 (preschool groups), village of Bryansk region

Fedorovskaya N. – Doctor of Art History, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Our authors

Ganshin S. – Teacher, Synergy University, Moscow

Grishnova E. – doctor of political sciences, professor, National Research University Moscow State Technical University them. N.E. Bauman

Gudimenko O. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Omsk State University of Railway Engineering

Ivashchenko A. – PhD, Moscow State construction university

Izykenova I. – graduate student, East Siberian State Institute of Culture

Kashlatova L. – Cand. of Sciences (Cultural Studies), senior research associate, BU Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, pqt Beryezovo

Kirillov K. – Ufa State Petroleum Technical University

Kirnarskaya D. – Doctor of Art History, Doctor of Psychology, Professor of the Russian Academy of Music. Gnesins

Kokarevich M. – PhD, Professor, TSUAB

Komissarenko S. – Doctor of Culturology, professor, professor, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, honorary worker of higher education of Russia

Korol L. – candidate of biological sciences, assistant professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); assistant professor, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

Kostiuk E. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Saint-Petersburg humanitarian University of trade unions

Kovaleva M. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service Russia, Kursk

Laminina O. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, National Research University Moscow State Technical University them. N.E. Bauman

Latypova E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ufa State Petroleum Technical University

Liu Siyu – Postgraduate student of Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Malimonov I. – senior lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); assistant professor, Siberian Institute of Business, Management and Psychology (Krasnoyarsk)

Mayorova V. – postgraduate student, National Research State University named after N.I. Lobachevsky"; Legal counsel of the Legal Department of NORCHEM LLC

Moguchev I. – Ufa State Petroleum Technical University

Morozova O. – PhD of architecture, Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

Narkevich-Iodko M. – Associate Professor, Penza State Agrarian University

Orlova E. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service, Russia, Kursk

Podnebesnaya E. – PhD in Psychology, psychologist, Centr "Open reality" (Moscow)

Potemkina A. – Postgraduate student, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPА

Raitina M. – PhD, Associate professor, TUSUR

Rakhinsky D. – doctor of philosophy, professor, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University; professor, Krasnoyarsk State Agrarian University

Savinykh L. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Surgut State University of

KhMAO-Yugra

Semukhina E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Shepeleva Ju. – senior lecturer, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

Shibarshina Yu. – speech therapist, MBU "Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance "LadyA", Bryansk

Sinkovskaya I. – candidate of sociological sciences, assistant professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); assistant professor, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University, (Barnaul)

Vasina M. – Clinical psychologist, specialist in cognitive-behavioral therapy

Vavanov D. – Teacher, Moscow State construction university

Wang Gong – Senior Lecturer, Heihe University, Heihe

Wang Luyang – Associate professor, Heihe University, Heihe

Wei Wen – Postgraduate student, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Yu Yongming – Senior Lecturer, Heihe University, Heihe

Zabolotskaya E. – Docent, PhD in Technology, Russian State University named A.N. Kosygin (TECHNOLOGIES. DESIGN.ART), Moscow

Zaslavskii D. – Postgraduate student, Pacific National University

Zvereva O. – Senior Lecturer, Baikal State University (Irkutsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).